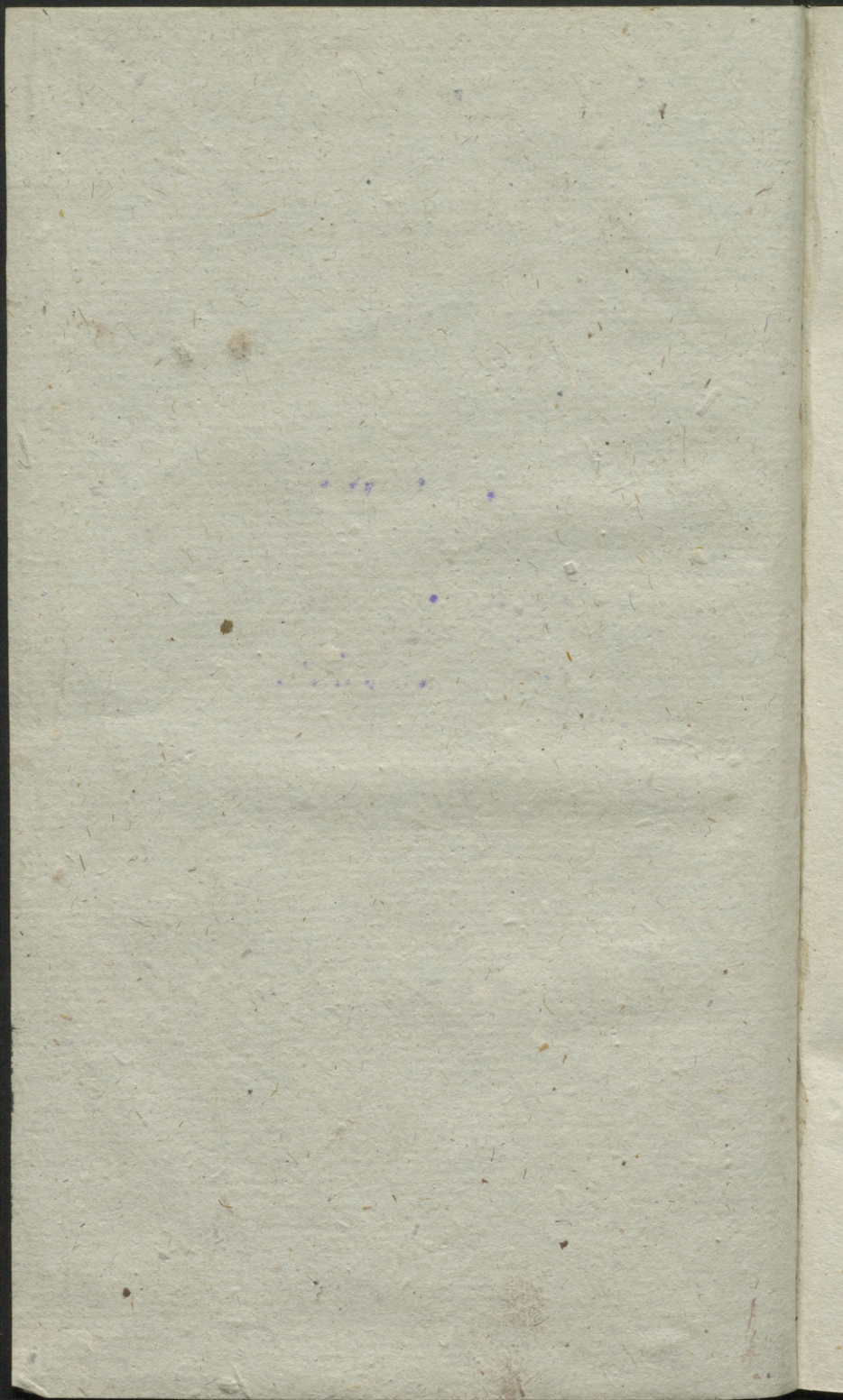
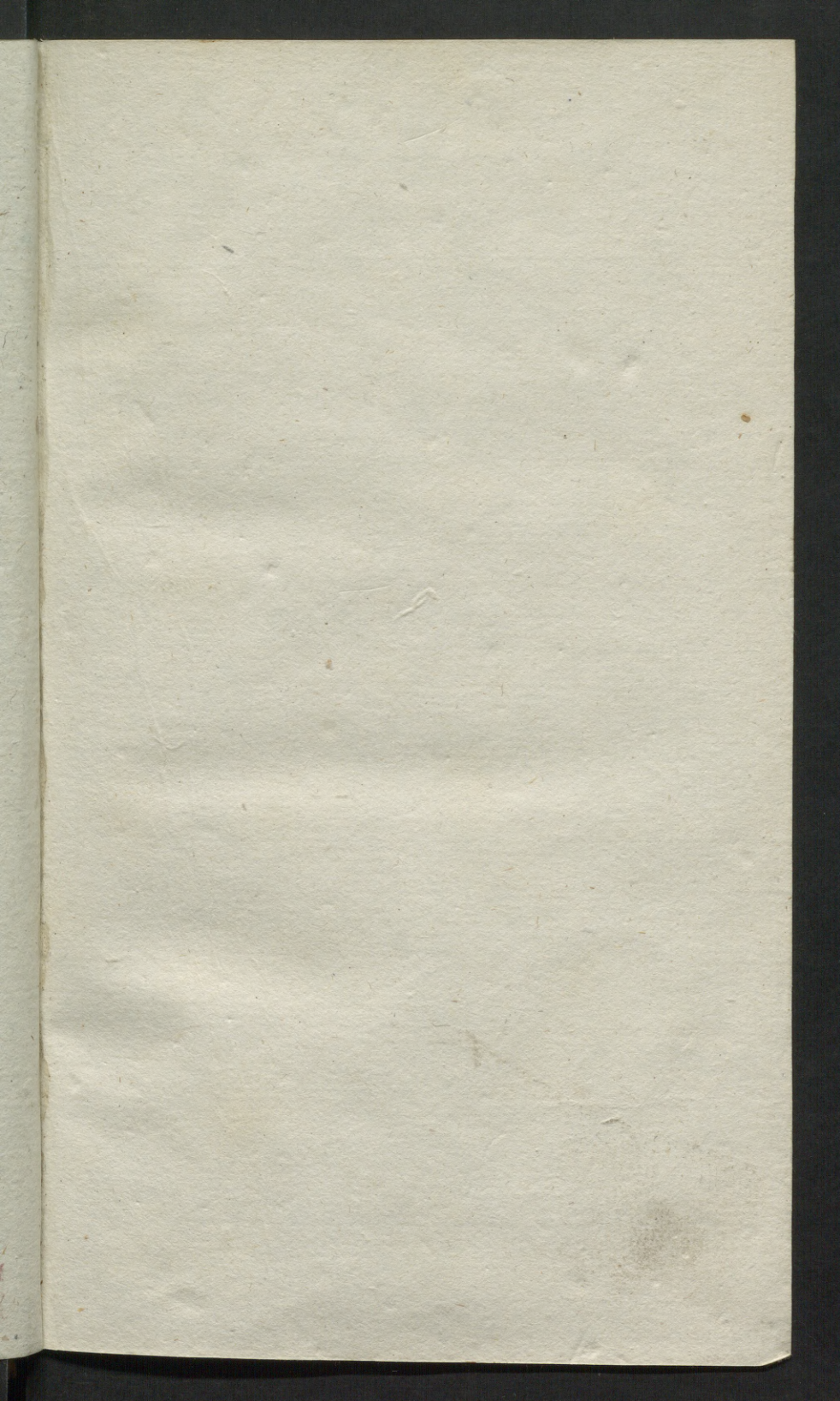
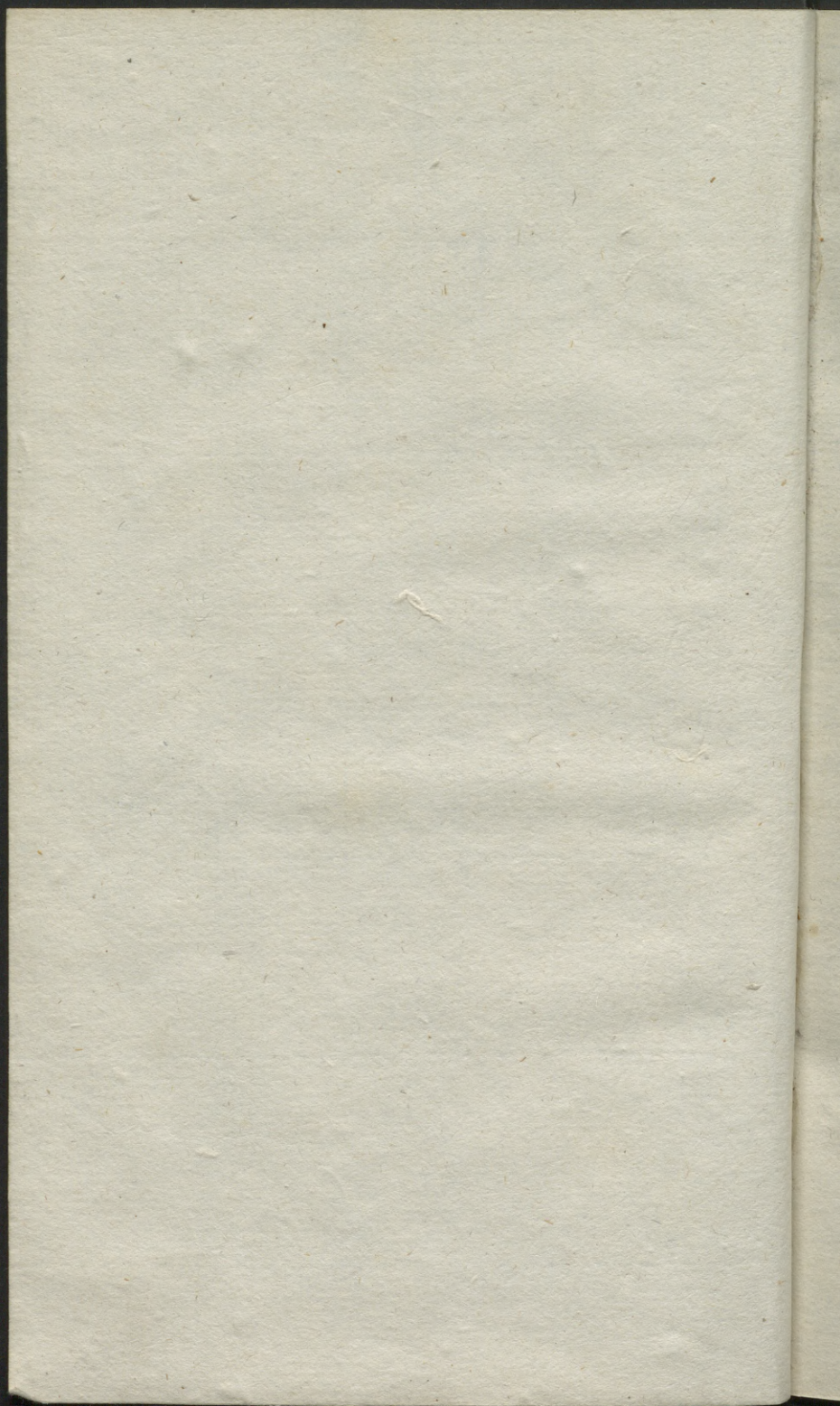

Минина Николая
Блюшка.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

RECEIVED

1880 - 10 6 80

9/43)
ор 885

ПЕРЕПИСКА
ФРИДЕРИКА
ВЕЛИКАГО
КОРОЛЯ ПРУССКАГО

съ Господиномъ Вольтеромъ,
съ 1756 по 1778 годъ.

1944 г.

Переводъ съ Французскаго.

Новое исправленное издание.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Иль 1944

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

Печатано въ Типографіи И. Байкова,
1816 года.

Редкие
КНИГИ

Отдел хранения
Сос. Публ. Библиотеки
им. В. Г. Белинского
г. Свердловск

Иль 1944 г. № 25080

9(43) : 92

Ф Р Н Д Е Р К А

В Е Д О М О С Т И

К О Л Л Е К Ц И Я

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ шѣмъ, чшобы по напечатаніи, до выпуска въ продажу, представлено было въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библиотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Іюня 30 дня 1816 года.

Цензоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
И. Тилковской.

П И С Ь М А
КОРОЛЯ ПРУССКАГО
И
ГОСПОДИНА ВОЛЬТЕРА.

П И С Ь М О I.

Отъ Короля Прусскаго:

Шарлотенбургъ, 6 Юня 1740.

Любезный другъ!

Моя участь перемѣнилась. Я видѣлъ, какъ страдалъ и томился умирающій Король. Надобно ли было видѣшь сїи обстоятельствова, чшобы, вступая на престоль, научиться презирашь суешность величества челоѳческаго?

Я собирался написать что-нибудь Меттафизическое: пенерь долженъ приняться за Полишику. Думалъ прежде играшь на лирѣ съ любезнымъ Вольперомъ, а Махїавель вызываешъ на брань. — Нвчего дѣлать! Судьба не въ нашихъ рукахъ. Челоѳкъ рожденъ кружиться въ вихрѣ приключеній.

Считайше однако меня всегда ревностнымъ гражданиномъ, нѣсколько сумнящимся Философомъ и истинно вѣрнымъ другомъ. Бога ради, пишите просто, какъ къ челоѳку, и презирайте со мною чины, шишулы, весь блескъ наружной.

До сихъ поръ не соберусь съ духомъ. Дѣль такое множесшво, а я еще прибавлю ошъ себя! . . . Не смошря на мои хлопоты, имѣю довольно времени — удивляшсь Вольшеру, и почернашъ изъ сочиненій его насшавленія и удовольствіе.

Ештли не умру, посшараюсь нынѣшнимъ годомъ увидѣшсь съ вами.

ФРИДЕРИКЪ.

П И С Ь М О II.

Отъ Г-на Вольтера.

18 Іюня, 1740.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Участъ Ваша перемѣнилась, но любезная душа оспалась по прежнему; шолько моя душа не шакова, какъ прежде. Я изсшари былъ небольшой нелюдимъ, ошъ шого, что несправедливосшъ людей всегда меня огорчала. Теперь веселюся и радуюсь о Васъ! Хвала Небу! мои предсказанія начинаюшъ сбывашсь, ш. е. Васъ уже любяшъ въ опечесшвѣ и цѣлой Европѣ. — Въ послѣднюю войну Резидентъ Имперашорскій сказалъ Кардиналу Флѣри: „Милосшивый Государь! Французы очень любезны, но они всѣ — Турки!“ Вашъ Посланникъ можетъ шеперь сказащъ: „Французы всѣ — Прусаки!“

Министръ, управляющій пою областію, въ копорой я живу, говорилъ мнѣ: „Посмотримъ, не выгонитъ ли онѣ шопчасъ въ чиспую эспихъ великорослыхъ солдапъ, копорые съѣдали казеннаго хлѣба вдвое больше положеннаго количества!“ Я отвѣчалъ Министру: Нѣтъ! онѣ ничего не сдѣлаешъ вдругъ, и не обдумавъ; онѣ даже не покажешъ вида, что хощѣлъ бы *изпроверенуть* злоупотребленія предшественника. Его намѣреніе, мало по малу *исправлять* ихъ. — Признайшесь, Великій Государь, что я хорошій угадчикъ!

Вы изволили приказашъ мнѣ думашъ о Себѣ, какъ о человекѣ, а не Монархѣ; приказъ совершенно по мнѣ! Я не знаю, какъ приняшъся говорить съ Государемъ; но имѣшъ дѣло съ Вами — душа моя! . . . Люблю Героя, у копораго въ головѣ и сердцѣ любовь къ человекству!

Есть у меня до Васъ прозьба—разумѣшся, отношусь не къ Особѣ Королевскаго Величества, — прошу *человѣка* увѣдомишъ меня: понялъ ли предмѣспникъ Вашъ хощя передъ смертію, кого по себѣ воцаряешъ? Характеръ покойнаго шакъ былъ далекъ отъ Вашего, что — легко спанешся — Король не зналъ Васъ; но ешъли наконецъ онѣ смягчился, ешъли полюбилъ васъ, ешъли оправдалъ шѣ любезныя чувства, копорыми Вы почпили память его въ послѣднемъ Вашемъ письмѣ ко мнѣ: въ шакомъ случаѣ я успокоюсь. Слова

два-три руки Вашей объяснили бы мнѣ мое недоумѣніе.

Его Величество спросишь, можешь бышь: для чего задаю шакіе вопросы *теловѣку*? — Знаеши ли, какъ *отвѣчалъ* бы я на это: *Государь! всемія сердцемъ люблю теловѣка!*

Ваше Величество, или Ваше Человѣчество пишете, что Вы принуждены шеперь предпочесть Полишику Метифизикъ. Все хорошо; шолько не ссорьтесъ съ Кардиналомъ Римскимъ. Не сомнѣвайтесъ въ святости шакого человѣка, который, по духу смиренія, презрѣлъ свое маленькое Епископство, чтобы всеуниженно править Особою и достояніемъ Короля Французскаго! Думаю, смиренный Кардиналъ пошрудитсѣ, по долгу Каполика, исключитъ Васъ изъ спада своего словеснаго, потому что Вы — ерешикъ!

Вашему Величеству угодно было преобразиться въ человѣка, чтобы удостоивать меня перепискою по прежнему. Осмѣлюсь спросить человѣка-Монарха: какъ проводитъ онъ дни свои? Боюсь, чтобы упорная работа не изнурила его здоровья. Случитсѣ иногда поужинать, не взявъ отдыха между обѣдомъ и шпудами; шспаненіе по шпру съ недоваренною ницею; примешетъ работашъ съ головою не успокоенною; сдѣлаешетъ усилие, и — сляжешетъ въ постелю! Именемъ человѣчества, для котораго Вы шолько нужны, заклинаю Ваше Величество, берегите безцѣнное здоровье!

Въ письмѣ Королевскомъ есть словечко, ошъ кошораго я безъ памяши! . . Нынѣшнимъ годомъ обѣцано мнѣ — неизрѣченное лицеизрѣніе! . . Ахъ! не я одинъ въздыхаю о семъ блаженствѣ: Царица Савская неперпѣливо желаетъ видѣть Соломона во славъ его. Я писалъ объ этомъ къ Г-ну. Кейзерлингу; не знаю, будешъ ли удача.

Шестъ или семь недѣль спустя — естѣли не обманываюшъ меня Голландскіе книгопродавцы — буду имѣть честь доставивъ Вашему Величеству одно прекрасное сочиненіе, достойное Вашего царствования.

Есмь съ глубочайшимъ почщеніемъ — о чѣмъ бы и говоришъ не надлежало — съ нѣжнѣйшею признашельностію, съ чувствами неизъяснимыми,

и проч.

П И С Ъ М О III.

Отъ Короля.

Шарлотенбургъ, 12 Іюня, 1740.

Любезный другъ!

Метроманія (*) одержишъ меня и на престолѣ; чувствую, что никогда не излѣчусь

(*) *Страсть къ стихамъ.* По большой части берешъ въ худую сторону.

опъ сей болѣзни. Я могъ бы прислать къ вамъ доказательство — *въ стихахъ*, но шеперь Царьпѣснопѣвецъ чрезвычайно занятъ другими дѣлами. Мой народъ есть божество, которому приношу себя въ жертву. Ославляю до времени стихи и музыку; ославляю всѣ удовольствія, даже самага Вольпера. По чеспи, не легко носить Царскую порфиру: изъ за нее лежатъ на мнѣ дѣла и нужды цѣлаго Государства. — —

Когда сей богъ, то есть, счастье народа, будетъ удовольствованъ; тогда быспрѣе молнии брошусь въ объятія ваши, и спану почерпашъ изъ устъ любезнаго друга сладкіе уроки жизни.

Я зачалъ письмо о злоупотребленіяхъ моды и обыкновенія тогда, какъ обыкновение правомъ первородства обязало меня вступитъ на престоль. Моя лира умолкла. Охошно перемѣнилъ бы письмо на сапиру прошивъ сей самой моды, но сапира недостойна Особы Государя.

Ахъ, мой любезной! дѣлъ у меня шакъ много, что каждой день жалю, для чего въ сушкахъ только 24 часа! Признаюся, гораздо легче и безубыточнѣе жить для себя, нежели для другихъ.

Не прошившись болѣе нешерпѣливому желанію моему видѣть васъ. Скажите, не придумаетъ ли чего Ваше Человѣчество для ускоренія

ніа нашего свиданія? Въ Августѣ надѣюсь пріѣхашь въ Везель; можешь бышь пуцусь и даље. Обѣщайте съѣхашься со мною гдѣ - нибудь по близоспи. Умру съ опчаяніа, есшли не обниму вась.

ФРИДЕРИКЪ.

ПИСЬМО VI.

Отъ Г-на Вольтера.

Іюня, 1740.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Вчера привезли къ намъ двѣ Нѣмецкіа бочки, одну съ Венгерскимъ виномъ, другую подъ именемъ Господина Посланника Вашего: разумѣю здѣсь его толстое брюхо. — Есшли Государи соспавляющъ образъ боговъ, а Посланники образъ Государей; слѣдуетъ по чешвертой теоремѣ Господина Вольфа, что боги довольно спашны и довольно пухловаты!! Какъ не позавидуешь Гну. Камасу, не въ помъ, что предспавляешъ лице Ваше, но, что онъ опянь когда-нибудь увидишь Вась! . .

Топчасъ лечу къ любезному Посланнику, и съ первыхъ словъ узнаю, что Ваше Величештво, кошорое всегда спану звашъ Вашимъ Человѣчешвомъ, живете совершенно по человѣчески, и что прошедь дневное поприще Короля, въ часы успокоенія наслаждаешесь прелесшями

дружбы, несравненной съ прелестными коронами!

Сказываютъ, Вы изволише предпринимать путешесствіе къ берегамъ Прегеля. Да украситъ земля чело свое вѣнцемъ зеленымъ! Аполлонъ снабдишь ее лаврами, а Марсъ оливою — разумѣйся, естли наслѣдіе спраны Жульерской будешь зависѣть отъ сраженія и Вашей храбрости — Извѣстно Вашему Величеству, что Аполлонъ, богъ наукъ и стиховъ, побѣдитель Пяона и Алоидовъ, дерется подъ часъ какъ чортъ. Аполлонъ усшупилъ Вамъ свой лукъ и лиру: Васъ сполько же любящъ, сколько и боящя. Есть пословица: *всего вдрцеѡ не обвинишь*; но Фридерикъ вѣше пословицъ. Знаю, сколь Вы шверды и посшоянны въ предиріаніяхъ. Знаю, сколь любезно должно быть Небесамъ царшвованіе Вашего Человѣчества,

Не шеряю надежды видѣть Васъ. Естли Король Французкій опшправитъ съ поздравленіемъ къ Вашему Величеству шого, о комъ думаю: я непременно у Васъ. Опшправитъ другаго: я все у Васъ. Не будеше ли гнѣвашся, естли пріѣду завропто, безъ церемоній?

Твореніе Марка-Аврелія скоро выдешъ изъ печати: объ этомъ уже писано къ Вашему Величеству не однократно. Гнѣ. Камасъ нашель въ немъ мѣспечка два, кошорья, гово-

рилъ онъ, не полюбяшся извѣстнымъ Державамъ. Я осмѣлился смягчить ихъ, и радъ божишься, что книга сполько же сдѣлаешь чести Автору, сколько принесетъ пользы роду человѣческому. Впрочемъ если Ваше Величество раздумаете выпускать ее подъ своимъ именемъ, благоволише извѣстишь меня какъ можно скорѣе. — Въ Голландіи ни чѣмъ не оспановишь жадности типографщика, которой чувствуешь, что фортуна его сидитъ подъ печашнымъ спанкомъ! —

Скоро Академія должна процвѣтать подъ Вашимъ покровительствомъ: позволише ли мнѣ передать нѣкоторыя мои идеи Вашему благородному разсмотрѣнію?

Есмь на всегда съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію, и проч.

ПИСЬМО V.

Отъ Короля.

Шарлопенбургъ, 27 Іюня 1740.

Ваши письма, любезной другъ, радуютъ меня до безконечности. Вы хопите, чтобы я непрестанно говорилъ о себѣ, какъ неугомонный Аббатъ Шолье. — Удовлетворяю требованію вашему.

Слушайте же Берлинскія Газеты.

Въ пятницу прїѣхаль я по вечеру въ столицу. Король былъ въ опчаянномъ положенїи; однако принялъ меня ласково, удостоилъ разговоровъ о дѣлахъ внѣшнихъ и внутреннихъ; разсуждалъ со всею почностїю здравомыслія. Понедѣльникъ былъ лучшей день для больного. Тогда Король, спокойный и равнодушный на одрѣ смертномъ, завѣщаль мнѣ корону. Во вторникъ, въ пять часовъ утра, проснулся съ моими брашьями, съ любимыми чиновниками и со мною. Я, брашья и Королева не опходили опъ умирающаго. Казалось, не Фридерикъ умиралъ, но Споикъ, или Капонъ. Кончина Короля сполько же дѣлаеть ему чести, сколько героизмъ придаетъ блеска великому человеку.

Обремѣненный дѣлами, коихъ поступило ко мнѣ великое количество, не имѣю времени предаться всей моей горести. Я разчель, что завишу шеперь опъ опечесства — и въ семь духъ работаю, какъ говорится, обѣими руками.

Вопервыхъ, умножилъ силу Государства шестью бапаліонами, пятью эскадронами гусаровъ и однимъ Гвардейскимъ. Положилъ основаніе новой Академіи; прїобрѣлъ Вольфа, Мопершюи, Алгаротши. Ожидаю опвѣща опъ Сгравзанда, Вокансона и Эйлера. Учредилъ новую Коллегію для коммерціи и мануфактуръ. Выписываю живописцевъ и лѣппиковъ; наконецъ ѣду въ Берлинъ совершивъ обряды мгропомазанія.

Новый родъ жизни, какъ видите, довольно безпорядоченъ. Медицинской Фукультепъ призналъ за нужное предписать мнѣ ex officio пить воды Пирмонтскія, и вошъ какъ я разположилъ свое время:—Вспаю въ чепыре часа; пью воды до осьми; пишу до десяти; осмашриваю полки до двенадцати; опяшъ сажусь писашь; продолжаю до пяти часовъ; а въ вечеру забавляюсь съ избраннымъ общеспвомъ. — Когда приведу все къ намѣреваемой цѣли, тогда опредѣлю себѣ родъ жизни тихой и спокойной. Теперь увлекаешъ меня быстрое печеніе дѣлъ, новыя заведенія, бесполезные комплименты, окружныя Указы, и проч. и проч.

Всего болѣе занимаюсь учрежденіемъ хлѣбныхъ магазиновъ по уѣздамъ и провинціямъ. Я хочу, чшобы вездѣ доставало хлѣба казеннаго, по крайней мѣрѣ на полтора года; но . . .

Я усталъ говорить о себѣ. Позволь, мой другъ, спросить, увижусь ли когда-нибудь съ шобою? Орфей не могъ сойти съ большимъ удовольствіемъ въ адъ за любезною Эвридикою, сколько мнѣ хочешся поймать Вольпера. Но Плушонъ не шакъ опасенъ, какъ Эмилиа. Я боюсь, чшо не опшпустишь она васъ! — — —
— — — — —

Еще нѣсколько спрокъ. Письма Г. Камаса наполнены однимъ Брюсселемъ. Иной подумаешъ,

что онъ отправленъ не къ Лудовику, а къ Вольшеру. Vaie.

ФРИДЕРИКЪ.

ПИСЬМО VI.

Отъ Г-на Вольтера.

Гага, 20 Июля 1740.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Между прѣмъ, какъ Ваше Величество изво-
лите ѣхать по почтѣ къ полюсу Аркпиче-
скому для счастія жителей, моя немочь пря-
сется въ кибишкѣ изобрѣшенія Сашанинскаго,
и ѣдешь къ климашу Белгическому — — — —
— — — — —

Не повѣрите, Ваше Величество, чего спои-
ло мнѣ выхлопашъ пашпоршъ: но, хвала Не-
бу! я уже въ Гагѣ. Долгъ пребовадь опъ меня
сей жершвы, и я заплакаль, что ѣду не въ
свишъ Вашей; но меня ушѣшила мысль, что
ѣду въ Голландію по приказу Вашему.

Голландцы народъ своевольной и сребро-
любивой. Одни сидя, какъ ушки на водѣ, про-
дають путешеспвенникамъ воздухъ и воду,
за что не даль бы я ни полушки; другіе, подъ
именемъ книгопродавцевъ, торгуюшъ шова-
ромъ, кошорому не знають цѣны, шо ешь,

умомъ Авшорскимъ, и наводняюшъ имъ сосѣд-
нія обласши.

Первое мое дѣло, по прїѣздѣ, было сыскашъ опважнѣйшаго и грубѣйшаго изъ книжниковъ, кошорому поручено печашашъ Анпи - Махїавеля. Напоминаю Вашему Величеству, чшо въ рукописи не нашли бы вы одного слова, обиднаго для Державъ Европейскихъ. Но вы сами хотѣли выпребовашъ оригиналь назадъ: могъ ли я поспуишъ прошивъ воли Вашей? — Ошныскиваю наряднаго плупна Жан - Вандюрена; упрашиваю, уговариваю его разными способами возврашшъ рукопись. Бездѣльникъ ошвѣчалъ одно: „по праву хозяина, ни за какія деньги не выдамъ ее „безъ шого, чшобы не напечашашъ!“

Видя, чшо имѣю дѣло съ Голландцемъ, кошорой во зло употребляетъ вольность своего опечештва, припомъ съ книгопродавцемъ, кошорой простираешъ до излишештва право гнашъ Авшоровъ, — и не могли никому ввѣришъ шайны нашей, вспомнилъ, чшо Вы сами въ какой - то спашѣ Анпи - Махїавеля дозволяеше употребишъ въ дѣлѣ шорговомъ невинныя хшпросши. Такимъ образомъ даю замѣнишъ Жан - Вандюрену, чшо шребую манускрипта шолько для поправки. — О! когда шакъ, милостивый государь, ошвѣчалъ Вандюрентъ, можете прїѣзжашъ ко мнѣ въ домъ, и въ присушствїи моего семейштва поправляшъ спраницу за спраницею. — Предсшавыше, сколько я обрадовался нечаянному успѣху! Тогда же, вооружившись

всею своею ученостию, взялъ перо и пробѣжалъ съ нимъ нѣсколько листочковъ. Негодай послѣ того сличалъ, желая знать, не обманываютъ ли его?

Увѣрившись нѣсколько въ невинности моихъ намѣреній, позволилъ мнѣ сего дни запереться въ его комнаѣ и перемарывать книгу. Я выпросилъ вдругъ шесть главъ. — Выскоблилъ все опасное и колкое, а на убыломъ мѣстѣ написалъ ужасную нескладицу и бессмыслицу, было минушное дѣло. Вошъ что называется взорвать корабль на воздухъ для того, чтобы не достался непріятелю. Признаюсь, съ неизъяснимою горестию поршилъ я прекраснѣйшее сочиненіе; но меня оправдаетъ безусловное повиновеніе воли Вашего Величества. Кто же оспаривается въ проигрышѣ? Одинъ Вандюренъ. — Завтра надѣюсь заключить съ нимъ выгодное перемиріе, и принудить его отдать мнѣ рукопись и все, что напечатано — о чемъ буду имѣть честь рапортовать Вашему Величеству.

Смѣшная спорона, Голландія! повѣрите ли, Всемилосерднѣйшій Государь, что Вандюренъ имѣетъ законное, исключительное право продавать Вашего Анши-Махавеля, и наложитъ запрещеніе на другія лавки и типографіи поштому, что онъ *первый* объявилъ въ Газетахъ о печатаемой книгѣ! —

Не говоря о жертвѣ любви, почтенія и довѣренности, кою можно потребовать

опъ рода человѣческаго, скажу, что Христолюбивый Фенелонъ и Секретарь его Лавиль изъ всей мочи бранящъ сочиненіе Ваше. — „Автора надобно предать проклятію, говорящъ „они: это *Философъ*, спрогой честности наборникъ!! Скорѣе проспимъ ему, естли бы онъ „былъ негодяй, только бы усердно почипалъ „Папу и служилелей Римской церкви!“ По крайней мѣрѣ шакъ думаешь * * *

Одно слово о Руссо. Израильшянинъ Лиссъ, богатѣйшій изъ своего племени, подалъ бѣдному рифмачу милоспыню около пяши сопъ червонцевъ. Жаль, что не въ коня кормъ! Саширикъ, изсохшій опъ собспвеннаго яда, повсечасно ждетъ смерти. Первый апоплексическій ударъ опсправилъ его на попъ свѣпъ.

П И С Ъ М О VII.

Отъ Короля.

Рейнсбергъ, 14 Августа, 1740.

Любезный Вольшеръ!

Негодяй Вандюренъ, думаю, надѣлалъ вамъ хлопотъ и безпокойства болѣе, нежели Генрихъ IV. — Изображая жизнь Героя Франціи, вы писали въ стихахъ исторію своихъ мыслей; но имѣпъ дѣло съ бездѣльникомъ, не

значитъ ли вызывашь на поединокъ соперника, недостойнаго сразиться съ вами? Чувствительно благодарю за участіе, которое вамъ угодно брать во мнѣ. Пусть печатается книга, какъ зачата. Я не придумалъ бы лучшаго средства наказать жадность шинографщика! Марайте, переправляйте все, что ни попадется; совершенно полагаюсь на ваше благоразуміе.

Пожалѣйте о Королѣ Прусскомъ. Это флюгоръ полишики, невольникъ фанпазіи другихъ державъ, бѣднякъ, которой подъ часть не можешь для себя сдѣлать, чего хотѣлъ бы. О! дождусь ли когда къ себѣ любезнѣйшаго изъ Французовъ! —

Прости, перворожденный изъ существъ мыслящихъ! по необходимости оставляю васъ для *политическихъ* Вандюреновъ, которые, къ довершенію моего несчастія, не берутъ себѣ духовниковъ изъ Кармелишовъ!

Любите меня, и будьте увѣрены въ ненарушимомъ моемъ почтеніи. —

ФРИДЕРИКЪ.

ПИСЬМО VIII.

Отъ Г-на Вольтера.

Бриссель, — Августа, 1740.

ВСЕМИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

На Васъ смотрятъ глазами рысьими. Юный Соломонъ обращаетъ на себя вниманіе каждого. „Правда ли, что онъ собирается во Францію? говоритъ одинъ. — Не во Францію, отвѣчаешь другой, а въ Италію! . . . Его избираютъ въ Папы для возрожденія Рима. — „Не поѣдешь ли чрезъ Бриссель?“ На это и да и *пѣтъ!* „Еспьли чрезъ Бриссель, сказала мнѣ Принцесса де Лашуръ, такъ онъ остановится въ моемъ домѣ.“ — Не правда Ваше Сіятельство: Его Величество не въ триумфѣ поѣдетъ, а инкогнито; слѣдственно остановится со всею свитою у Эмилиі: ибо домъ ея на самомъ краю города, далече отъ народа и Сіятельства Бриссельскихъ. Домъ Эмилиі не такъ убранъ, какъ вашъ; вътъ нужды! спокойствіе дороже богатства. — Что же на это Ея Сіятельство? Осправила нарочнаго къ Эмилиі узнать, точно ли поѣдетъ Король Прусской чрезъ Бриссель? — Эмилиа отвѣчала однимъ словомъ: *солгали!* — Принцесса не увѣрилась, и послала гонцевъ развѣдать обо всемъ подробно.

Признайпесь, Государь, свѣтъ очень любознательнъ: спойтъ напечатать въ Газетахъ,

Часть II.

Отдел хранения
Гос. Публ. Библиотеки
им. В. Г. Белинского
г. Москва

что Ваше Величество опсправились къ водамъ Спа, или въ Аахенъ, чтобы сбить съ пупи Гг. вѣсповщиковъ.

Впрочемъ, еспьли Ваше Человѣчество поѣдетъ чрезъ Бриссель, покорнѣйше прошу привезти мнѣ спирту: ибо я упаду въ обмо- рокъ опъ радости.

Г. Мопершюи, думаю, не выпускаетъ Васъ изъ виду, и вѣрояпно дѣлаетъ надъ Вами на- блюденія и измѣренія. Но ему не удавалось, и не удастся видѣть въ другой разъ такой благошворной планеты!

О Парижъ, Парижъ, сполица любезности и дурачества, хорошаго и дурнаго вкуса, все- го смѣшнаго и злобнаго! будь достоинъ, еспь- ли можешь, принявъ величайшаго Монарха. Въ Исторіи современныхъ Государей пишушь только о Министрахъ: въ спашь о Пруссіи будушь говоришь только о Фридерикъ!

ПИСЬМО IX.

Отъ Короля.

Везель, 8 Септября, 1740.

Любезный Вольшеръ!

Я боленъ лихорадкою споль же люпою и упрямою, какъ Янсенистъ: за шьмъ принуж-

день опложитъ мое пушешествіе въ Анверъ и Бриссель. Хочу спроситъ васъ: не покажется ли слишкомъ далеко пріѣхать вамъ изъ Брисселя въ Клевесъ, и шамъ увидѣшься со мною? Другаго средства не придумаю. Согласитесь, что я очень несчастливъ! теперь, когда уже я самъ Государь, и никто не можетъ препящивовашъ мнѣ видѣть васъ, замѣшалась проклятая лихорадка, и — какъ нарочно, лишаетъ меня желаемаго удовольствія.

Обманемъ лихорадку, любезный другъ пріѣзжайте ко мнѣ. Въ Воскресенье надѣюсь быть въ мѣстечкѣ, сосѣдственномъ Клевесу. Еслили ваше присутствіе не прогонитъ моей лихорадки, пошчасъ пошлю за духовникомъ.

Просшите. Вамъ уже извѣсны мои чувствованія, съ которыми пребываю вашъ

ФРИДЕРИКЪ:

ПИСЬМО X.

Отъ Г-на Вольтера.

Гага, 22 Сентября, 1740.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Такъ! . . . Папа здоровъ, какъ не лзя болѣе. Тщешно молиши Англичанинъ, чтобы

*

Св. Опець отправился по почтѣ въ Царство безсмертія! Папа смѣется, ѣстъ, спишетъ, даешъ и принимаетъ праздники; на ухахъ Папы играешъ улыбка и безпечность, — а мой Великій Государь поминаетъ, вянешъ, изнемогаешъ отъ болѣзни! О лихорадка, несправедливая лихорадка! оставь Героя, кошорый составляетъ счастье народа; не уже ли только Онъ долженъ оставаться несчастливъ? Напади на спараго жреца Римскаго; изперзай, естли хочешъ, шестьдесятъ Кардиналовъ; измучь всѣхъ Монсиньёровъ и монаховъ; высуши дородность безпечныхъ Канониковъ — только Фридерика оставь въ покоѣ!

Фенелонъ былъ у меня прешьяго дня, и спрашивалъ о Вашемъ Величествѣ. Я говорилъ: „Фридерикъ любитъ Францію, но не боится ее; желаетъ мира, но готовъ и сражаться — къ чему онъ всѣхъ на свѣтѣ способенъ; дѣйствуетъ вездѣ самъ, но и совѣтовъ полезныхъ не отвергаетъ.“

Прочія мащери не важны. Въ ожиданіи лицедрвія Вашего живу въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Вы изволили приказашъ Г. Ресфельду принять меня. Вашъ замокъ въ Гагѣ есть эмблема величества. Подъ разрушающеюся кровлею, въ спѣнахъ покрышыхъ прахомъ и гнилью, царствуетъ плѣние. Увы! къ чему позолота и живопись, когда въ покояхъ нѣтъ ни окошекъ, ни дверей! Въ верхнемъ этажѣ

нашолъ древніе доспѣхи Рыцарей, предковъ Вашихъ, шлемъ, щипъ и лапы; заржавѣлыя сабли лежатъ рядомъ одна подлѣ другой; источенныя червами дровки большихъ Гошическихъ копьевъ, книги, собранныя для пріятнаго времяпровожденія крысь, покрышыя полспымымъ паушиннымъ полошномъ, безъ сомнѣнія для того, чшобы не прикасалась къ нимъ рука непросвѣщеннаго! . .

Осмѣлюсь донести Вашему Величеству о моемъ планѣ въ разсужденіи Анши-Махіавеля. Чѣмъ болѣе въ книгѣ мыслей и краснорѣчія, шѣмъ спроеже замѣчаютъ, что въ ней содержишся вольнаго. Сова боишся дневнаго свѣша: по несчастію, земля наша покрыша совами нашего рода. Не надобно, чшобы вопль ханжей заглушалъ рукоплесканія людей умныхъ и благонамѣренныхъ. Анши-Махіавель писанъ не для нѣсколькихъ лицъ: всѣхъ вѣковъ люди должны чшашь его; онъ скоро будетъ переведенъ на пяшь или на шесшь языковъ.

И пакъ, Всемилосшивѣйшій Государь! Анши-Махіавель долженъ бышь шѣмъ же, чѣмъ и Вы, ш. е. долженъ нравишся всему свѣшу. Послѣдніе изъ подданныхъ любяшъ Васъ: обшкновеннѣйшіе изъ чшашелей удивляюшся Вамъ. Не думайше, чшобы Авшоръ могъ укрьшся ошъ прозорливой публики. При дворѣ и въ городахъ знаюшъ, что Анши-Махіавель одолженъ бышіемъ своимъ Фридеріку. — Соображая все сіе и, къ прискорбію, видя, что изданіе Вандю-

рена исполнено грубыхъ ошибокъ и несправноспей, призналъ я за полезное смягчить нѣкошорыя черты удивительной картины Вашей. Смѣю надѣяться, что моя поправка не опниметъ истинной красоты у сочиненія. — Я люблю Вашу славу столько же, какъ и Васъ самихъ. Не изволише ли, Всемилоспивѣйшій Государь, приказашъ мнѣ сдѣлать новое издание на подрывъ бездѣльнику Вандюрену? Попи берешся половину завода разпродать своимъ корреспондентамъ, а другую оставимъ за собою для подарковъ. — Вандюренъ взбѣсился, еспыли узнаешъ мой планъ. Какъ и, не взбѣсился? онъ долженъ потерѣять до принцапи тысячь червонныхъ, кошорые принесло бы ему сочиненіе Ваше. За дѣло! — Вандюренъ разбойникъ, грабящій подъ щипомъ законовъ. Я разумью здѣсь его безсовѣстіе въ присвоеніи себѣ исключительнаго права на новыя издания.—

П И С Ъ М О X I.

Отъ Короля.

Ремусбергъ, -- Октября 1740.

Мнѣ совѣстно, что шакъ давно не писалъ къ вамъ: всему причиною лихорадка. Чшо дѣлать, любезной Вольшеръ! человекъ еспы слабое твореніе. Малѣйшая бездѣлица можетъ разспроишь и изнуришь его.

Я начинаю жалѣть, что писалъ Анти-Махiавеля. Брань и ссора ваша съ Вандюреномъ соспавляютъ для васъ, въ отношеніи къ ученому свѣту, родъ банкротства, по крайней мѣрѣ на двѣ недѣли вашей жизни.

Въ доказательство моей любви и усердія къ вамъ, я напрягалъ всѣ силы свои, чтобы смягчить *Геркулеса - Флери*; но вы знаете, каковы спарики въ монашескомъ плащѣ, съ головою, представляющею Полишика! Не вдругъ захочешь поручиться за успѣхъ, когда имѣешь съ ними дѣло! Мой Кардиналъ есть *Вандюренъ* съ смысломъ политики; сей идолъ пребудетъ обожанія и куреній: но вы не согласились бы пакъ дорого купить его пріязнь. Поспунайте съ нимъ, какъ хошите.

Не возьмешь ли уговорить Автора *Магомета*, чтобы онъ набралъ шруппу комедіантовъ Французскихъ, и привезъ ихъ самъ въ Берлинъ къ первому числу Іюня 1741 года? Актеры должны быть умные и опытные. Мое намѣреніе употребить ихъ на двоякія роли: комическія и прагическія.

Часъ бѣшетъ. Свиданіе наше не за горами.. Упѣшаю себя пріятною надеждою, что вы не откажете мнѣ въ удовольствіи обнять васъ. Я не поспунлю подобно Фракійцамъ, кошорые, угощая своихъ боговъ, выѣдали напередъ мозжечокъ сами... Обѣщаюсь принять современнаго мнѣ Аполлона съ подобающею честію:

мой Аполлонъ не токмо богъ врачеснва, но и
Философіи, Исторіи, однимъ словомъ, всѣхъ
Наукъ!

ФРИДЕРИКЪ.

П И С Ь М О XII.

Отъ Г-на Вольтера.

Гага, 17 Октября 1740.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Скоро будущъ къ вамъ и комедіаншы —
народъ бѣдной, продажной и гордой; скоро бу-
дущъ спранспвующіе рыцари въ позлащенной
шумихѣ, съ фальшивыми брилліаншами, въ за-
маранномъ бѣльѣ; рыцари, копорые по охрип-
лымъ голосомъ кричащъ что-нибудь на счетъ
Имперіи Римской, по нѣжнымъ кузнечикомъ
спрекочущъ предъ ногами Жестокой, и изъ
куска хлѣба управляютъ вселенною регулярно
три раза въ недѣлю!!

Хвала Небу, что Ваше Величество умѣете
пользоваться своимъ временемъ. Государь! кто
занямаеся счастьемъ другихъ, шощъ самъ
достоинъ счастья.

Наконецъ новое изданіе Анши-Махіавеля
гошово. Не опшираюсь опъ своего мнѣнія, что
непремѣнно надлежало смягчить чершы, копо-

рыя могли показаться соблазнительными Камасу и ему подобнымъ. Надобно, чшобы всё удивлялись Вамъ, даже и самые пусшосвяшы. Не шакъ осторожно поступалъ я самъ съ ними: мудрено ли? я гораздо умнѣе для Васъ, нежели для себя.

Здѣсь проѣзжаютъ непрерывно молодые Французскіе Офицеры, и сказываются, будто ѣдутъ служить въ Пруссію. Между прочими нашель чешверыхъ моихъ знакомыхъ: одинъ Губернапорской сынъ изъ * * *; другой Маіоръ изъ полку Луксамбургскаго; прешій сынъ Президента; чешвершой воспитанникъ, шо ешь, сынъ Архіерейской. . . Иной бѣжалъ одинъ; иной съ вольною дѣвкой; иной сманилъ дочь своего поршнаго, и хочеть приняться въ комедіаншы, въ ожиданіи, пока дадутъ ему полкъ. — —

Увѣряють, чшо Вы изволили возврашиться опечешву бѣдныхъ Анабаншисшовъ, изгнанныхъ, Богъ знаетъ, за что. Монаршія милосши несказанно радують мой духъ миролюбивой. Не соблазняюсь шѣмъ, кшо съ изнова крешшися. Даже Брашманъ, Мусульманинъ, Гудей, для меня любезны — шолько были бы люди, вѣрные сыны опечешва.

ПИСЬМО XIII.

Отъ Г-на Вольтера.

Герфоръ, 11 Ноября 1740.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШИЙ ГОСУДАРЬ!

Я въ несчастіи. — Въпренная женщина, извѣстная подъ именемъ *Фортуны*, вздумала подшутить надо мною: переломала ось и колеса у моей повозки на пути къ Герфору: нечего дѣлать! уступилъ женскимъ прихотямъ. . . Было время, когда я не дорожилъ Счастьемъ; а теперь ублажая богиню слѣзую, взываю къ ней жалобнымъ голосомъ: о пы, которая управляешь всѣми Государями, кромѣ любезнаго моего Героя; пы, которая не можешь побѣдить только Фридерика, — Богиня! къ тебѣ прибѣгаю: переверни весь свѣтъ, и поставь вверхъ дномъ, только дозвожь мнѣ спокойно доѣхать, куда надобно!

Но Фортуна — женщина! она ревнуетъ къ Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь; ибо я и всѣ Ваши подданные предпочитаютъ Ваши милости ей щедролубію. Она точно изломала у меня карешу, въ которой я ѣхалъ въ землю обѣщанную. *Дюмоларѣ*, жительство Востока, выпитый мною для Вашего Величества, увѣряетъ, что никогда не случалось печальнѣйшаго приключенія на пути къ Меккѣ; даже Іудеи не были шакъ жалки, скищаясь по пустынь. —

Одинъ изъ слугъ моихъ бросился къ Веспфальцамъ шребовашъ помощи; чудаки думали, что просяшъ у нихъ на водку, и смѣялись; другой побѣжалъ, самъ не зная куда; къ счастью, мой поварищъ, Дюмоларъ — копорой, по Васъ - по слово, хочешъ описашъ мое путешествіе на Арабскомъ и Сирскомъ языкахъ — человекъ догадливый: одной ногою вверхъ, другою внизъ, вшацилъ меня кой-какъ въ повозку, приударилъ коней, самъ дѣлалъ имъ компанію, и такимъ образомъ продолжали мы дорогу. Подобно сему ѣхалъ великій Донъ-Кишотъ съ вѣрнымъ своимъ конюшимъ. Но какое сравненіе! моя учась гораздо завиднѣе. Рыцарь Серваншовъ служилъ Дульцинею, а я служу лучшему изъ Государей.

Въ великоленномъ дорожномъ уборѣ, подъѣзжаю къ заспавъ. Часовой спрашиваетъ: кто ѣдетъ? — *Донъ-Кишотъ*, отвѣчалъ я, какъ и должно, и подъ именемъ Донъ-Кишота вѣхалъ въ городъ. Ахъ! скоро ли повергнусь къ ногамъ Вашимъ подъ именемъ Вашего обожателя, Вашего подданнаго, Вашего, и пр.

P. S. Я рѣшилъ ѣхать къ Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь на тихой приманчивой звукъ Аполлоновой лиры: но проклятая Марсова шруба гонитъ меня назадъ.

ПИСЬМО XIV.

Отъ Короля.

Изъ кварширы Геренсдорфской, что въ Силезіи,
23 декабря 1740.

Оба ваши письма я получилъ, любезной Вольшеръ. Извините, что не отвѣчалъ ранѣе. Фридерикъ, почто какъ шахмашной *король* Карла XII, непрестанно ходишь. Вошь уже двѣ недѣли прошекли въ походахъ — и въ шакое прекрасное время забну шолько, что и огонь Поэзіи вашей не согрѣваетъ меня. Но не дивишесь хладнокровію. Эшо говоришь не философъ Ремусбергской, а спранствующій Рыцарь, которой подъ часъ вязнешъ въ грязи. Послушайте, какъ я живу:

Съ семи часовъ упра до чешвертаго по полудни мы маршируемъ. Послѣ обѣда принимаю скучныя визишы, или разсмашриваю безсмысленныя прозбы. То хочешся упрямаго довести до зговорчивости, шо неперѣливаго сдѣлашь спокойнымъ и недокучливымъ; шо слушаешъ болшливыхъ, шо говоришь съ нѣмыми; шо понуждаешъ лѣнливыхъ; шо ѣшь съ голодными; шо пьешъ съ жаждущими: — съ Іудеями якоже Іудей, съ Еллинами якоже Еллинъ.

Таковы мои занятія: желалъ бы ушунить ихъ другому; но любезной призракъ, называемой *славою*, часно мерещешся въ глазахъ моихъ.

Вѣрю, что это не малая глупость: да чѣмъ пособить?

Прости, любезной Вольперъ! Небо да сохранишь васъ отъ всякихъ золъ! Лебедь Падуанскій сѣвшишь, думаю, воспользоваться моимъ отсушшвиѣмъ. философъ - Геометръ черпшишь кривыя линіи; философъ - Липерапоръ переводишь съ Греческаго, а ученѣйшій * * * не дѣлаешъ ничего, или что-нибудь похожее на ничто. —

Сказываютъ, что Авспрійцамъ дали наши изрядной шолчокъ; этому и вѣрю. У насъ лира Гораціева не бранился съ булавою Алкида! . . . Исполняшь свои обязанности, бышь чувствительнымъ къ прелестямъ любви, помнишь друзей и бишь непріятелей — все это идешь своимъ чередомъ, по предписанному свыше уставу. Въ вашей волѣ, вѣришь, или не вѣришь необходимости рока: но прошу не сомнѣваться въ непремѣняемомъ почтеніи и любви, какую чувствувешъ къ вамъ

ФРИДЕРИКЪ.

Не забывайте насъ, людей дорожныхъ.

ПИСЬМО XV.

Отъ Короля.

Изъ стана Мольвицкаго, 2 Мая. 1741.

„Изъ походнаго городка, носимаго руками и зыблемаго въшромъ, въ печальной долинь, песирбующей, одними шшыками и ружьями; окруженный Марсовыми поклонниками, въ шумъ волнующихъ спрашей, посылаю грамошку къ вамъ въ нѣдра мира и шшыны.“

Бошъ все, что можешъ сказать солдашская Муза, въ спужѣ и нуждѣ. Не хочу описывать вамъ подробностей войны: ибо всегда дерусь на счетъ своего человѣчества, помышляя съ прискорбіемъ, для чего не въ моей власти опвратить сіе необходимое зло!

Народъ ушопаетъ въ заблужденіяхъ; пакость удѣлъ смертныхъ. Вамъ, разрушителъ заблужденія, да будетъ честь и слава во вѣки.

ФРИДЕРИКЪ.

ПИСЬМО XVI.

Отъ Г-на Вольтера.

5 Маія, 1740.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Я думалъ, что у человека только одна душа — да и та, правду сказать, иному совсемъ не нужна. . . . Но вы имѣете столько душъ, что можете всѣхъ земныхъ дураковъ одушевить и сдѣлать умными. Минерва, Марсъ, Орфей и Апполонъ — вошь Ваше общество!

Цесарь, папронъ Вашъ, едвали писалъ стихи на Фарсальскомъ сраженіи. Вы не успѣли положить шпагу, и — принялись за перо! Слава побѣдишело, спокойно опдыхающему на лафетъ пушки! Мой Геній, шакже какъ и *Нейперхъ*, побѣжденъ Вами!

Писать хорошіе стихи послѣ великаго сраженія, есть дѣло необыкновенное, единственнее, и слѣдственно шокмо Вашему Величеству предосшавленное. Вы сразили Нейперга и Вольтера; ахъ! для чего не вложили въ письмо свое и лавровыхъ листьевъ, шакъ какъ дѣлали въ спарину Римскіе полководцы? Вы достойны пріумфовъ Героя и Поэша.

Пишущъ ко мнѣ, что Мопершюи отпра-вился въ Вѣну. Жалю о немъ болѣе, нежели о другомъ; но жалю и о всякомъ, кто не нахо-

дился близъ Вашего Человѣчества. Говорящъ, будто Полковникъ Камюсъ умирая сердился, что его убили не при Вашихъ глазахъ. Какой-то Маіоръ Кнобершофъ имѣлъ по крайней мѣрѣ эту жалкую честь, опъ кошкой Богъ да сохранишь Ваше Величество. Я увѣренъ, Государь, въ Вашей славѣ, но не увѣренъ въ жизни; въ какихъ опасностяхъ, въ какихъ трудахъ проводите ее!.. То заговоры, которые надобно предварить и разрушить;—то союзники, кошкой польза пребуешъ удерживашъ; или вновь приобрѣташь;—то осады, то сраженія — короче, всѣ намѣренія, всѣ дѣла, всѣ подробности Героизма входящъ въ планъ Вашего царствованія, и Вы на все гошовой, и все въ состояніи устроить, кромѣ собственнаго счастья! Вы можете даже вѣнчать другихъ на царство; можете удерживашъ опъ сего покушенія слабыхъ; можете объявить самаго себя Императоромъ. . . . Но если послѣднее и случится, то Ваше *Императорское* Величество не будетъ для меня священіе *Королевскаго*.

Неиспѣливо желаю посвяпить *Магомета* Августѣйшему Монарху. Пѣса сыграна въ Лилль съ успѣхомъ; удовольствіе мое было неизъяснимо: но что можете равняться съ пѣмъ воспоргомъ, кошкой возбуждающъ во мнѣ Героическіе подвиги Ваши?

ПИСЬМО XVII.

Отъ Короля.

Изъ стана Мольвицъ, 13 Маія, 1746.

Парижскія Газеты чуть не уморили васъ и меня. Писали, будто вы уже при послѣднемъ издыханіи, и опчаянная дю-Шапле не желая, какъ говоряшъ, упустить души вашей, сидишъ будто прикованная къ постель больного. Я содрогнулся — какъ вдругъ подаюшъ письмо, въ кошоромъ нахожу моего больного преисполненнаго огня и живоспи, и, что всего милѣе, любящаго меня по прежнему. Хвала Провидѣнію: мы оба живы!

Ганень не родной мой братъ, но двоюродной, *Вильгельмъ*. Я пошерялъ въ сей радостной и злосчастной день друзей, кошорыхъ память вѣчно не изгладится въ моемъ сердцѣ. Печаль о пошерѣ друга есть антидошъ, приготовленной Промысломъ для умѣренія воспоиговъ побѣдителя.

Война ведетъ меня еще далѣе. Проспите.

ФРИДЕРИКЪ.

ПИСЬМО XVIII.

Отъ Короля.

Изъ спана Стреленскаго, 25 Юня.

— — Объявленіе ваше объ *Исторіи* весьма обрадовало меня. Это новой лавръ для вѣнка, рукою Безсмертія вамъ соплешаемаго; новая слава имени вашему. Удивляюсь вамъ, какъ Философу; но признаюсь ли? Вольшеръ-Поэтъ гораздо милѣ.

Такъ, любезной другъ, всегда предпочитайше Орфееву лиру ученымъ запѣямъ педантовъ: мудрецы нашего времени часто бываютъ великими дураками. Жаль, есльи бы жизнь человѣческая проходила въ мечпаніяхъ учености! Жизнь безъ радости есль тяжеснь. Исторія и Поэзія открываютъ пространныйшее поле уму нашему. Въ нихъ описываются предметы не мозгломные, дѣла не волшебныя, картины не химерическія. Истинная Философія должна соспоань изъ швердосты духа и простоты сердца.

Поэзія въ лучшемъ своемъ видѣ есль безъ всякаго противорѣчія шо, что вы пишете: ибо въ вашихъ сочиненіяхъ блещетъ Геній древнихъ Поэтовъ.

Въ лагерь нашемъ новостей еще не накопилось. Дожидайшесь, есльи хощите, другой почты.

Бѣдный Цесаріонъ занемогъ: я его опира-
вилъ въ Берлинъ. Помолишесь о немъ.

П И С Ъ М О XIX.

Отъ Г-на Вольтера.

Бриссель, 29 Іюня 1741.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

„Всякой имѣеть свой удѣлъ. Быспрый орель —
„разумѣтся не Римской; ибо эпошь давно потерялъ
„свои когши, и давно скривилъ свой носъ — орель
„Прусской, молодой и сильной, пробуждаешь своимъ
„полюшомъ Славу, снящую поодадь престоловъ Госу-
„дарей. Лисица лукавая наждаешь между шѣмъ до-
„бычу, и безсмѣнно сидишь на спорожѣ; крошкой
„миролюбивой голубъ спокойно воркуешь въ голу-
„бяшнѣ.

„Государь! эпошь спарой голубъ я. О еспьли бы
„дали мнѣ боги быспрошу орлиную; еспьли бы я
„былъ сколько нибудь менѣ похожъ на голубя! . .
„почему знашь? и я взвился бы подъ небеса въ слѣдъ
„за орломъ высоконарымъ: увидѣлъ бы спанъ моего
„любезнаго Государя, и шихимъ, сладкимъ воркованьемъ
„возвеличилъ бы славу побѣдителя и ушѣшилъ по-
„бѣжденнаго!

„Небо не дало мнѣ быспраго полеша орлинаго:
„за шо, и въ голубяшнѣ сидя, мысленно лечу за Ва-
„ми — къ спѣнамъ Бреславля, въ спанъ Молевца,

„всюду, всюду — и вижу, какъ Вы среди громовъ
спокойно вырываете перо изъ хребта богини
крылатой, и пишете имъ списки на кожъ бара-
банной.

„Такъ ли живете Вы, *Георгъ, Карлъ, Людовикъ*,
Короли доспопочипенные, но Аполлономъ мало лю-
бимые? Потомки *Бурбона*, дщери *Австрійскія*! на-
писалиль вы хоша одно полуспишии къ Вольперу?
„Что мнѣ нужды до вашихъ предковъ, до вашихъ
„проновъ и лавровъ? Топъ не мой Государь, кто не
„умѣетъ писать списковъ. Я согласенъ, что на пре-
„споль должны сидѣть Премудрость, Великодушіе,
„Правосудіе, Храброснь; но ужели нѣтъ мѣста для
„Поэзіи? Любимецъ Грацій и Аполлона! бѣй враговъ
„своихъ, но пиши списки, особенно люби меня! —“

Извините, Всемилоспивѣйшій Государь,
что большой руки Прозаиспъ изъ вашихъ под-
данныхъ не можешъ болѣе *рифловать* (*). Я дѣй-
спившельно углубился въ Испорію. Она спано-
вишся для меня ежечасно важнѣе, когда пред-
спавляю въ мысляхъ моего Героя, которой дол-
женъ занять въ ней первое мѣсто. Надѣюсь, что
Ваше Величество сами ведете историческія за-
писки о двухъ Вашихъ сраженіяхъ: — блаженъ,

(*) Въ подлинникъ начало письма сего въ спихахъ, „Что-
бы подражать Вольперу, сказалъ Фридерикъ,
надлежитъ родиться Вольперомъ“ — и полному,
боюсь обезобразить его въ Рускихъ спихахъ, за
безопаснѣе счизню переводить прозою.

Примъ. Пер.

кно удостоится быть Вашимъ Секретаремъ !
Господа Крозъ и Жорданъ ! сдѣлайте мнѣ
одолженіе, снабдите древними кнѣгами и ваши-
ми новыми свѣденіями, когда начну описывать
сшарину: но коль скоро дойду до вѣка, просла-
вленнаго Фридерикомъ, позволите въ семь слу-
чай ошнесись прямо къ Герою нашему !

Есмь Его Величества, Его Человѣчества,
Его дѣяшельности, Его ума и сердца обожа-
тель и слуга,

Вольтеръ.

П И С Ь М О XX.

Отъ Г-на Вольтера.

Сирей, 21 Декабря 174г.

„Солнце красное! куда бѣжишь оцъ Пруссіи?
Милѣ ли тебѣ полюсь Аншаркпической?
Лучше ли кажутся черные народы Африки?
Послушайся воропись опятьъ къ Сѣверу,
Воропись въ Берлинъ, средоточіе огня и живости!
Освѣщай и ты, подобно Фридерiku, спрану Сѣвера!..“

Вопъ что, Всемилосливѣйшій Государь,
говорилъ я нынѣшнимъ упромъ Солнцу, собра-
шу вашему; ибо и оно также есть душа извѣ-

спной часпицы вселенной. Наговорилъ бы и болѣе, есшьли бы не разорили списхи!.. Но всякой ли изъ насъ Фридерикъ? Для любимца Аполлонова споль же легко писанъ списхи, какъ и брашь города. — Пускай Лудовикъ XIV взялъ зимою Франшконше: но далъ ли онъ формальное сраженіе? писалъ ли списхи въ лагерь, на лафешъ? Беру смѣлоспъ донеспи Вашему Величешву, чпо Ишпорія Лудовика XIV слишкомъ мала для сферы моихъ поняшій. Въкъ Фридерика для меня инпереснѣе Списхи, писанные Вами въ завоеванномъ городѣ Нейсѣ, похожи на пѣсн Царя Соломона во славъ его — Соломона, кошорой испышавъ всѣ роды наслажденій, сказалъ: *всягеская сцета!* Не прогнѣвайтесъ, премудрый Соломонъ! для людей вашего рода въ мнрѣ нѣшпъ наслажденія постояннаго.

Не скажу однако сего на счешъ Вашего Величешва. Я увѣренъ, чпо никшо болѣе Васъ не обремененъ дѣлами и заботами; и при шакомъ всепожирающемъ Геніѣ Вы одни умѣете соблюсти шу швердоспъ и силу духа, кошорая возносишъ Васъ всегда выше шого, чпо Вы еспъ и чпо дѣлаеше!

Судя о Фридерикѣ, какъ о великомъ чловѣкъ, опасасюсь, чшобы онъ не впалъ въ искушеніе — презиранъ моихъ собраній, обыкновенныхъ чловѣковъ. Милліоны двуногихъ живонныхъ безъ перьевъ, населяющихъ землю, опдѣлены опъ Васъ душею и сосшопніемъ на

неизмѣримое разсполніе. Мильшонъ справедливо сказалъ :

Amongst unequals no society.

Другая бѣда наша : Вы пакъ живо описываете благородныя бездѣльничества полиптиковъ, коварныя виды придворныхъ и пр. , что вѣрно слышете гнушаться ими, а иначе, еслии принявъ ложное предубѣжденіе за истину, подумаете, будто Государей не любящъ для нихъ самихъ. Дозвольте, Ваше Величество, предложить маленькое возраженіе. Не правда ли, что человекъ умной, поспоянной, вѣжливой, насильно заставитъ любить себя? Я всегда любилъ въ особъ Государя — Человека !

ПИСЬМО XXI.

Отъ Короля.

Берлинъ, 8 Января, 1742.

Любезный Вольшеръ!

Я вамъ долженъ двумя письмами. Не взыщите на моемъ молчаніи. Нѣкопорыя живописныя съ ослиными ушами, дорическія колонны, и мы для того сотворены, чтобы

носишь няжести міра сего, въ копоромъ другія сущєства изъ за насъ нѣжались и гуляють.

Я обремененъ дѣлами. Поззія всё еще споятъ у дверей и дожидается аудіенціи. Бѣдная жизнь Королей! шо печатають, что ты сдѣлалъ такое-шо дѣло, копорого совсѣмъ не было у тебя въ мысляхъ; шо пишутъ изъ Мексики, что хочешь вредить челоуѣку, копорого въ самой вещи любишь; шо предполагають, что примешь въ худую спорону произшєствіе, копорому дѣйствительнє не нарадуешься. Вертятъ Государей, какъ хопятъ; крипикують, бранятъ, и изъ дружбы вѣшаютъ себѣ на шею. Таковъ свѣтъ! и шакими-шо людьми я долженъ управлять!!

Послѣ завтра ѣду въ Ремусбергъ. Изъ пустыннаго жилища надѣюсь писать къ вамъ съ большимъ спокойствіемъ духа... Можешь бытъ *Калліона* еще любишь меня.

ФРИДЕРИКЪ.

ПИСЬМО ХХІІ,

Отъ Короля.

Шкловиць, 25 Марта, 1742.

Воюсь писаць къ вамъ, любезной Вольперъ, не имѣя другихъ извѣстій, кромѣ того, о чѣмъ вы или не забоитесь, или съ ужасомъ помышляете.

На примѣръ, естли сказать вамъ, что народы двухъ областей Германскихъ выходящъ изъ мирнаго жилища на чистое поле драпья и рѣзаться съ другимъ народомъ, котораго не знающъ по имени—за что же?—одинъ властелинъ вошелъ въ союзъ съ другимъ властелиномъ на погубленіе прешяго... Вѣрно воскликнете: безразсуденъ народъ, который служилъ игрищемъ судьбы и орудіемъ начальниковъ!— Естли сказать вамъ, что мы съ великими приговорами собираемъ разрушать гордыя стѣны, сооруженныя на счесть народнаго имущества; думаемъ пожинать шамъ, гдѣ не съяли, и властвовать надъ шѣми, которые равно бояща слушались и не слушались насъ: опять воскликнете: ахъ злодѣи! не наследовашъ вамъ царствія небснаго!

Я уже предвидѣлъ, что опъ васъ все это спанется, и потому не хочу писаць о войнѣ. Довольно увѣдомишь объ одномъ чудакѣ, о которомъ, думаю, слышали вы подъ именемъ

Короля Прускаго, что онъ, узнавъ о нападеніи Королевы Венгерской на союзника моего, Императора Римскаго, поспѣлъ на помощь къ нему, и вѣроятно, побѣда останется на сторонѣ оскорбленнаго Императора.

Ну, воишь что называется великодушное, Героическое дѣло! скажете вы. — Ахъ, любезной мой! и эша картина почъ въ почъ что первая! одна и шаже Фурія въ ней царствуетъ: разность въ шомъ, что въ первой картинѣ Фурія раздѣша, а во второй подмалевана и наряжена.

Сколько разныхъ сторонъ въ одномъ предметѣ! сколько прошивныхъ или прошиворѣчущихъ сужденій! обыкновенно въ вечеру бранимъ и проклинаемъ что, что хвалили по упру. Самое солнце, копорымъ любимся на зарѣ ушренней, ушомляетъ насъ до своего захожденія. Отсюда сія молва, возникающая, умирающая, опять возраждающаяся. . . И человекъ сколько слѣпъ, что для призрака, называемаго славою, жертвуетъ счастьемъ и спокойствіемъ дней своихъ! Можно ли до сихъ поръ не привыкнуть узнавать сію ложную монету, копорая у рѣдкова не была въ рукахъ?

Что мнѣ подумашъ о себѣ самомъ? не ужели пипомцу Музъ опредѣлено судьбою вертѣшь, съ помощію дюжины важныхъ дураковъ, копорыхъ называютъ Полишиками, колесо приключеній Европы? Въ свѣтѣ думаютъ обык-

новенно о великихъ перемѣнахъ Имперій слишкомъ суевѣрно; но зайдете за кулисы: увидите, что самыя блестящія, очаровательныя явленія производятся простыми машинами. — Обманъ, притворство и самовластіе, къ несчастію, составляютъ характеръ большей части людей, долженствующихъ быть примѣромъ для другихъ. Въ семъ отношеніи, наука познанія людей почти недоспойна челоуѣка!.. Сколько разъ жалѣлъ я о мирномъ своемъ уединеніи, занятіяхъ, друзьяхъ и независимости!

Не посылаю къ вамъ стиховъ, за недосугами. Прикажете ли напомнить себѣ о *Евкѣ Лудовика XIV*? Оплучу васъ опъ Парнасса, еспьли не приведете Испоріи къ окончанію.

Между тѣмъ прошу не забывать дезерпера Аполонова, которой записался въ службу Беллоны. — Придетъ пора, примусь опянь за старое! —

ФРИДЕРИКЪ.

П И С Ъ М О ХХІІІ.

Отъ Г-на Вольтера.

Апрѣль, 1749.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Вы болѣе совершили славныхъ подвиговъ, нежели сколько я успѣлъ выдержать во время болѣзни припадковъ лихорадочныхъ. — Куда теперь адресовать письма? въ Вѣну, Презбургъ, или Темесварь? Ежели есшь въ свѣтѣ существо вездѣ пребывающее, такъ это Ваша особа! Я не писалъ за шѣмъ, что былъ нездоровъ. Любимцы Эскулапа, казалось, хотѣли, чшобы я опсправился въ дальнюю, единственную спрану, куда не доспигаешъ Ваша слава, куда по гласу Марса Прусскаго, подъ звукъ барабановъ и лишавръ лешашъ угрюмыя души Пандуровъ и Венгерцовъ; спрану, о кошорой Жиды, идолопоклонники, и наши православные полкуюшъ непрерывно. Уже споялъ я на берегу Спикса. Предсавыше, Государь, какъ грустно было мнѣ смопрѣшь на шолпы бѣдняковъ, переплывающихъ Спиксъ! Одинъ изъ Шардинга, другой изъ Праги, претій изъ Иглау, и шакъ далѣе. — Уймешесь ли Вы опъ честолюбія опустошашъ землю, кошорую, какъ сами хваспаете, хотѣли бы

видѣшь счастливою? Или на вѣтеръ пишешь преподобнѣйшій О. Сен-Пьеръ спрашашы о *сѣгно.иъ* мурѣ? Прибѣгите къ сердобольному Аббату: онъ шоль же легко согласишь ваши выгоды, какъ Ликургъ дѣлилъ земли Спартанскія, или—какъ дѣлилъ кружку Римскіе монахи; онъ въ соспоянїи укрѣпишь пятнадцать обласней за Генриха IV, хоша всѣ знаютъ, что Генрихъ IV не имѣлъ шакого намѣренія. Секретари Герцога Сюлли, копорые на него работали извѣстныя *затиски*, говорятъ о семъ сходно съ Аббатомъ: но Спашсъ-Секретарь и Министръ внѣшнихъ дѣлъ, Виллеруа, молчатъ. Смѣшно приписывать планъ разрушенія поличихъ пресполовъ Генриху, копорой едва сидѣлъ на своемъ! — — —

Между шѣмъ какъ иные Государи дерушся, Ваше Величество приказываете мнѣ продолжать *Вѣкъ Людовика XIV*; ибо Вы имѣете время читать, когда прочіе не имѣютъ его. Сочиненіе переписывается. Надѣюсь имѣть честь доставить его къ Вамъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ. Не знаю: гдѣ оно Васъ застанеть: на полѣ, или въ праншеяхъ; не знаю шакже, счастливѣ ли Вы шеперь среди шума и громовъ славы, нежели въ тишинѣ Ремусберга? Знаю то, что люблю Васъ по-прежнему: люблю, когда Королей бѣете, и когда сокрушаете порокъ и невѣжество.

Воззрите, Всемилосердѣйшій Государь, съ обыкновеннымъ благоволеніемъ на глубочайшее

почщеніе, которое никогда не кончишся, и нѣжность, которая тогда кончишся, когда Вы разлюбите меня. — —

П И С Ь М О XXIV.

Отъ Г-на Вольтера.

Парижъ, 15 Маія 1742.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Быль у Васъ одинъ власшелинъ, Опець: но вы жили, какъ Философъ, подъ *своими* законами. Теперь спавъ Государемъ, нажили себѣ власшелиновъ двадцать, и всѣмъ уснѣваеши угождать! . . . Новые власшелины — сущіе тираны! Первой изъ нихъ *Слава*, опъ которой съ почщеніемъ приемиши и возлагаеши на себя оковы; за нею слѣдуетъ *Политика*, не такъ громкая, но не менѣ значущая, и Вы дозволиши ей измѣрять каждой шагъ, которой дѣлаеши къ славѣ; а тамъ *Корысть* и *Вѣрность*, дѣйствуя иногда за одно, часто другъ прошиетъ друга, ежедневно предлагающъ Вамъ новые планы, новыя опасносши. — Все выслушать, все увидѣшь, все сдѣлашь, во время шого обласкашь, другаго обнадежишь, и каждаго изъ поданныхъ засшавишь любишь подданшво — Боже! сколько шрудовъ! сколько безпокойствъ! Не мудрено сидѣшь на прешолѣ, одѣянну порфиною: но великаго шпоишь бышь Героємъ прешола!

Для Васъ это ничего; ибо Вы родились управлять людьми. Великія дѣла своль же легко достаются Вамъ, какъ и красивые спихи. Уповаю, что Ваше Человѣчество утвердитъ Европу, которую поколебало Ваше Величество, и моя братія, челоѣки, благословяшъ имя Примиришеля! Надежда сія основана не на Проекшѣ миролюбиваго Аббата Сен-Пьера, къ Вамъ посланномъ. Я увѣренъ, что Царь-Философъ знаетъ лучше выгоды мира, нежели Философъ, которой еще не Царь; увѣренъ также въ благородствѣ души Вашей и любви къ челоѣчеству; но, что всего вѣрнѣе, укрепляетъ меня въ сей мысли намѣреніе Ваше выписать изъ Франціи шанцовщиковъ и шанцовщицъ. Обыкновенно шанцуютъ только въ мирное время. Вы могли утвердить достоинство и преимущества Курфирштовъ; могли приобрести столько городовъ и областей; могли сдѣлаться судіею Европы: слѣдовательно должны шеперь шанцовать. Воапюръ сказалъ бы на моемъ мѣстѣ: vous avez l'air à la danse: но я не имѣю дерзости говорить съ Государемъ пословицами.

И такъ, Всемилоспивѣйшій Государь, вмѣсто дюжины ученыхъ имѣете дюжину добрыхъ прыгуновъ! шѣмъ лучше. Дюжинные ученые часто выходятъ грубіяны, а герои театра всегда весельчаки.

Театръ не мѣшаетъ думать о наукахъ. У Васъ одинъ вкусъ не споритъ съ другимъ.

Есть души совсемъ безъ вкуса: Вы напрошивъ
знаете вкусъ во всемъ. — — — — —
— — — — —

Я не люблю богатырей, надменныхъ побѣдителей и враговъ самихъ себя, — людей, которые заключаютъ высочайшее блаженство въ ужасахъ войны и спраданиі подобныхъ себѣ. Чѣмъ болѣе они славятся, тѣмъ болѣе ненавижу ихъ. О небо! сколько бы должно ненавидѣть мнѣ Фридерика! . . . однако я люблю его, люблю Героя — побѣдителя: по меньшей мѣрѣ, онъ чувствуетъ спраданиа побѣжденныхъ, и болѣзнуешь о нихъ.

Такъ, Государь! всегда напередъ помышляю о Вашемъ Человѣчествѣ, по томъ о Вашемъ Величествѣ: но поплакавъ о родѣ человѣческомъ по Сенъ-Пьеровски, и веселюсь духомъ о Вашей славы. Совершенство ея будетъ состоять въ томъ, когда прикажете Королевъ Венгерской подписать миръ, а Нѣмцамъ быть счастливыми:

Совершайте поприще славы, Великій Государь! но не забудьте, что Вы должны сдѣлать сколько счастливыхъ на семь свѣтъ, сколько бѣдняковъ оправили на шомъ свѣтъ. Ужасъ Европы да превращиися по прѣжнему въ предметъ любви и удивленія, а Сѣверный Александръ да будетъ паки Соломономъ, удостоившимъ вниманія одного изъ подданныхъ, которой хотѣлъ бы окончить ошапокъ жизни у ногъ

Вашего Величества, еспьли бы не удерживала дружба, сильнѣйшая Государей и Героевъ, но копорой всѣмъ сердцемъ преданъ Вашему великому Человѣчеству.

ПИСЬМО XXV.

Отъ Короля.

Изъ лагеря, 18 Юня, 1742.

Миръ подписанъ. Люди не будутъ умирать прежде времени. Въсть радостная для смертныхъ, и довольно печальная для смерти! Остаешся испребить честолюбіе и корысть, чшобы ушвердишь на землѣ спокойствіе.

Надѣюсь, чшо миръ, заключенный съ неприятелями, помирить меня и съ вами. — Пролитавъ кровь, съ намѣреніемъ прекратишь кровопролитіе, есть родъ благодѣянія: шакъ ошворяющъ жилы въ припадкѣ умоизсупленія, когда хотяшъ привести кого въ чувство.

Проси, любезной Вольперъ. Вѣрьте, хотя бы подъ часъ сказалъ вамъ прошивное, чшо я почишаю и всегда буду любить васъ.

ФРИДЕРИКЪ.

П И С Ь М О XXVI.

Отъ Г-на Вольтера.

— 1742 —

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ !

Я уже въ Парижѣ, Вашей столицѣ. Умные и глупые, ученые и вершопрахи, духовные и свѣшскіе, всѣ безъ опдыха говорятъ о Вашемъ Величествѣ. Не успѣлъ показаться въ публику, пошчасъ сбѣжались ко мнѣ любопытные, и закидали вопросами: „Что, видѣлъ ли ты эшого умнаго и храбраго Государя? Правда ли, „что онъ вмѣстѣ Кашонъ и Полишикъ? Точ- „но ли писалъ спихи на барабанъ, въ день „сраженія? Каковъ онъ, когда скинетъ діадиму „и лавровой вѣнокъ? Любятъ ли его сполько „же въ видѣ Человѣка, сколько уважаютъ въ „лицѣ Побѣдителя?“ и пр. и пр. и пр.

Слава Богу! естъ, кому отвѣчать за меня: и старые и молодые говорятъ: *Онъ любезенъ — этого довольно.*

Такъ, шакъ, довольно. Кпто умѣешь нравиться, шопъ все умѣешь сдѣлать.

Вопъ чшо говоритъ о Васѣ цѣлой свѣшъ, и чшо услаждаетъ нѣсколько мою печаль, которую чувствую, находясь въ удаленіи отъ Вашего Человѣчества. Но, Всемилостивѣйшій Государь, все ли спанете брать города, а

я ходишь по приказамъ? Не ужели не удастся мнѣ нынѣшнимъ лѣномъ принести Вамъ лично жершву моего почитанія? — Пусть Вы не въ союзѣ съ Франціею, за то въ союзѣ съ родомъ человѣческимъ. — — —

ПИСЬМО ХХVII.

Отъ Г-на Вольтера.

Юля, 1742г.

„О безпримѣрный въ челоѣкахъ! Ты, копорый берешь города, выигрываешь сраженія, заключаешь миръ, пишешь списхи, сочиняешь музыку, и все такъ легко, такъ мило!.. Царь надъ мудрѣйшими и мудрѣйшій изъ Царей!.. Ты самъ долженъ славить дѣла свои; Вольтерь молчишь и удивляешься.“

Я всегда ожидалъ этого *всеобщаго мира*, какъ будшобъ былъ побочной сынъ Аббата Сен-Пьера!! Заключишь миръ для своихъ выгодъ еси дѣло обыкновеннаго Государя, копорой любишь только свой прешоль. Мы Философы этого не жалуемъ: ибо хотимъ видѣть миръ всеобщій. Аббатъ Сен-Пьеръ скажешъ Вамъ, что для приобрѣщенія царства небснаго надобно любить и Кишайцевъ, и Брандербургцевъ, и жишелей Силезіи.

Ласкаюсь надеждою препровести дней десяти близъ обожаемаго Монарха, побѣдителя

Шотзииса (*). Кой чоршъ!.. что за ими Шотзитсѣ? не спыдно ли Вамъ выигрывать побѣду предъ Шотзитсолѣ? И стиховъ не лъзя написашъ на Шотзитсѣ! его никакъ не уломаешь въ риѣму. Но какая мнѣ до того нужда! въ слѣдующій мѣсяцъ все-таки поѣду въ Бриссель; опшуда къ прешолу побѣдителя Шотзита.

Напрасно, Великій Государь, равняете меня съ Ренальдомъ, нѣжащимся въ черпogaхъ прелестной Армиды. Жилище Эмилии есть черпогъ самой добродѣтели.

Государь! опложимъ на сторону Вашу храбросшь, побѣды, прешоль и все, что возбуждаешъ глубочайшее почпеніе. . . Дозвольте мнѣ взяшь смѣлосшь полько любить Васъ! Но я былъ бы не достоинъ любить такимъ образомъ и бышь Вами любимымъ, еспьли бы для одного великаго челоуѣка нашего времени забылъ другаго великаго челоуѣка, кошорой, хопя одѣваешся въ юбки, но сполько же великодушень, какъ Вы, и любить меня болѣе десяти лѣтъ! — —

Я положилъ намѣреніе принести жертву почпенія въ Вашемъ храмѣ; опшуда возвращающа къ олшарю дружесшва. О еспьли бы печеніе моей жизни сосшояло полько въ прехож-

---

(*) Сраженіе дано 1742 года Маія 17 дня. Селеніе извѣсно болѣе подъ именемъ Числау.

деніи съ неба Героя Пруссіи къ планетѣ Эмилиі! Эпошъ вихрь споилъ бы всей Декаршовой Филоссофіи! —

П И С Ь М О XXVIII.

Отъ Короля.

Потсдамъ, 25 Іюля, 1742.

Любезный Вольшеръ!

Я расплачиваюсь съ вами по примѣру зна-
нныхъ господъ, шо есшь, опсдаю самую дур-
ную Оду (*) на мѣсто вашей прекрасной, и
сверхъ того осуждаю васъ поправитъ ее. Пѣ-
няйше на себя, что ввязываюсь въ шакіе шруд-
ныя маперіи; вы же меня разшрогали! Въ
самой вещи, начинаю вѣрить, что языкъ бо-
говъ есшь гласъ правды и невинности, копо-
рой всегда сдѣлаешъ честь и неважнымъ спи-
хамъ.

Счастлива Королева Венгерская, имѣя по-
средника, знающаго великое искусство гово-
ритъ сладко и убѣдительно! Я радъ, что наши
шребованія прекращаются не бранью и шяж-
бою, а *словомъ*: я никакъ не могу устоять
прошивъ *Аполлона* и *Венеры*.

(*) На шѣхъ, кошорые мѣшаются въ дѣла и суж-
денія Политическія.

Вы ропщете на Государей за то, что поддерживаютъ свои права и прѣбванія вооруженною рукою; но помните ли одно обстоятельство, въ кошоромъ естли бы ваша милость имѣла войско, шопчасъ обратила бы его прошивъ Дефоншеновъ, Руссо, Вандюреновъ? Доколь Платонической голось Аббаша Сен-Пьера не будеть имѣшь должнаго влїянїя, Государямъ не оспается другаго средшва рѣшити свои шяжбы, какъ силою, прошивъ кошорой не могли бы устояти совмѣшники. Бѣдствїя войны имѣють нѣчто общее съ болѣзнями шѣлесными. Послѣдняя война естъ маленькой лихорадочной припадокъ въ политическомъ шѣлѣ Европы: я шопчасъ перерваль его. Чшо мнѣ нужды до вашихъ Парижанцевъ? жузжаніе шмелей обыкновенно пускають мимо ушей.

Естли бы вся Франція ополчилась на меня за то, что я подписалъ миръ; Философъ - Вольперъ конечно оштался бы на моей споронѣ. Извѣсно вамъ правило Философское: „надобно исполнять то, къ чему обязался, но не свыше мѣры силъ, или возможности.“ Мы вступили въ союзъ, шакъ какъ вступаютъ въ супружество. Я даль слово вести войну, какъ супругъ обязываешся удовлетворять желанїямъ новобрачной: въ женидьбѣ приходи женскїя истощаютъ силы мужа; шакъ на войнѣ слабость союзниковъ, ошавляя шяжесшь на плечахъ одного, упомляеть и обезсильваетъ другаго.

Наконецъ, чтобы окончить сравненіе, когда супругъ думаетъ имѣть вѣрныя доказательствъ невѣрности жены, не въ правѣ ли онъ развеселиться съ кокешкою? . . . Не хочу говорить яснѣе. Вы сколько уже свѣдуши въ полищикъ и обспояшельстввахъ, что совершенно понимаете меня.

Присылайте всегда, при первомъ случаѣ, прекрасныя стихи свои. Я опинялъ бы васъ у всего свѣта! . . . шакъ велика моя любовь и уваженіе къ вамъ.

ФРИДЕРИКЪ.

P. S. Прошу переспавить слова у деревни *Котушицѣ*, копорую вы немилосердо изуродовали; и еспли вамъ понадобилась деревня для стиховъ, посылаю въ подарокъ *Молвицѣ*.

Къ чему пристало, любезной другъ, церемониться со мною! для чего шаинься въ спраши своей къ Маркизѣ дю-Шапле? Я думалъ заслужишь благодарноспь, когда имѣлъ о васъ споль высокія мысли. Маркиза хороша и любезна; вы чувспвишельны. У нее еспь сердце; у васъ чувспва. Она не мраморная: вы живете вмѣспѣ цѣлыя десятиа лѣтнѣ; не ужели, въ самой вещи, въ продолженіи эптого времени говорили съ любезною Дамою только о Философіи? Не прогнѣвайся, любезной другъ, меня не обманешь! Впрочемъ я не думалъ,

чпобы надлежало удовольствіе жизни изгоняшь
изъ храма добродѣтели.

П И С Ь М О XXIX.

Отъ Г-на Вольтера.

29 Августа, 1742.

Дозвольте, мой Герой и Государь, помѣш-
кашь ѣхашь въ Ахенъ хворому любимцу Ваше-
му. Проклятая опухоль заложила мнѣ уши; а
имѣя дѣло съ Вашимъ Величествомъ, не должно
бышь глухимъ, шакъ какъ пылкой, молодой
дѣвушкѣ не пристало имѣшь любовникомъ при-
гожаго испукана. Три или чешыре дни лежу въ
посшелъ, однако занимаюсь перепискою *Маго-
мета*. Лицемѣры гнали Мольера за Тарпюфа, а
меня гоняшь фанашики. То ли дѣло, когда опхо-
дишь молчаніемъ! Есншли бы Сократъ послу-
палъ по-моему, онъ не принялъ бы яда.

Признаюсь, ничего нѣшь унизительнѣе для
Франціи сихъ негодныхъ пустосвящовъ. Я
сошворенъ бышь подданнымъ Короля Прусскаго
и согражданиномъ Англичанъ. Наши Французы
вообще сущъ *взрослыя дѣти*: за шо малое число
умныхъ прикрываешъ недосшашки оспаль-
ной часши.

Ваше Величество сполько же сильны въ
маленькихъ вещахъ, сколько и въ великихъ.

Хорошо, естли бы Вы имѣли причину спавить
меня шакъ высоко, говоря о моей связи съ
Г-жею Маркизою. . . Къ сожалѣнію, скелешъ
мущины естъ вмѣстѣ скелешъ любви. — —

П И С Ь М О XXX.

Отъ Короля.

Ахенъ, 1 Сеншября 1742,

Fridericus Virgilio salutem (*).

Я шеперь въ столицѣ Карла Великаго и
всѣхъ ипохондриковъ. Мнѣ прислали изъ Пари-
жа письмо, кошорое приписываютъ вамъ. Кшо
бы ни былъ Авшоръ, мысли досшойны Воль-
шера. Не налюбуюсь имъ, особливо въ такой
споронѣ, гдѣ нѣтъ никакого общешва, гдѣ
пьюшъ шолько Спиксовы воды, и гдѣ медицин-
ской факультешъ, проспирая власшъ свою даже
на умы, жалуешъ шѣло коликами, испериками,
подагрою, ракомъ, и пр. и пр. Дай Богъ, чшобы
Французы мыслили шакъ, какъ *Авторъ письма*,
о геспепримствѣ и спраннолюбии, и чшобы
эпощъ Авшоръ былъ Вольшерь! . .

Не шребую болѣе вашихъ писемъ; вы ше-
перъ въ сосѣдствѣ со мною: промѣняю ли удо-
вольствіе слышашъ васъ на удовольствіе чи-

(*) Фридерикъ Виригилю здравія желаетъ.

пашь? Надѣюсь, что изъ учтивости навѣстите
меня и привезете *Магомета*.

ФРИДЕРИКЪ.

П И С Ь М О XXXI.

Отъ Г-на Вольтера.

Бриссель, 2 Сентября 1742.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Не просиравя вдаль несносныхъ *правъ сильнаго*, Вы заключили въ крѣпкихъ арсеналахъ тысячи жерлъ, изъ которыхъ лешли громовые удары. Согласенъ съ Вами, что пріятнѣе давань балы и сморѣшь на Италіанскихъ героевъ шеатра, нежели на толпу рыцарей наглыхъ и безчеловѣчныхъ. Но, Всемилостивѣйшій Государь, послушайте моего пріключенія:

Вчера сидѣлъ я на балѣ, насунувъ двухъ прекрасныхъ глазъ! шоска была написана во всѣхъ черпахъ миленькаго личика.

Глаза сіи моглибъ давань Царямъ законы —
Богинѣ прелестней подвласны всѣ короны.

Однако же прекрасные глаза плакали, и вѣрно не ошъ радости! Они принадлежашъ Госпожѣ Валиштейнѣ, племянницѣ славнаго Герцога Валиштейна, котораго Императоръ удачно

проводилъ на пошъ свѣпъ, съ помощію чешы-
рехъ чеспныхъ Ирландцевъ. Императоръ не
поспуилъ бы шакъ сурово съ Герцогомъ, еспь-
ли бы видѣлъ его племянницу! — Я обратился
къ прекрасной.

Смѣюль воспросишь, богиня!

Что за слезы на глазахъ? —

Тутъ вздохнула Герцогиня,

И съ улыбкой на успахъ,

Ошвѣчала:

Такъ цгодно Государю !

О! Государи эшо жалуюпгъ, прервалъ я; по
милосши ихъ часто плачущъ прекрасные гла-
за, не упоминая о множеспвѣ шакихъ еще, ко-
шорые совѣмъ не прекрасны.

Послѣ нѣкоторыхъ околичностей узнаю,
что у Госпожи Валштейнъ схвапили Графа
Фурштемберга, брата ея; связали руки, какъ
водипся, по указу, и ошвезли на полгода въ
замокъ Везельской. Она спрашивала меня, не
знаю ли какого средства освободипъ Графа?
Я предложилъ ей шолько два: или набрашь
шо тысячь войска, и грянушь на Везель;
или самой предспашь предъ Его Величество, и
спокойно ожидашь побѣды!

Тутъ порхнулъ мимо глазъ моихъ Амуръ,
повелипель Самодержцевъ, и промодвилъ слѣ-

дующее: "Когда ильете дѣло съ прекрасною, вашъ долѣбъ повинуваться!"

П И С Ъ М О   Х Х Х І І .

Отъ Короля.

Ахенъ, 2 Сентября, 1742.

Я нигдѣ не вижу сполько любезнаго, кромѣ васъ, какъ ваши письма. Послѣднее еще болѣе умножило бы мое удовольствіе, когда бы въ слѣдъ за нимъ явились вы сами: но теперь я долженъ опказаться опъ надежды свиданія. Седьмаго числа Марша ѣду въ Силезію.

Чшо за глупая здѣшняя спорона! Врачи-самозванцы, спараясь поравняшь иноспранцевъ съ земляками, хошяшъ, чшобы и они не мыслили, и не имѣли даже общаго смысла. Здѣсь цекущся шолько о шѣдесахъ! . . .

Гг. Шапель и Коцвилерѣ шоржешшвенно говорапъ, чшо въ ихъ споронѣ спиховъ не пишупъ. Они называюпъ эшо оскорбленіемъ факультеша Поэзіи; понеже не прилично пишъ вмѣспш струи Инокрены и гнилыя воды въ маленькой Имперіи Ахена. По неволѣ усшунишъ шребованію лѣкарей. Жизнь еще не надоѣла мнѣ! . . . Кшо знаешъ, какъ я опмшчу имъ, когда буду на своей волѣ, дома! — —

Просни, любезной Вольтеръ. Не оспавай-
те больнаго духовными лѣкарспвами.

ФРИДЕРИКЪ.

P. S. Одно слово о Госпожѣ Валштейнъ: я
не знаю ее.

П И С Ь М О ХХХІІІ.

Отъ Г-на Вольтера.

Бриссель --- Ноября 1742.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Я радъ, что вы оспааетесь довольны моею
исторіею, или, лучше сказать, исторіею шало-
стей человѣческихъ. Справедливо говорите,
что наспоящій вѣкъ превосходнѣе прежнихъ
вѣковъ невѣжества и возмущеній. Дай Богъ,
чтобы всѣ Государи умѣли чувствовашь шакъ,
какъ мой Герой! При мудромъ Самодержцѣ не
могушъ родиться ни Люшеръ, ни Цвинглій, ни
Кальвинъ, ни самъ Папа. Пренія фанашиковъ
сущесивуюшъ шокмо во Франціи. Янсенизмъ
и Молинизмъ непримѣшно поддерживаюшъ не-
согласіе, которе опъ шого самаго, что химеры
вошли въ моду, можешъ имѣшъ слѣдсшвія
пагубныя.

Ваше Человѣчество спановишся со дня на
день любезнѣе. Нѣшъ средства всегда пишпу-

ловашъ Васъ: *Ваше Величество!* эпо идешь полько къ Нѣмецкимъ Принцамъ, видящимъ въ особѣ Вашей Государя; но я, копорой вижу въ Васъ Человѣка, и подѣ часъ прихожу опѣшого въ изсшупленіе — забываю лице Монарха, и радуясь шокмо о любезномъ человѣкѣ.

Есшлы бы письмо Ваше показашъ Королевѣ Венгерской и Королю Французскому, они померли бы со смѣха, не смошрѣ на зло, копорое сдѣлали Вы одной, и добро, копорого не хошѣли сдѣлашь другому. Сравненіе войны съ подашливою кокешкою прелюбезно. Такъ не подшупилъ бы самъ Цесарь, ни Антоній, ни Окшавій, Ваши предки, люди впрочемъ дѣльные и оспрые.

Поступайше, какъ умѣше, съ Принцами. Бѣйте и бросайше ихъ, бранишесь и миритесь; полько будыше посшоянны для насъ, часшныхъ людей. —

Въ Парижѣ шучи ходяшъ съ дурными книгами и нескладными спихами. Однако, Ваше Величество, какъ приключеніе Г. Линца не дѣлаешъ еще безчесшя Французскимъ рашникамъ: пакъ худой вкусъ Дефоншеновъ и его поващицей не можешъ посрамяшь вообще нашихъ Писашелей.

Парижскіе Сибариты не имѣюшъ ничего новаго. Все, что могу выдашъ за диковинное, ешъ слѣдующій анекдотъ. Кардиналь Флѣри,

едва оправившись опть долговременной болѣзни, вздумалъ, два дни назадъ, служить обѣдню. Жершевникъ былъ въ саду. На шу пору холодъ довольно чувствительной. Гг. Амелопъ и Брешейль, заславъ добренькаго Кардинала за дѣломъ, говорили, что это занятіе уморитъ его. Полно, нѣженки! вскричалъ Кардиналъ, убирайтесь домой! я пошю за себя. — Что за человекъ въ девяносто лѣтъ! Живите сполько же и вы, Всемилосивѣйшій Государь, хотпя бы довелось Вамъ подъ спаросъ служиць обѣдню, а мнѣ пѣшь на крылось.

Послѣднее письмо Ваше окончивается такъ: „Ты долженъ непременно прислать мнѣ „свою Исторію. Счастливъ, что самъ у меня „не въ рукахъ! Мы Государи замѣшаны на взы- „сканіяхъ, копорья иногда совсѣмъ нейдушъ „къ намъ. Что ежели напечашаю манифесшъ и „публикую всенародно, что шы мой поддан- „ной, и что имѣю право схватишь тебя, гдѣ „шолько ни поймаю?“ —

О естльи бы это случилось!!

П И С Ь М О XXXIV.

Отъ Короля

Берлинъ, 5 Декабря, 174г.

Въ замѣнъ вашей *Дѣвственницы* и прекрасной Исторіи, посылаю маленькую Комедію мо-

его масперспва, собранную изъ шалоспей чело-
вѣческихъ. Вашей *Дѣвственницы* у меня поль-
ко альфа и омега. Ешлы бы вы подарили ме-
ня IV, V, VI и VII Пѣснями, тогда былъ бы я
богатѣ Креза.

Кажется, кредитпоры госпожъ семнадцати
Провинцій сколько же шороняшъ ушлаюю,
сколько господа Маршалы Французскіе мед-
ляшъ по своей часши. Чшо касается до ва-
шихъ кредитпоровъ, прошу сказашь имъ, чшо
у меня золоша не менѣ цѣлой Голландіи. Не
знаю, кшо изъ насъ останешся въ долгу.

Ешлы Парижъ можешъ назвашся *Цитерою*;
шо вы, обращаясь около Венеры, описы-
вающей свое печеніе опъ Парижа къ Брисселю,
а опъ Брисселя къ Сирею—можете назвашся
спутникомъ сей планеты. Мои Прусаци не
знаюшъ шакой нѣги; за шо могушъ побѣждашь
вашихъ Сибаритовъ.

Я опяшь собираюсь въ дорогу; хочется по-
бывашъ въ Силезіи, полько не надолго. Покор-
но прошу доставишь мнѣ вашу *Дѣвственницу*,
вашу Историю, ваши Эпиграммы, ваши Оды, и
вашъ самихъ. Тѣмъ или другимъ образомъ, на-
дѣюсь видѣшь васъ у себя. Не знаю, гдѣ вы
шеперь находишесь: но увѣренъ, чшо скорѣе
вы забудете Берлинъ, нежели останешесь за-
быты въ Берлинъ. Въ эшомъ ручается вашъ
почишашель

ФРИДЕРИКЪ.

П И С Ъ М О XXXV.

Отъ Короля.

Попседимъ; 21 Маія 1745.

Легко ли мнѣ слышать, что васъ изъ Членовъ Академіи исключили, а въ Театръ громкимъ плескомъ прославляютъ? Какое прошиворѣчіе! при Дворѣ бранятъ и гонятъ, а въ школицѣ боготворятъ!... Желалъ бы я видѣть Французовъ постоянно въ своемъ вкусѣ. Оспавъше негодную сторону, гдѣ священные Мидасы не шернятъ Белилевъ, Шовелиновъ и Вольперовъ. Пріѣзжайте въ Берлинъ. Я прикажу давать вамъ лошадей на каждой станціи. Пускай это не Буцефалы и не Пегасы; тѣмъ лучше. Я люблю и простыхъ лошадей, копорыи могутъ возить Аполлона.

ФРИДЕРИКЪ.

П И С Ъ М О XXXVI.

Гага, 15 Іюля 1745.

ПОВЕЛИТЕЛЬ МОЙ!

Не имѣю чести быть изъ числа тѣхъ рыцарей, копорыи могутъ спраншвовать съ четырёхдневною лихорадкою; вѣдь я Манихейской секты: допускаю два начала въ мірѣ. Доброе начало есть человѣчество моего Государя;

Часть II.

другое, мое физическое зло, которое и препяшпвуешь мнѣ наслаждашься первымъ. —

Не взыщите, обожаемый Государь, что душа моя, заключенная въ брэнномъ шѣлѣ, не смѣешь пущишься въ дорогу, не зная совершенно, гдѣ съѣхались съ Вашимъ Величествомъ. Если изволили побыть нѣсколько дней въ Берлинѣ, я лечу шуда; если ѣдете дальше, поскачу за Вами къ водамъ Ахена, въ надеждѣ сыскашь Васъ въ шеплой банѣ; но градусъ шеплошы бани конечно уступитъ жару Вашего воображенія.

Имѣю честь послать Вашему Величеству доброй приѣмъ опіума для дороги, шо есть, шипокъ моихъ Академическихъ фразъ. Наспоящая война шѣмъ хороша, что въ ней опличаешь Герой Пруссіи. Я боюсь, чтобы не сочли сего моего восшорга лихорадочнымъ припадкомъ; но величайшій изъ восшорговъ есть шопъ, чтобы удоспоишься лицезрвнія Вашего Человѣчества. Гдѣ прикажете искашь себя : въ Берлинѣ, или у шеплыхъ водъ?

Повергаюсь къ ногамъ Вашимъ, Монархъ обожаемый, человекъ единшвенный, въ ожиданіи указа Вашего Королевскаго Величества для моего похода.

ПИСЬМО XXXVII.

Отъ Г-на Вольтера.

Июль, --- 1743.

ВЕЛИКІЙ ГОСУДАРЬ!

Люблю Героевъ, когда они забавляюшя игрою ума; ибо въ то время никого не обижаютъ. Люблю Цесаря, котораго побѣдоносная рука предписываетъ для Рима новый годъ; не сержусь, что онъ, молодой и прекрасной, рѣзвился съ Нимфами: но перяю нѣсколько почитенія, когда смопрю на переходъ его чрезъ Рубиконъ, и плачу вшайнъ, когда сей великій челоуѣкъ, Поэтъ и Орапоръ, сполько разъ сражаясь за Римъ, наконецъ сразилъ самой Римъ!!

Объ Васъ эпого не скажу. Вы гораздо счастливѣе послѣ побѣды, одержанной надъ Силезіею, нежели Вашъ предшественникъ послѣ сраженія Фарсальскаго. Вы ведете, какъ и онъ, импересныя записки; любите, какъ и онъ, общество: но Вы соспавляете душу всякаго общества. Что касается до Вашихъ стиховъ, я внѣ себя отъ удивленія. Спорона Вашего магнуса влечетъ меня къ Вамъ споль же сильно, какъ спорона магнуса Французскаго опшадкиваетъ. Если бы я зналъ, что есть за придевяшь земель Государь, которой умѣетъ чувствовашь, писашь и говоришь по Вашему: я

пѣшкомъ пошелъ бы на поклонъ къ сему Государю. Кшо имѣешь сколько нибудь ума и вкуса, пошъ непременно долженъ бышь въ этомъ случаѣ Царицею Савскою.

Однако я долженъ признаться, Великій Государь, по глупой моей ошкровенности, что Вы почти не щадили себя въ прекрасномъ своемъ предисловіи къ *Запискамъ*. Извините. — Но къ чему сполько извиняшься? всякой примѣшишь, что Вы жершвуете моралью спраши къ завоеваніямъ!... Впрочемъ, винишь ли Васъ? Развѣ не имѣли Вы права на Силезію, по крайней мѣрѣ на большую часть ея? Развѣ ошказъ въ правосудіи не довольно Васъ побуждалъ къ тому? Ни слова болѣе. Фридерика не скоро можно обвинишь. — —

Ваше Величество, почно какъ кокешка, сполько избаловали меня своими ласками, что умираю опъ неперпѣнія получишь самую послѣднюю!.. Могуль избрать приличнѣйшее время ѣхашъ и упасъ къ ногамъ Вашимъ, какъ не шеперь, когда Вы, заградивъ усша громовъ, спокійно играете на лирѣ? Въ Парижѣ слышны шолько анаемы! Негодный *Мирепуа* сполько же грубъ, властполюбивъ и склоненъ къ фанатизму, сколько Флѣри былъ любезенъ, учпивъ и снисходипеленъ. Какъ далекъ учипель нашего Дофина опъ учипеля нашего Короля! Его Величество шолько пѣмъ и нечалишь народъ, что ошибся въ выборѣ наснавника. Прочіе наши Минисптры любезны; ибо

Государь шаковъ. Онъ шрудолобивъ, благосклоненъ, правосуденъ, и — сердечю привязанъ къ любезнѣйшей женщинѣ. Одинъ Миренуа помрачаешъ ясность Версальскаго и Парижскаго неба; онъ одинъ зашмѣваетъ изящныя Науки. Несносно слышашъ, что на мѣстѣ Фенелоновъ и Боссюешовъ сидишь какой-нибудь *Воле!* . . — Во Франціи думаютъ, что при первомъ случаѣ надѣнушь на эшу ослиную голову красную скуфью, привезенную изъ Рима. —

Эшо правда, что не онъ написалъ *Марію а ла Кокъ*; да и я не писалъ къ Авшору *Маріи* письма, кошорое ходишь въ народѣ подъ моимъ именемъ. Я шолько жаловался Епископу Миренуа — и безъ всякой пользы — на клеветы донощиковъ, шпионовъ его. Не думаете ли, что преклоню колена предъ Вааломъ? По мѣрѣ моего уваженія къ Государю, презираю шѣхъ, кошорые, пользуясь данною довѣренностію, во зло упошребляюшь власть его, и дѣлаюшся великими — шолько въ обидахъ и пришѣсненіяхъ! . .

Вы одни, Всемилосшивѣйшій Государь, ушѣшаете меня въ настоящемъ положеніи вещей. Когда я гошовъ плаканъ объ упадкѣ Наукъ, шощастъ говорю себѣ: еспь въ Европѣ Монархъ, кошорой любишь и обрабашываетъ ихъ, славишь себя и вѣкъ свой! Наконецъ восклицаю: скоро, скоро увижу сего вѣчнашаго *Шолье*, сего *Тацита*, сего *Ксенофонта*, Государя-человѣка. Такъ! я хочу вѣхашъ къ нему. Эмилиа не должна

и не можешь удерживать меня: ославляю Минерву ради Аполлона!

Ничего несть скучнее и бесполезнее, какъ мое глубочайшее почтение, и проч.

П И С Ъ М О XXXVIII.

Отъ Короля.

Попедамъ, 15 Сентября 1743.

Вы столько наговорили мнѣ хорошаго о Франціи и Король Французскомъ, что я хотѣлъ бы всѣхъ видѣть Французами, а Имперіи и Республики всѣ подъ управленіемъ Лудовика. Государство цвѣтешъ и укрѣпляешъ, когда взаимная ревность оживляешъ сыновъ опечества, и когда выгоды короны соображены съ пользою и достоинствомъ частныхъ людей.

Желашельно, чтобы войны Французскіе и Шведскіе могли мыслишь по вашему; къ сожалѣнію, слабость полководцевъ и неискусные совѣтники почти соесъмъ разрушающъ идею о великости, копорую одно имя сихъ Монархій возбуждало въ народахъ! за полвѣка передъ симъ, онѣ были ужасъ Европы.

Теперь какъ низко поступила Франція съ союзниками своими! Какой спыдъ для нее, дозволишь Кардиналу Флѣри заключишь миръ шайно опъ Двора Испанскаго и Короля Сардинскаго!

Какой примѣръ для потомства, что Франція опшшунилась опъ Императора въ самомъ нужномъ случаѣ, — не разумью здѣсь особу *Императора*, но горесшное положеніе, въ какомъ шолько можешъ бышь *гастной теловкѣ*. Какихъ не было уловокъ и хишросшей со стороны Кардинала при нѣконоромъ Дворѣ, когда мы были въ наилучшей связи! Какихъ не дѣлано предложеній въ Майнцѣ, чшобы опкрышь дорогу для мира, или, лучше сказано, воспламенишь новую брань! Какъ холодно и боязливо дѣйшвуютъ французы, когда надлежало бы показашъ имъ всю швердосшь духа! Дажевъ шо время, когда огонь блеснишь въ ихъ рѣчахъ, какъ слабо опвѣчаютъ эшому воинскія дѣйшвія!

При всемъ шомъ, не нахожу народа любезнѣе французовъ! ежели не могутъ они возбуждашь шпраха, по меньшей мѣрѣ умѣютъ приобрѣшашъ любовь. Нынѣ царшвующій Король достоинъ управляшь Франціею. Подлинно Царское дѣло, возшановишь шо, что другіе повреждають, и принудишь пропшвниковъ со смиреніемъ шребовашъ мира! Я удивляюсь буду всему, что ни сдѣлаешъ сей великій человекъ, и никто изъ Монарховъ Европы не переспришь меня съ сорезнованіи его славы.

Но, любезной другъ, шобѣ вѣдь нѣшъ дѣла до нашей Полишики! кажешся, приличнѣе говоришь съ шобою о Поэзш; по грѣхамъ, не все шо дѣдаешся, чего хочешся.

Пріѣзжайте въ Берлинъ. Тамъ нѣшь ослиной головы Мирепца, Нашъ Кардиналъ и Епископы очень любезны. Вы вѣрно не имѣете нужды просить у нихъ пѣвческаго или пономарскаго мѣсна; а въ другія дѣла наши монахи сами не ввязываются.

Прости, любезной Вольшеръ; да сохранишь васъ Небо отъ бессонницы, отъ лихорадки и отъ докучливыхъ!

ФРИДЕРИКЪ.

П И С Ъ М О XXXIX.

Отъ Г-на Вольтера.

1745.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Вы одни умѣли плѣнить мое сердце, непокорное прочимъ Владыкамъ земли. Вамъ посвящаю остатки жизни и трудовъ моихъ. Какъ скоро усстрою дѣла свои, посѣщу опиравшись въ Берлинъ. Извольте примѣнить, что я привыкъ говорить съ Вами по чувству неприщворнаго сердца. По испиниѣ, Ваше благоволеніе много придаетъ мнѣ духа.

Не ищу славы управляя дѣлами политическими, какъ то водилось за Дешушемъ и Пріоромъ, которые оба были Спихонворцы.

содѣйствовавшіе заключенію мира между Франціею и Англіею. Поступайше, какъ Вамъ угодно съ Владыками сего міра; я не въ свое не мѣшаюсь. Но Бога ради напишите хотя одно слово, которое могъ бы я показашь Королю Французскому.

Вы упрекали ему — въ письмѣ, полученномъ мною изъ Пошедама — будно онъ допустилъ Императора дойти до послѣдней крайности, и будно работаетъ въ Майнцѣ противъ Пруссіи. Послѣ сего письма Ваше Величество могли увѣдомиться, что Король Французской дѣлалъ возможныя вспоможенія Императору. Бездѣльникъ негоціантъ, Гацель, васъ ссоришь; за это можно проучить его.

Заклинаю Васъ не разрывать связи съ Королемъ Французскимъ, и написать спрочки чепыре къ нему чрезъ меня. Этимъ Вы ни къ чему не обязываетесь, между шѣмъ дѣла могутъ поправиться. Если Вамъ рассказали много дурнаго о Королѣ Французскомъ, то я долженъ Васъ увѣрить, что и Вы изображены не лучшими красками. Тотъ и другой поришъ невѣрны. Позвольте мнѣ употребить сей случай на примиреніе двухъ любезныхъ и почтенныхъ Государей. Я покажу Ваше письмо Его Величеству, и надѣюсь возвратишь часно имущество, ошнянаго у меня Кардиналомъ. Здѣсь расшочу то, чѣмъ буду одолженъ Вашему Величеству.

Увѣряю Васъ, Всемилоспивѣйшій Государь, что я останусь въ споронѣ. — Это составитъ второю прекрасную въ жизни моеи день, когда могу сказать Королю Французскому все, что думаю о Вашей особѣ. Первымъ днемъ называю шопъ, въ кошорой повергнусь къ спонамъ Вашимъ, и начну подлѣ Васъ новую жизнь. —

ПИСЬМО XL.

Отъ Короля.

7 Октябръ, 1743.

Франція всегда считалась прешоломъ несчастныхъ Государей: я хочу, чтобы моя столица была храмомъ великихъ Мужей. Прїѣзжайте ко мнѣ, любезной Вольперъ; но скажите напередъ, что вамъ угодно? Когда хочешь обязать достойнаго человѣка, надобно войти въ образъ мыслей его. Въ вашей волѣ выбрать себѣ комнату, или цѣлой домъ; расположитесь шакъ, чтобы ни кто вамъ не мѣшалъ; определите родъ жизни, кошорая достойна была бы васъ. Не буду противорѣчить вашему вкусу: дружба призываетъ, а не связываетъ васъ.

Пашпортъ и указы для перемѣны лошадей гошовой. Поспѣшите доставить мнѣ удовольствіе лично увѣрить васъ въ моемъ почтеніи и усердіи.

ФРИДЕРИКЪ,

ПИСЬМО XLІ.

Отъ Г-на Вольтера.

Лилль, 16 Ноября, 1745.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Вы несетесь съ дорогъ, какъ орель, а я пацусь, какъ черепаха; мудро ли? я ѣду все дальше отъ Вашего Величества.

Правда ли, что у васъ есть барабанъ, обшпанушой кожею покойнаго Зиски? Тѣло великаго человѣка, погребеннаго въ землѣ, рано или поздно содѣлается пищею червей: но Зиска исключенъ изъ общаго класса смертныхъ. Хвала прекрасному барабану! его кожа сколько же проживетъ, какъ и слава. Ахъ, бѣдная доля наша! чтобы спасти великаго человѣка отъ плѣнія, надобно содрать съ него кожу!! О Владыка мой! берегите Вы свою. Въ другой разъ Богъ не сошворитъ такой кожи, въ кошорой бы можно было помѣстить сколько ума..

Не прилично великихъ Государей обременять вопросами; но такъ уже заведено со времени Соломона: надобно, чтобы Соломонъ Свѣрной привыкъ просвѣщать людей.

Дозвольте, Ваше Величество, спросить себя: какой это лукъ нашли въ Глаше? можете бытъ Вы скажете: справься у Господина

Жордана. Но, Всемилоспивѣйшій Государь, любезной нашъ подагрикъ — прелѣнливой человекъ! Вы успѣете образовать и уснроить опть чешырехъ до пяти провинцій, или сдѣлать сошны двѣ сншохвъ, а любезный лѣнивееъ не напишешъ ни спрочки!..

Я прѣхаль въ Лилль, шо еспъ, въ Берлинѣ ебъ линіатюрѣ; но въ семъ Берлинѣ не вижу ни Оперы, ни Коніи *Tuta*. Ваше Величешво, Королева машъ и Принцесса Улрика супъ штакого рода люди, которые не поручающъ играть роли своей другнмъ. У меня нѣшъ еще шрехъ сошъ штысячъ войска, чшобы употребншь ихъ на похищеніе Принцессы; за шо у Короля Французскаго еспъ сполько. Сн присна штысячъ солдатъ шакія собаки, чшо не возможно держашъ ихъ на привязи: лающъ, ревушъ, дерушъ землю, гоняющъ слома голову за Англичанами и увѣснстыми слугами ихъ, Голландцами. Вся нація удивншельно мужешвенна! Къ счасшю, Вашъ прѣшель Спразбургскій не кажешъ виду, чшо хочешъ командовать армією; а Имперашоръ, подкрѣпляемый Вами и Французами, скоро будешъ давать оперы въ Минхенъ.

Осмѣлнвшисъ обезнокопшь Ваше Величешво вопросами, позабавлю шеперь игрушечкою — разумѣнся, еспшли еще не слыхали о ней.

Нѣсколькo мѣсяцовъ назадъ, Аделаида, прешья дочь Короля французскаго, всшала въ

полночь, одѣлась, положила принадлежанъ луйдоровъ въ карманъ и пошла вонъ изъ комнапы. Пробужденная мамушка спрашиваетъ: куда изволишь иди Ея Высочество? Принцесса отвѣчаетъ опкровенно, что она приказала конюшему приготоуишь себѣ двухъ лошадей, на копорыхъ поѣдетъ командовать арміею и помогать Императору. — Если бы Ея Высочеству донесли, что Ваше Величество не оставите Императора, Аделаида почивала бы спокойно.

Въ сію минупу, когда имѣю честь писать, наши войска идутъ маршемъ къ спарому Бризаху. Они хотѣли взять его. — Про здѣшній городъ слышалъ я анекдотъ. Когда Герцогъ Марлбругъ осаждалъ его, актеры забавляли народъ ежедневно представлениемъ любимыхъ пѣснь, и нѣмъ приобрѣли до ста тысячъ франковъ. Признайтесь, Государь, что французы рождены забавлять и сражаться!

Титъ умоляетъ Ваше Величество, не оставите бѣднаго *Куртильса*, копорой теперь безъ носу въ Шпандау.

Повергаюсь къ стопамъ Вашего Человѣчества, и пр.

П И С Ъ М О XLII.

Отъ Короля.

Берлинъ , 4 Декабря , 1745.

Кожа славнаго рашника , спрашнаго для Богемцовъ и зависпниковъ его , нарочно оставлена у меня для любопытныхъ . Что-то до-спанешся послѣ васъ *Марсіалъ* нашего времени !

Кожа Зиски , или , лучше сказать , барабанъ Зиски естъ одна изъ добычь , которую мы вы-везли изъ Богеміи .

Вы слишкомъ высоко спавипше своихъ вѣ-преныхъ земляковъ ; думашъ надобно , франція еще бѣдна великими произшесшвіями ; да ну къ чоршу съ Полишикою ! . . .

Fridericus Voltairium salutat.

П И С Ъ М О XLIII.

Отъ Г-на Вольтера.

Парижъ , 7 Генваря 1744.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШИЙ ГОСУДАРЬ !

Я получилъ въ одинъ разъ то , съ чего мо-жно вскружишь не одну голову ! Старое письмо отъ 29 Ноября ; — двѣ медали , изображающія по

крайней мѣрѣ часпъ физиогноміи Короля-философа, — поршрешъ Ея Величешва, Королевы матери, — поршрешъ Принцессы Улрики, — наконецъ, къ довершенію милосшей, прекрасные стихи фридерика Великаго, кошорые начинаются такъ :

Quitte-és-vous bien sûrement
L'empire des Midas, votre ingrate patrie?

Долго держаль Маркизь Фенелонъ сіе сокровище въ карманѣ. Онъ медлилъ, какъ будшо имѣль дѣло съ Голландцами. Наконецъ, сокровище уже въ моихъ рукахъ. Я перецѣловаль всѣ поршрешы. Принцесса Улрика пуспъ краснѣеть, еспыли ей угодно.

„Дерзко напечатилъшь поцѣлуй на скромныхъ прелеспяхъ Высокой сеспры Вашей; но имѣшь ихъ въ рукахъ и не поцѣловашъ, было „бы очень прсповашо!“

Перецѣловавъ и спихи ваши — кошорые произвели во мнѣ такое же дѣйспвіе, какое поршрешъ Ея Королевскаго Высочешва — я спросилъ себя: кто это поешъ такъ нѣжно и пріятно? Не Бернаръ ли, мой поварищъ, успиляетъ цвѣпочками священныя долины? Не Амѳіонъ ли подъ звукъ флейшы собираетъ камни, и несприкосновенно спроишъ города? Или самъ Аполлонъ играетъ съ чисшыми дѣвами Парнаскыи?

Подъ звукъ нѣжной, плѣнительной лиры, слышу, кричишь живошное съ большими ушами (1): *Не удивляйтесь пѣнію Царя-Философа. Что значитъ поэтъ предо мною? Онъ не больше, какъ Государь: а я учитель его!*

Такъ, живошное! пы училъ его. Было время, когда и Ахиллесъ въ дѣтствѣ своемъ жилъ подъ управленіемъ живошнаго, сославлявшаго половину человѣка, половину лошади. Но вопшь чего жаль, господинъ учитель! Природа, образуя шебя, не докончила своего шворенія: одной половины недостаетъ (2)! — — —

П И С Ь М О XLIV.

Отъ Короля.

Берлинь, 18 Декабря 1745.

Маркизь Польми будетъ приняшь, какъ сынъ Французскаго Министра, мною любимаго, и какъ пишомецъ Аполлона, мною обожаемаго. Жаль, что дорога къ Герцогу Ришелье не просшираешся чрезъ Берлинь. Маркизь дѣлаешъ честь Государю и націи шѣмъ, что избранъ для сего посольства. Эшо гражданинъ всѣхъ

---

(1) Вѣроятно, рѣчь идешъ о *Бойе*.

(2) Симъ письмомъ окончиваешся 1744 годъ. — Въ 1745 ошыскано только одно ошь Короля, которое здѣсь слѣдуешъ.

Государствъ, жипель всѣхъ мѣспъ, и шакой
человѣкъ, копорой во всѣхъ вѣкахъ оправдаешъ
уваженіе, оказанное ему Францією.

Я уже привыкъ лишаться нѣкоторыхъ
удовольствій: шѣмъ легче могу перенести ли-
шеніе общесства, копорого пришествіе было
возвѣщено въ газешахъ.

Дополъ, пока не умрете — развѣ въ смы-
слѣ менафорическомъ — не буду опнимаю у
васъ свободы; дѣлайте все, что хопите,
прикажише даже прочитайше опходную;
не мѣшаюся въ набожныя упражненія: но,
любезной мой, не прогнѣвайся, еспли не доз-
волю вамъ работашъ, когда и безъ того
едва переводите духъ. Вы французы удивитель-
ны! ваши Герои выигрываютъ побѣды, когда
смерть за плечами, и ваши Поэты пишутъ
безсмертныя стихи при послѣднемъ издыханіи.
Чего не могли бы вы сдѣлать при лучшемъ со-
стояніи здоровья? Совѣшую, любезной другъ,
бросите книжную ученость и поспѣшите окон-
чаніемъ *Двѣстленицы*. Повѣрьте, самъ Герку-
лесъ поперялъ бы всю крѣпость силъ, еспли
обременить его тяжкими оковами. —

Кажется, Дофинъ для того шолько женил-
ся, чтобы дать случай блеснуть вашему Генію
въ Эпипаламъ! . . . *Селлиралида* шолько же дѣ-
лаешъ шума въ Германіи, сколько невѣсна До-
фина во Франціи. Скажите, копорая изъ
нихъ лучше?

Моперпшюй начинаешъ оправляться : весь городъ беретъ въ немъ учаспіе. Эпо нашъ Палладіумъ; а пы въшренникъ , неблагодарной, въроломной, негодной. . . . И чего я не въ правѣ наказать , еспши бы не соизволилъ всемилоствивѣйше простишь шебѣ и всѣмъ французамъ— для Лудовика XV ?

Просши. Ударяющъ къ комедіи. Барбаринъ, Кошуа, Гошвилъ зовущъ меня ; спѣшу имъ удивляться.

Я люблю совершенство во всѣхъ наукахъ, во всѣхъ предметахъ, и попому люблю шворца Генріады.

ФРИДЕРИКЪ.

П И С Ъ М О X L V .

Отъ Г-на Вольтера.

Сирей, 24 Генваря 1747.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ !

Любимый вкусъ всегда беретъ свое. Я думалъ, что Вы переставъ давалъ сраженія, предались во власнь прозы ; но — вижу стихи, и прекрасные ! Чему же дивисься ? Фридерикъ не изъ числа обыкновенныхъ людей.

Вы щелкаете по носу Авшрійцевъ и Саксонцевъ, водворяете миръ въ споліцѣ непріяз-

неннаго Короля (*), углубляетесь въ Метафизику, составляете историческія *Записки* о своемъ вѣкѣ, коего Вы сами Герой; наконецъ пишете стихи, и вѣроятно въ большемъ количествѣ, нежели я, копорой, опживъ свой вѣкъ Поэзіи, намѣренъ просишься у великаго Аполлона въ опсшавку.

Хотѣлъ бы я думать, что Ода на *войну* сочинена умнымъ, но бѣднымъ гражданиномъ, уславшимъ плащитъ десятины и десятую долю десятины. Но ее написалъ Государь, копорой взялъ вооруженною рукою одну провинцію и выигралъ пять сраженій.

Хороши стихи Ваши, Всемилостивѣйшій Государь, очень хороши, но насмѣшливы. Кпо мнѣ поручитса, чшобы Вы въ самой вещи не вѣрили тому, чшо пишете? — Прекрасное дѣло, когда бы *геловѣколюбіе* присушствовало съ Вами въ кабинетѣ, въ копоромъ *Слава* и *Политика* подписываютъ указы о наборѣ войска. Сегодня съ жаромъ величаемъ подвиги рыцарей побѣдителей; завтра спанемъ думать по философски. Все идетъ своимъ порядкомъ, смощря по тому, какъ заведены колеса мыслящей машины. Помните ли, чшо сами писали ко мнѣ о свободѣ человеческой, за десятиль лѣтъ передъ симъ?

(*) Миръ, заключенной въ Дрезденѣ 1746, 25 Декабря.

Я снова прочиталъ письмо сіе, и — содрогнулся. Чѣмъ больше разсуждаю, тѣмъ легче соглашаюсь на Ваше мнѣніе. Дай Богъ, чшобы мы были свободны, какъ мнѣ хошѣлось! Благодарите Нашуру за особенное ея вниманіе къ Вамъ. Я съ своей спороны благодарю добрую мамъ сію за то, чшо она завела Васъ, яко мыслящую машину, для соспавленія письма къ *Герлиотилу*! Жаль, чшо не всякой можешъ судить о сшихахъ. Вашъ кривой Геомешръ (*) ничего въ нихъ не смыслишъ. Мы, сшихошворцы, соспавляемъ небольшое число аденшовъ Поэзіи; прочіе всѣ профаны — и Вамъ надлежало бы аденшовъ поселишъ въ своемъ Дворцѣ.

П И С Ь М О Х L V I .

Отъ Короля.

22 Февраля, 1747.

И шакъ вы писали *Селиралиду* не для Парижа? Въ прошивномъ случаѣ, для чего съ шакимъ жаромъ и шерфнїемъ обрабошывашъ піэсу, когда хошѣли заключишъ ее на вѣкъ —

(*) Эпошъ кривой Геомешръ еснъ *Леонардъ Эйлеръ*, величайшій изъ мужей нашего времени. Правда, чшо онъ не знапокъ во Французскихъ сшихахъ.

въ кабинетъ? Постойше; я угадываю ваши мысли. Трагедія назначена для Театра Берлинскаго: не правда ли? Какая учтивость, и какая скромность! Въ ожиданіи пьесы, гоню вамъ ошъ добраго сердца похвалы; за васъ можно ручаться, что напишете похвальное. Одно коварство зависши, или несправедливость знашихъ могутъ ошказывать вамъ въ сей дани.

Вы рѣшились писать современную Исторію? Не препятствую вашимъ упражненіямъ. Берлинской писарь шакже мараешъ что-то историческое; но лице Фридерика не входитъ въ планъ книги. Слишкомъ безразсудно думашъ о своихъ дѣлахъ, будшо заслуживаютъ вниманіе публики! . . Я намѣренъ описать вообще смяшеніе Европы, и легкою кистію начерташъ слабую спорону Правителей. Не мѣшаешъ коснуться шорговли, и къ мѣшу подвесши какія-нибудь политическія размышленія о причинѣ произшествій и разнообразныхъ послѣдствійхъ. Скажете: подробности войны не споюшъ шого, шшобы шеряшъ на нихъ золотое время. Согласенъ; но надобно ли смѣшивашъ машерию съ неискуснымъ художникомъ? Ешшли бы кшо вздумалъ, описывая Парижъ, машемашически измѣряшъ просшранство и разшояніе всѣхъ домовъ и зданій, до послѣдней хижины: я первой насмѣялся бы глупой идеѣ писателя, но не сказалъ бы: Парижъ не спомниъ моего вниманія! Напрошивъ думаш, шшо великія дѣйствія войны, въ описаніи коихъ

видишь духъ Героевъ и причины взаимныхъ несогласій, можешь служить насавленіемъ для людей военныхъ. Такъ искусной Анатомикъ показываешь неопытному ваятелю способъ дѣйствія мускуловъ въ шѣлѣ человѣческомъ. Всякая наука имѣешь свои правила, своихъ учителей; почему же не бышь имъ и въ наукѣ войны, которая поддерживаешь и спасаетъ Государство отъ угрожающаго разрушенія? —

Есшьли вы подлинно хотише продолжатъ испорію послѣдней войны, усупаю вамъ поле сраженія; къ тому же, я пишу не для публики.

Ударъ апоплексіи чуть не уморилъ меня: благодареніе лѣшамъ и шемпераменту! я ожилъ. Есшьли бы переселился на шопъ свѣшъ, первымъ моимъ долгомъ посавилъ бы поймать *Виргилія* и *Лукреція*, и держашъ ихъ при себѣ даже до пришествія вашего въ адъ. Не лѣзя лучше назначишь вамъ мѣспа, какъ среди двухъ Поэтовъ. Однако адъ на шпору: приятиѣ жишь на семь свѣшъ. Я не шакъ любопышенъ знашь *безконетное* и *причины вещей*, что бы для удовлетворенія себѣ въ эшомъ, предпринишь споль дальнее путешешствіе.

Вы обнадеживаете меня свиданіемъ съ собою; но я шѣмъ не менѣе безшокоюсь. Не вѣришь, что бы вы отъ чистаго сердца согласились ѣхать въ Берлинъ! Есшьли эшо когда нибудь случишь, общаюсь приятишь васъ, какъ друга, котораго уважающъ, не смошря

на его вѣроломство. По любви Христіанской, прощаю вамъ всѣ ваши слабости.

Дюкъ де Ришелъ видѣлъ Дофина, праздни- ки, церемоніи, повѣсь, все, что можешь видѣшь Посланникъ. Я, съ своей стороны, видѣлъ любезнаго, умнаго Польми. Наши удалцы разпрогали мимоходомъ его милость: принудили написашь Комедію, отдали на шеапръ и—дѣло шло съ успѣхомъ. Польми пеперь, думаю, въ Парижѣ. Кланяйшесь ему опъ меня; его никогда у насъ не забудушь.

Вы позволили шолько прочешь *Двѣственницу* Герцогинѣ Виршембергской, а она за ночь списала ее! Вошъ вы каковы: ввѣряешесь шому, кшо васъ обманываешъ; а меня, спариннаго друга, обходите. Прости. Да направишь Господь споны ваши на пупешествіе въ Пруссію, и соблюдешь васъ до позднѣйшихъ временъ, для украшенія наукъ и рода человѣческаго!

П И С Ь М О XLVII.

Отъ Г-на Вольтера.

Марта, 1747.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Нестарѣющіяся дѣвы съ прялкою подслушавъ шѣней, какъ онѣ разговорились о Вашихъ дѣлахъ, законахъ и побѣдахъ, сочли Васъ

спарикомъ Аредомъ. Проворная Астроно бросилась со всѣхъ ногъ въ Берлинъ съ проклятыми ножницами, въ надеждѣ перерѣзать нить жизни пресварѣлаго. Какъ она обманулась! вмѣсто сѣдыхъ волосъ видишь свѣшлорусые; вмѣсто морщинъ на лбу и померкшихъ глазъ — открытое, полное лице, свѣсплой взоръ, крѣпкія мышцы; видишь флейшу и шпагу — вспоминаешь нѣснопѣвца Орфея, храбраго Алкида, которые презирали неумолимую въ самой области ея—обращаешься къ Герою Прусскому, копорой въ одномъ своемъ лицѣ соединялъ Алкида и Орфея, съ пренешомъ бросаешь измѣническія ножницы, возвращаешься къ сесирамъ своимъ, и — прядешь съ ними для Васъ нить новую, нить блестящую и непрерываемую, во всемъ подобную нити Лудовика XIV. Хвалю ея догадку. Вы оба друзья; оба даеше и выигрываете сраженія; оба побѣждаете однихъ непріяшелей, и царшвуете надъ сердцами покорными, одинъ въ Берлинѣ, другой въ Версали — оба въ одинъ день. . . Но я прерываю сравненіе. Не маловажное дѣло найти въ жизни двухъ Героевъ, равныхъ другъ другу.

Не прогнѣвайшесь, Государь, что разговаривая съ Вами выхожу изъ предѣловъ скромности. Право, такъ радъ, такъ доволенъ, нашедши случай говорить о Васъ! Богиня вѣспей, у копорой всегда гошovy спо языковъ для возвѣщенія дѣлъ Королей, пропустила слухъ, будто Вы опасно занемогли. Вѣспь сія, какъ ни дурна.

принесла бы Вамъ величайшее удовольствіе, ешьли бы видѣли, какъ ее здѣсь приняли. Она какъ громомъ поразила сердца наши! подданные не могли бы болѣе сожалѣть о Васъ!.. Какъ мило смопрѣшь на чувствительность народа чуждаго, кошорой, можешь быть, одинъ изъ всей Европы, съ любовію и уваженіемъ ондаешь достойнымъ справедливосць! Англичане хваляшь только Англичанъ. Испаліанцы не дѣлаюшь и этого. Испанцы не имѣюшь своихъ Героевъ, даже Писателей. Лейбницева монады и *предустановка гармонія* не дадушь ни кому изъ Германцевъ права на безсмертіе. Вамъ извѣстно, Всемилосивѣйшій Государь, что я не приспращень къ моимъ согражданамъ; но смѣю увѣривъ Васъ, что одни шокмо Французы воздвигаютъ памяшники славы великимъ Мужамъ, кошорые и не въ ихъ опечесствѣ родились.

Что касается до меня, я былъ въ опчаяніи опъ негодной вѣспи. Гнѣ. Польми возвратилъ мнѣ ясные дни, увѣривъ, что Вы здоровы.

Прикажете ли сказать, что пилюли Спяла, изобрѣшенныя въ Берлинѣ, пригодились бы Вашему Величеству? Ешьли онѣ могли поправивъ мое бренное, немощное шѣло; то чего не произведущъ при шемпераментѣ Героя? —

П И С Ъ М О XLVIII.

Отъ Короля.

29 Апрѣля, 1747.

Вы представили Парку такую учпивою , любезною дѣвицею , что хотѣлъ бы я ипши къ ней на поклонъ ; но меня удерживаетъ опъ сего прудной выходъ изъ области шѣней. Оспавляю другимъ спорипъ и кричатъ объ адъ : мое дѣло наслаждашья наспоаящимъ , не забопьясь о будущемъ . Я поживу , какъ умѣю , въ семъ окаянномъ свѣпъ , и еспшли найду удовольспвіе , не опуцу насладипсья имъ . Ахъ ! молодоспъ , молодоспъ ! скоро вянетъ улыбка на успахъ пвоихъ , скоро морщипсья милое чело швое ! Увы ! спароспъ не за горами !

Я получилъ вашу *Селпиралиду*. Піеса еше болѣе утверждаетъ во мнѣ высокое мнѣніе о васъ . Не знаю однако , припшалиль къ ней шѣни и припвидѣнія , копорыми разсудили вы прикрасипсь ее ? Судя по духу осьмаго-надесяпъ вѣка , припвизаннаго ко всему чудесному , можно кажетсья допустипсь сіи излишности въ просптомъ повѣсптованіи : но о Трагедіи шого сказатъ не смѣю . Сомнптельно , чпобы шѣнь великаго *Нипа* могла имѣшь вліяніе на зрпшелей ; нынѣ едва вѣряпсь быпшіе Бога : не смѣшно ли выспавляпсь на сцену діавола ? Но — —

Можешъ бышь, я не за свое берусь, возражая въ такомъ предмѣшъ, въ кошоромъ не могу бышь вашимъ соперникомъ. Иное дѣло, еснъли бы это былъ какой-нибудь манифестъ или трактатъ о мирѣ; тогда можешъ бышь разсуждалъ бы основательнѣе, по крайней мѣрѣ, связнѣе. — — — Оставимъ.

Мнѣ стало легче. Но больной или здоровой, имѣю къ вамъ равное почшеніе и любовь.

ФРИДЕРИКЪ.

П И С Ь М О X L I X .

Отъ Короля.

Потсдамъ, 29 Ноября 1748.

„Напрасно упираешься, любезная Муза! спунай, спупай заняшь мѣсто въ страшной кучѣ безсмысленныхъ риѣмъ, въ кошорыхъ мои мысли обезображены! Будь послушна и, чпо всего лучше, молчалива!“

Вотъ какъ привѣтствую свою Музу, когда собираюсь писать къ вамъ стихами. Вольшеръ, говорю ей, прежалкой человекъ! какой нибудь книгопродавецъ, жадный до сочиненій его, какой нибудь издашель, подъ именемъ пріятеля, украдетъ со временемъ его сокровище, и вы, стихи мои, нушь же будете! и вы покажетесь въ свѣтъ прошлѣ воли моей и вашей!

Къ счастью, скоро одумываюсь; вижу, что такая мысль есть простое дѣйствіе моего самолюбія, и едва удерживаюсь опъ искушенія предашь мои стихи всеозженію! Лучше эпои смерти, кажется, пребывашь не должно.

Учасшь людей не равна: иной наслаждается всѣми удовольствіями жизни; а я, бѣдной, можешь бышь прокляшой Богомъ, мараю стихи. Но это къ споронѣ. Знаете ли, что я на васъ сердитъ? — и за дѣло! цѣлой годъ ни спроки ко мнѣ! Говорятъ, что *Селиралида* удерживала васъ въ своей споицѣ: но для Семирамиды должно ли забывать друзей? Говорятъ, что вы спѣшили окончить славной *Вѣкъ Людовика XIV*; но изнемогалъ ли когда Геній подъ пияжестію работы? Хотѣлъ бы я подумашь, что старикъ *Харонъ*, по внушенію злаго духа, подхватилъ васъ къ себѣ и увезъ въ страну молчанія, гдѣ дуракъ споишгъ рядомъ съ умнымъ, и гдѣ ни пьюшъ, ни смѣются, ни любяшъ: но Парижскія газеты какъ на смѣхъ пишушъ: *Вольтеръ цѣхалъ въ Люневиль*. Что придумашь? Сказываютъ, что два Государя гоняются за вами. одинъ безъ короны и безъ народа; другой имѣешъ и того и сего сполько, что можешъ удѣлять внучкамъ и ближнимъ. — Присовокунилъ бы къ двумъ Королямъ шрепьяго: но скромность не дозволяешъ мнѣ говорить — о себѣ самомъ.

Не смотря на упрямую молчаливость вашу, постараюсь возбудить въ васъ охоту къ со-

чиненіямъ. Не скажу: „Храбрый сынъ Теламо-
на, вооружись всею силою швоею, и порази
„Героевъ непріязненныхъ!“ но: „Милой другъ,
ты оживиль во Франціи *Виргилія*, оживи въ
ней и *Аріюста*: окончи *Вѣкъ Людовика Великаго!*„

Ваши газеты разсердили меня. Есльи то
правда, что вы теперь не въ Парижѣ: для чего
же предпочли *Люневиль* *Берлину*? Я упротиль
бы *Эмилию* повѣришь мнѣ своего *Вольпера* хо-
тя подѣ закладѣ. У меня есль *полсшой Цик-
лопъ - Геометръ*, кошорой споишь *Парижскаго*
оспрослова. Пожалуйте, шепните *Маркизь*, не
будешъ ли она согласна помѣняшь? Ежели
согласишь, такъ мѣшкашь не надобно. У мое-
го *Геометра* шолько одинъ глазъ. Новая кри-
вая линія, надѣ кошорою онъ теперь потѣшешъ,
можешъ лишишь его *оспальнаго*, прежде не-
жели подпишемъ условіе!.. Не замедлите
онѣвѣшомъ.

ФРИДЕРИКЪ.

П И С Ь М О Ъ.

Отъ Короля.

Потсдамъ, 1749.

Къ удовольствію моему получилъ я вдругъ
два письма ваши. Признайшесь, мои списки смѣ-
шаютъ васъ. Подумаюшь, что *Верзишь* хочешъ
борешся съ *Ахиллесомъ*. — — Я ожидалъ, что

вы покрикиваете мое маранье, пакъ какъ дѣлали шо для стараго жишеля Ремусберга; но Господинъ Вольшеръ нынѣ спалъ вѣжливимъ царедворцемъ, и умѣеть шолько — хвалишь! Ремесло, правду сказать, легкое и безопасное. Не думайте однако, чшобы моя шипическая слава обижалась вашею кришикою. Я не пакъ глупъ, чшобы бояшьсѣ ее. Авшоръ, ослѣпленный самолюбиемъ, не можеть видѣть собственныхъ недосшашковъ: ему нуженъ свѣшильникъ кришики. Правда, блескъ еѣ сначала рѣжеть глаза; но за шо послѣ они видѣють лучше.

Прошу не щадить меня. Чувствую самъ, что могъ бы писать умнѣе; шолько научите, какъ приняшьсѣ?

Я охотникъ до стиховъ и Философш. Ошпановимсѣ на послѣднемъ словѣ. Подъ именемъ Философш не разумью Геометрш и Мешафизики. Первая не всякому съ руки ошъ того, что слишкомъ высока; пусть занимаются ею мозголомы Англичане, и управляютъ, ештли угодно, небесами! я придерживаюсь планешъ, на которой живу. Что касается до Мешафизики: справедливо называете еѣ пузыремъ, напыщеннымъ ошъ вѣшра. Пущешествую по обласни сей, на каждомъ шагу встрѣчаете прешинанш, бездны и спремнины. Я увѣренъ, что мы не созданы проникать непосшижимосши Природы, но содѣйствовать плану, еѣ предположенному. Насладимсѣ жизнью, какъ умѣемъ, и не будемъ

спорить: свободная ли воля, или пружина механики сокровенной управляетъ нами?

Не пугайтесь моей *Оды на войну*: я въ ней описалъ только мои чувства, мои мнѣнія. Положивъ различіе между человѣкомъ государственнымъ и Философомъ, знайте, что можно вести войну по разуму, быть Полишикомъ по должности, и Философомъ по охотѣ. Не всякой занимаетъ на бѣломъ свѣтѣ свое мѣсто: отъ сего дурные ремесленники, дурные Министры, дурные попы, дурные Государя. Если бы мы повиновались законамъ Природы, то иной ремесленникъ спадъ бы Адмираломъ, иной Король, можетъ быть, сложилъ бы корону — — Но оставимъ свѣтъ, каковъ онъ есть!

Вы требуете моего мнѣнія о Трагедіи Кребильона. Удивляюсь Автору Радамиста, Электры и Семирамиды; его *Катилина* есть *Аттила* Корнелевъ, съ тою разницею, что первой долженъ взять преимущество у своего предшественника по красотѣ стиховъ. Крайне сожалѣю, что Кребильонъ обезобразилъ историческую истину. Одинъ Катилина выдерживаетъ у него свой характеръ; Цицеронъ, Катонъ и вся Республика такъ испорчены, даже унижены, что ихъ узнаешь только по именамъ: вопль главной недостатковъ Автора. Катилина представленъ неисповымъ, злодѣемъ, доспойнымъ казни; а республика — собраніемъ негодяевъ, въ которыхъ не хочется брать участія. По моему, надлежало бы изобразить Римъ во всемъ

его величїи: свободнымъ, швердымъ, шоржесп-
вующимъ; и тогда-шо зринели, сдѣлавшись
гражданами Римскими, шпрепешали бы съ Ци-
церономъ о дерзкихъ замыслахъ Капилины.
Сверхъ сего, цѣль заговора у Кребильона за-
крыта: не знаешь, что подумашъ о Капилинѣ!
въ его посшупкахъ видишь одно сумасброд-
ство пьянаго челоувѣка. Короче, пїеса держишя
на театрѣ только по красотѣ слога и ориги-
нальности характера Капилины. Впрочемъ и
это скажу:

La critique est aisée, et l'art est difficile.

Прїѣзжайте ко мнѣ нынѣшнимъ лѣпомъ
безъ зубовъ, безъ носа, безъ глазъ, безъ ногъ,
если не можете иначе прїѣхать; только
возьмите въ дорогу шо, что въ васъ умщ-
вуешъ, этого довольно. Можете ничего не окон-
чивашъ, и бышь увѣреннымъ въ благодарности
попомства за окончаніе *Вѣка Лудовика*. Кромѣ
васъ, нѣшъ во Франціи Поэта; кромѣ Воль-
пера и Монпешкѣ, нѣшъ Прозаиста.

Не ссорьшесь съ публикою. Гоненїя зави-
спи сушь какъ бы дань, простому на-
роду уплачиваемая заслугами. Пусть пре-
зрѣнные писатели воспаюшъ прошивъ
васъ; попомство не будетъ легковѣрно въ
ихъ пользу. Вѣнецъ славы, блестящїй на главѣ
Героевъ Рима и Авиня, доселѣ не вянешъ. Де-
мосеенъ шоржеспвуешъ, не смощря на крикъ
малодушнаго Есихина; Цесарь споишъ твердо

на своемъ мѣспѣ величайшаго изъ Мужей, какъ бы ни опизывался о немъ Луканъ. Можеть бышь, и вась будущъ обожаешь по смерти; но не поропишесь бышь кумиромъ народа. Довольснуйшесь почченіемъ людей, свободныхъ отъ зависши и предразсудковъ, въ числѣ коихъ прошу помѣстивъ меня.

ФРИДЕРИКЪ.

P. S. По требованію вашему будущъ приеланы пилюли, но такой доброты, чю могутъ очиститишь цѣлую Францію и уморитишь прехъ вашихъ Академиковъ. Чудакъ!.. Вздумалъ просишь лѣкарства у невѣрующаго медицинскому Факультету. Менѣ ли дѣлается разбойникомъ лѣкаръ въ то время, когда позлащаетъ пилюлю?

П И С Ъ М О Ц I.

Отъ Короля.

Апрѣль, 1749.

Вашъ Кардиналъ Квирини достоинъ времени чародѣйства и привидѣній. И вы знали, съ кѣмъ имѣете дѣло. — Ничего нѣтъ мудренаго, ежели библиошекаръ Его Свяшѣйшества одобритъ ваше сочиненіе: но я, какъ

срешникъ, держусь прошиенаго мнѣнія. Спа-
немъ говоришь дѣло. Вамъ хотѣлось хиш-
рѣ завязать Семирамиду; очень хорошо: но
для чего прибѣгаешь къ шѣнямъ? Если бы
мнѣ довелось занять ролю въ Трагедіи: знаеше-
ли, кого бы выбралъ я? *выходца съ того свѣта:*
онъ-шо все и дѣлаешь!.. Вашъ *Нинѣ* не больше
какъ призракъ, не для всякаго пріятный.
Вопъ что говоришь кришика; удивленіе при-
совокупляешь, что характеры всѣ выдержан-
ны; что цѣнь дѣйствій связана искусно, и что
ваши актеры говорятъ сухую правду. *Семира-
мида* возбуждаетъ страхъ и жалость; ко-
варной, жестокой *Ассуръ* въ противоположно-
сти любезному, благородному *Ниніасу*, соспав-
ляетъ превосходную каршину. На *Азему* я не-
много сердись, за то, что онъ безшолковъ и
вездѣ мѣшаетъ. — Стихи неподобны; охот-
нѣе соглашусь читать ихъ, нежели видѣть въ
представленіи: поному что въ первомъ случаѣ
спаль бы смѣялся надъ привидѣніями, въ по-
слѣднемъ нарушилъ бы свое правило — плакать
въ Трагедіи, и смѣяться въ Комедіи.

Говоришь ли еще о Трагедіи? Сильныя
спрасни мнѣ правяшся на *Театрѣ*. Чувствую
пайное удовольствіе, когда Авторъ умѣетъ
пошрясать и восхищать душу силою красно-
рѣчія; но разборчивость моя не шерпиль,
чтобы спрасни героическія выходили изъ
правдоподобія: *Карль XII* былъ единственнѣмъ
Героемъ шеатральнаго характера: къ счастью

человѣчества, Карлы XII рѣдки. Не должно представлять людей ни демонами, ни Ангелами: это прошивно ихъ напурѣ.

Не взыщете, любезной Вольперъ, на моемъ сужденіи. Играя ролю Мольеровой спарухи, я шолько даю опчешъ въ шѣхъ впечатлѣвнѣихъ, какія производяшъ въ душѣ моей. —

Хотя я меньше всѣхъ смертныхъ безпокою Небеса молишвою, но первая моя до нихъ прозьба будетъ слѣдующая :

O Dieux qui donnez les poëtes
De tant de sublimes faveurs
Ah! rendez vos grâces parfaites
Et qu'ils soient un peu moins menteurs!

Естьли вамъ вздумается поправлять дурныя списхи, можете имѣть дѣло со мною.

П И С Ь М О Ш.

Отъ Г-на Вольтера.

Парижъ, 15 Маія 1749.

И такъ я приму чистипительное отъ руки державнаго Врача, пускавшаго кровь Австріи и Венгріи! Тотъ богъ, которому Вы служите, и которой любите Васъ, какъ сына, богъ изобрѣшатель Поэзии, счишется шакже богомъ изобрѣшателемъ врачевшва: но Вы, примѣр-

ный изъ Царей, содѣлали сего бога Наукъ искуснѣйшимъ въ наукъ брани. — —

Гдѣ Вы теперь? въ Нейсѣ или Глогау? перестаньте подчивать Вашихъ непріятелей добрыми эниграммами: посмотрише, какой дурной мѣсяць Май! жаль назвашь его весеннимъ. Въ Маѣ холодно, какъ зимою! — кажешся, эно эмблема несозрѣвшей славы!!

Не требую Вашихъ пилюль; прошу одной милоспи, которая Вамъ ничего не стоить: завоевашь какія нибудь провинціи къ полудню, на пр. Неаполь, Силезію, либо Королевство Гренадское и Андалузію. Что за пріятная спонрона! какъ шепло, хорошо! Ваше Величество будеше ѣздишь къ намъ ежегодно: шамъ, сидя подъ шѣнію гранатныхъ и померанцевыхъ деревьевъ, спалъ бы я бесѣдовашь съ Вами въ спихахъ и прозѣ, нарвалъ бы свѣжихъ цвѣшовъ на гробъ любезнаго Кейзерлинга и запѣлъ бы: „Пріятно умереть, соспарѣвшись въ службѣ „Вашего Величества; грустно жить и не бышь въ службѣ Фридерика Великаго!“

ПИСЬМО III.

Отъ Короля.

16 Маія, 1749.

Вошъ, что называется писать со вкусомъ! я люблю вашу опкровенность. Двѣ - три строчки кришики лучше исправяшъ меня, нежели двадцать страницъ похвалы.

Вы не примѣчаете, съ какимъ прудомъ достаются мнѣ стихи! Счастливое расположение духа, легкой и плодотворной Геній дѣлають васъ Поэтомъ — по природѣ. Смиряюсь предъ вами въ низкой долѣ своей. Судьба пустила меня на океанъ пишической съ пузырями. Я не шакъ хорошо пишу, какъ думаю; мои идеи почти всегда сильнѣе выражений; но по крайней мѣрѣ, опваживаясь на зло, избираю всегда самое меньшее.

Люблю свободныя Науки предпочтительно глубокимъ знаніямъ, потому что онѣ оживляють общество: лучшей Алгебристъ можешъ показаться обер-дуракомъ, еспли не знаетъ ничего, кромѣ Алгебры.

Не посылаю къ вамъ стиховъ и прозы, въ надеждѣ лично видѣться съ вами. Еспли Маркиза дю Шапле великая росповѣца, скажите ей, что беру васъ на прокашъ, и соглашаюсь

плашишь поденно за всякую ролю, которую играеше у нее, на примѣръ за ролю Поэза, ролю оспрослоза, ролю . . . и пр. и пр.

ФРИДЕРИКЪ.

П И С Ъ М О Л I V .

Отъ Короля.

Сан - Суси, 15 Юня 1749.

Вы сполько пріучили меня къ вашимъ спихамъ, чшо однихъ шолько васъ признаю моимъ начальникомъ по депаршаменту Поэзіи, учипелемъ языка и вкуса. Надобно, чшобы всякой, не выходя изъ порядка, зналъ свою должность; иначе ешъли Маршалъ Белиль вздумаетъ умничать опъ Рипорики, а Брюль мѣшашься въ воинскую дисциплину, шакъ и я грѣшный примусь писашь шрактаніе о вѣчности!

Помилуй, Г-нъ Вольшеръ! шы, какъ дурной Христіанинъ, всегда опкладываешъ до времени свое обращеніе. Обнадеживъ пріѣхашъ ко мнѣ лѣпомъ, шенеръ опложилъ до осени! Подозрѣваю, не Аполлонъ ли, богъ врачевшва, повелѣлъ шевъ присущшвовашъ при родинахъ Г-жи дю Шашле? Священное имя дружештва налагаешъ печать на ушна мои: довольшвуюсь и шѣмъ, чшо мнѣ общаюшъ! —

Спѣшу поправишь дюжину писемъ и другихъ мѣлкихъ сочиненій до прїѣзда вашего; мнѣ хочется сколько нибудь облегчить ваши труды въ исправленіи моихъ ошибокъ. Если бы я имѣлъ кисть Рубенса или Рафаеля — осмѣлился бы коснуться дѣлъ великихъ Мужей; но съ талантомъ Калоша что другое писать, какъ не каррикашуры?

Я видѣлъ здѣсь Героя Франціи, Саксонскаго Тюренна, въ царствованіе Лудовика XV. Достойный Маршалъ можетъ назваться Профессоромъ всѣхъ Европейскихъ полководцевъ. Онъ посѣщалъ нашъ театръ: по этому случаю сказалъ мнѣ, что недавно играли новую пьесу вашего сочиненія, *Павину*. Представляете мое удивленіе! Комедія съиграна, а я даже имени ея не знаю! Было время, когда присылали мнѣ ихъ въ оригиналъ: перепись получаю, по милости господъ книгопродавцевъ, не ранѣе, какъ по второму изданію. — —

Опѣвдайте прїѣхать ко мнѣ: я васъ! . . . Да не убережешесь отъ эпиграммы, если и не прїѣдете! Поэтъ, какъ бы дурень ни былъ, есть такое животное, котораго не должно дрязнить.

Къ слову о стихахъ. Подивитесь положенію людей! Вы увѣряете меня, что мои стихи возбуждаютъ въ васъ жаръ пищической; а я о вашихъ скажу, что они вводятъ меня въ искушеніе предать Поэзію чоршу! Я такъ худо

знаю вашъ языкъ, такое сухое и холодное имѣю воображеніе, что не разъ давалъ себѣ обѣщаніе не писать стиховъ! Но вы знаете состояніе рѣмошворцевъ: рѣзвые, наемные зефиры далеко заносятъ кляввы ихъ на легкихъ своихъ крылышкахъ!

Надобно бытъ Французомъ, и имѣть вашъ талантъ, чтобы управлять вашею лирою. Я пишу, мараю, переправляю, перемарываю — вотъ мои пѣщическія упражненія! Сказываютъ, что игроки на люфтъ половину жизни наспроиваютъ инструментъ, половину играютъ: это мой поршреть; но пишу, но мараю, но вновь перемарываю! Теперь, почти вѣря скорому прїѣзду вашему, вдвое спановлюсь спросе же къ себѣ.

Прошу увѣдомишь, какъ скоро соберешесь въ дорогу. Не хочу, чтобы вы ѣхали по моему Государству въ наемной каретѣ. Знаю, вы любите ѣздить на Пегасъ: но онъ возитъ только — къ безсмертію. Желая вамъ выѣхать на эту дорогу какъ можно позже, увѣряя, что здѣсь примутъ васъ съ удовольствіемъ, равнымъ моему неперѣвнїю.

Ахъ! скоро ли спадутъ листья съ деревъ? скоро ли наступитъ осень? скоро ли увижу васъ?

ФРИДЕРИКЪ.

ПИСЬМО LV.

Отъ Г-на Вольтера.

Люневиль, 18 Августа 1749.

Ваше Величество можете представить себя, что я съ большимъ неперпнѣемъ желаю прѣхашь къ Вамъ, нежели съ какимъ меня ожидающъ, Повѣрьте, что сердце мое лешало въ Берлинъ, тогда какъ Вы думали, будто оно гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Пускай Фридерикъ естъ предметъ всеобщаго уваженія, страха и удивленія: но я осмѣливаюсь только любить Васъ. Знаю, шакъ не говорятъ съ Государями; но какъ уже началъ я знакомство, шакъ хочу и продолжашь.

Вы изволили сказашь мнѣ, къ слову о Маршалахъ Белилъ и Саксонцъ, что всякой долженъ знашь свое ремесло: хорошо шакъ говоришь Вамъ, коего Геній объемлетъ всѣ ремесла, какъ-то: Политика, Законодателя, Побѣдителя и даже Поэта! . .

Честъ имѣю препроводить къ Вамъ, Все милоспивѣйшій Государь, маленькой опынтъ новой трагедіи: *Катилина*. Въ ондѣакѣ только первое дѣйствіе. Я кончилъ въ недѣлю то, что Кребильону спсало двадцати осми лѣтъ жизни; самъ не думалъ бышь шакимъ скорохватомъ; но увѣрю Васъ, Все милоспивѣйшій Го-

сударь, что я не бралъ съ собою ни одной споронней книжки. Помню все, что Вы изволили писать на счетъ Авшора Капилины. Ваше снисхожденіе къ бѣдному моему собрату не пренебрежовало Вамъ негодованъ на писателя, которой осмѣлился обезобразить Римскую Республику. Я рѣшился во всемъ слѣдовать мнѣнію Вашему, написалъ и обработалъ первое дѣйствіе; прочія не вычищены. Судите, великъ ли мой Цицеронъ, и похожъ ли на себя мой Цесарь?

Я не посылалъ къ вамъ *Нашны* за шѣмъ, что эта дѣвушка, сосватанная за своего барина, не достойна предстать предъ Ваше Величество. Впрочемъ, еслии угодно, прикажу переписать пѣсу для Васъ. Теперь я въ Сенатѣ Римскомъ — спшараемся обратиться на себя одобрицельный взглядъ Фридерика Великаго!

Вольтеръ.

П И С Ъ М О LVI.

Отъ Короля.

Потсдамъ, 4 Сентября 1749.

Я получилъ вашего *Капилину*: что-то будетъ впередъ? Не лзя судить о трагедіи по одному дѣйствію, шакъ какъ о карпинѣ по

одной фигурѣ. Ожидаю всей пѣсы, чѣобы дать рѣшишельное мнѣніе. Напередъ отказываюсь опъ возраженій, по часпи краснорѣчія; но эѣо не мѣшаешъ спросишь васъ : говоришся ли у хорошихъ Писателей :

Tu par la parole, il faut finir ton regne.

Я понимаю мысль: *Краснорѣгіе содѣлало тебя тираннолѣ; надобно прекратить твое царствованіе.* Но, по словосочиненію Нѣмецкому, не зная шонкосней Французскихъ, иной переведешъ : *Тиранлѣ! краснорѣгіелѣ, или словолѣ прекратилѣ твое царствование!*

Видише, какъ я проспосердеченъ. Одинъ стихъ не понравился, шопчасъ и прибѣгаю къ вамъ съ возраженіемъ. Прочіе нравятся, и я удивляюсь въ нихъ кисти Писателя *Смерти Цесаря, Брѣта* и пр. и пр.

Слухъ носишся, будшо вы не хошише вѣхашъ ко мнѣ: не вѣрю; иначе Вольперъ — великой лжецъ. Есшлы бы слухъ носился, чшо Вольперъ непоспояненъ, шогда сказалъ бы: *станется!* волокиша? *што нѣжды!* обокраденъ? *тѣлѣ лучше!*

Не прогнѣвайся, любезной другъ, шы очень похожъ на бѣлаго слона, за кошораго бранишся *Шахъ Персидскій съ Императоромъ Могольскимъ,* и пріобрѣщеніемъ коего счастливый умножаешъ свои шипулы. Есшлы заманю шебѣ къ себѣ, велю писашъ свой шипуль шако :

Фридерикъ, Божією милостію, Король Прусскій, Курфюрстъ Бранденбургскій, Обладатель Вольтера, и пр. и пр. и проч.

ПИСЬМО LVII.

Отъ Короля.

25 Ноября, 1749.

Д'Оливе гремишь прошивъ меня не на шупку Подумай, любезной другъ: хочешь меня выставишь дуракомъ! за шо не пиши, чего не знаешь. Молчаніемъ всего лучше опходишь ошь Вогеласовъ и д'Оливешовъ. Не шану виередь посылашь вамъ моихъ бездѣлокъ: ежели вы допустили украсишь у себя ваши сочиненія; чшо шанешся съ моими? Вы шрудитесь для славы своей и пользы челоувѣчества; а я мараю бумагу для забавы. И мнѣ конечно проспняшь сію слабосшь, шолько бы я дралъ или жогъ все безъ изключенія! Подъ сорокъ лѣпъ, не умѣя писашъ спиховъ, лучше опозвашься по мизаншронски: *сдѣлалъ грѣхъ, такъ прать его отъ людей.*

У меня въ Берлинѣ госшилъ молодець изъ краевъ. . . . Онъ шеперь въ Дрезденѣ проходишь науки съ своимъ толспымъ Профессоромъ, и думаешъ сдѣлаться порядочнымъ ученикомъ въ продолженіи двадцати или шридцати лѣпъ, счишая ошь сего времени. Я не

имѣю такого шерпѣнія, и не надѣюсь прожить шакъ долго. Кшо въ молодыхъ лѣпахъ не пишешъ стиховъ, шопъ никогда имъ не выучишь. Не хочу хвалишься, чшобы я былъ хорошій Поэтъ; не хочу и скромничашь, будшо не знаю себѣ цѣны.

Не мучыше меня вашими *сказываютъ*; это обыкновенныя газеты людей глуныхъ. Никшо изъ нашихъ не опзывается о васъ дурно. Для чего выдумывашъ чудовищъ, чшобы послѣ сражашся съ ними? Вооружайшесь, когда надобно, прошивъ явныхъ враговъ, возбуждаемыхъ завистию, и не думайше найши ихъ шамъ, гдѣ ихъ нѣтъ и не было. Ешшьли же непремѣнно хошише шумѣшь и ссоришься, по крайній мѣрѣ не мѣшайше меня. Я не охотникъ бранишься.

Судя по распоряженію дѣлъ вашихъ, догадываюсь, чшо вы не хошише прѣхашъ ко мнѣ. У васъ на все гошовы ошговорки. То, скажеше, надобно видѣшь успѣхъ новопредсшавляемой прагедіи; шо домашнія хлопоты задерживаютъ; шо новыя *сказываютъ*.

Присылай, неблагодарной, обѣщанныя сочиненія: шы зашавляешъ любишь себя и почишашъ. Желаетъ шебѣ спокойствія, радости и долговременной жизни.

ФРИДЕРИКЪ.

П И С Ь М О LVIII.

Отъ Короля.

Потсдамъ, 25 Апрѣля 1750.

Я думалъ, что Граціи и Геній вашъ по первому данному знаку придуть запросно ко мнѣ и пробудятъ мою усыпленную Музу; но моя надежда сбилась въ половину. Въмѣсто Вольшера вижу любезнаго, вѣжливаго д' Арно. Когда нѣтъ оригинала, надобно довольствоваться и копіею.

Д' Арно вручилъ мнѣ ваши стихи, копорые всегда приспѣваютъ мои. Что мнѣ радости бытъ современникомъ Вольшера, когда не могу воспользоваться его бесѣдою! Двѣ тысячи лѣтъ читаемъ Виргилія и Горация, но все это мертво, холодно; то ли дѣло, имѣть личной разговоръ! Опсушествіе то же, что и смерть. Гомеръ Французскій также для меня мертво, какъ и сіи великіе Римляне. Такъ; вы пишете для всѣхъ вѣковъ, для всѣхъ народовъ; но я желаю большаго: я хотѣлъ бы видѣть, читать, слышать васъ самихъ.

Въ вашей послыдкѣ есть письмоцо къ Маршалу Шулембургу, гдѣ, не знаю какъ, и я очутился. Вижу, сколь вы сильны въ краснорѣчіи. Если оно не переспавляетъ горь, по крайней мѣрѣ понижаетъ мѣсна возвышенныя, открываетъ

глубину ихъ, властвуешь надъ всею Природою, особенно, надъ сердцемъ человѣческимъ. Прекрасная наука! счастливь, кто умѣешь править ею!

Вы потребуешь моей Поэмы: могу ли казать ее? Да Арно вамъ скажетъ, что въ ней содержится. Ерешикъ вздумалъ позабавиться на счетъ Католиковъ; но зная, что зависъ и злоба шумишь не любяшь, боишься ввѣряшь свою бездѣлку Парижскимъ удалцамъ. Извѣстный Бойе, великой ругатель забавныхъ сочиненій, не преминулъ бы осудить мои бѣдные стихи на созженіе.

Я не люблю принужденія. Игры и смѣхъ одушевляютъ Музу мою; игры и смѣхъ не боясь гоненія въ пишинѣ моего жилища. Довольно, что въ молодости посидѣлъ въ шюрмѣ: въ лѣта опытности и разума идни опять въ шюрму, было бы съ лишкомъ безразсудно.

И такъ, любезной Вольперъ, ешьли хопишь видѣшь мои бездѣлки, пріѣзжайте на фабрику. Въ другомъ мѣстѣ ихъ не увидите. Правду сказать, Поэма не вознаградишь васъ за покоисыва пупи; но Поэтъ, вашъ другъ, можетъ быть споишь того, чтобы предприняшь для него пушешествіе. Вы увидите Философа, не имѣющаго другой спраспи, кромѣ Наукъ, и кошорой, испышавъ самъ шрудноспи ученія, умѣешь ошдавашъ справедливосшь великимъ людямъ.

Не желаю ничего болѣе въ Новой годъ Авшору Генриады, кромѣ здравія и шериѣнія. Есѣли онъ меня любипѣ, шо я узрю его здѣсь лицомъ къ лицу, и воздамъ должное почитаніе.

ФРИДЕРИКЪ.

П И С Ь М О Л I X .

Отъ Г-на Вольтера.

Парижъ, 20 Маія 1750.

Наконецъ, вопѣ мои послѣднія бредни, Великій Государь! Есѣли бы я имѣлъ сколько нибудь самолюбія, шо одинъ взглядъ Вашъ смирилъ бы меня. Судилище Фридерика есѣ пошѣ камень, о кошорой разрушается Авшорское честполюбіе. Ваше шокмо одобреніе есѣ вънецѣ безмершія для пѣсношѣвцевъ.

Къ слову о безмершіи. Оно есѣ нѣчто прекрасное; но, мнѣ кажется, милѣ прожипѣ два-шри мѣсяца подлѣ Вашего Величества, нежели шридцать лѣшѣ въ памяши человѣческой. Не знаю, безмершенъ ли будешѣ д' Арно: шолько надобно бышѣ ему весьма шаспливымъ въ сей крашковременной жизни.

Моя жизнь, Государь, держишься на нишпочкѣ. Досадно, ежели Парка обрѣжешь ее прежде, нежели увижу Васъ. Спихи Ваши на Кардинала Ришелье у меня въ памяти:

Richelieu fit son testament,
Et Nevton son Apocalypse.

Такъ коропко, шакъ ясно, шакъ справедливо! не возможно не зашвердипь ихъ. Си два стиха вошли уже въ пословицу. По чести, вы первый изъ Прусскихъ Королей, вводите пословицы во Францію. Удоспоите ли когда нибудь подарить меня Вашею *Валоріадою*? Право, Государь, накладно любить Васъ даромъ. . . .

Предаю Вашему Человѣчеству душу мою, всю безъ остатка.

П И С Ь М О L X .

Отъ Короля.

Берлинъ, 24 Августа 1750. :

Я видѣлъ письмо вашей племянницы, писанное къ вамъ изъ Парижа. Она доспойна почтенія за дружбу, которую вамъ оказываетъ. И я, любезной другъ, на мѣсѣ Господи Дени посшупилъ бы шакже! . . . Но будучи шѣмъ, что есмь, думаю иначе.

Ужели считаше мене способнымъ дѣлать зло моимъ пріятелямъ? къ чему приспало вводись въ напасни челоуѣка, кошораго любишь и уважаешь? Нѣтъ, любезной Вольперъ, естли бы я зналъ напередъ, что вашъ опъѣздъ ко мнѣ можешь обратишься вамъ во вредъ, по я первой опсовѣшовалъ бы ѣхать. Такъ, всегда предпочшу ваше спокойствіе моимъ прихощамъ. Но — и вы, и я, оба философы. Что можешь быть проспѣе и естествениѣе, какъ двумъ философамъ жить вмѣспѣ, имѣя одинакой вкусъ, одинакой образъ мыслей, одни предметы заняій? Я васъ почишаю, какъ моего учинела въ краснорѣчїи: люблю и уважаю, какъ друга. Какого принужденія, какихъ напасей, какихъ переворопшвъ счасїя должны вы опасаться, живя у друга вѣрнаго, и въ шакой спорнѣ, гдѣ уважающъ васъ не меньше, какъ и во Франціи? Не хочу хвалишься, что Берлинъ стоить Парижа. Естли богатство, пышность и блескъ дѣлающъ городъ любезнымъ; въ шакомъ случаѣ уснушаемъ Парижу. Естли хорошей вкусъ имѣешь гдѣ нибудъ свой прешоль, шакъ эшо въ Парижѣ. Но вы развѣ не разливаеше сего вкуса по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ находишесь? И мы имѣемъ довольно смысла, чтобы удивляшься вамъ. Изъ уваженія дружбы вашей къ Маркизѣ, я хошѣлъ послѣ нее имѣть первое мѣсто въ вашемъ сердцѣ. Какъ! и вы можеше думашь, будшо мой домъ обратишься въ пемницу для васъ, по шому шолько, что вы согласились пожить въ немъ? И я окажусь

вашимъ пираномъ по тому, что я — вашъ другъ? По чеспи, не понимаю такой логики. Напрошивъ, пока я живъ, вы будете благополучнѣйшимъ изъ смертныхъ; ибо васъ счисляють опцемъ Наукъ и вкуса. Вамъ поспараюся доспавишь всѣ возможныя удовольствія. — Добрая ночь!

ФРИДЕРИКЪ.

П И С Ъ М О LXI.

Отъ Короля.

Потсдамъ, 24 февраля 1752.

Я радъ былъ приняшь васъ къ себѣ — единственно изъ уваженія къ талантамъ и знанію — и думалъ, что человекъ вашихъ лѣтъ, упомясь опъ брани Ученыхъ, ищетъ у меня убѣжища, успокоенія. Но вы на первой разѣ вздумали пребовать опъ меня спранной жертвы, чтобы не брать къ себѣ Фрерона для письмоводства. Я имѣлъ слабость удовольствовришь пребованію, не размысливъ, что не ваше дѣло распоряжать, кого мнѣ надобно взять въ услуженіе. Д'Арно оказался прошивъ васъ виновашъ: человекъ великодушный просилъ бы ему; а человекъ злой и мсшительной хочешъ искоренишь того, къмъ разсерженъ. Д'Арно ничѣмъ не оскорбилъ меня, однако я его выслалъ — для васъ! Вы заводили рѣчь съ Мини-

спромъ Россійскимъ о шакихъ дѣлахъ, копорья до васъ не касались; а шамъ подумали, чшо вы уполномочены въ эшомъ мною! Вы вмѣшались въ дѣла Госпожи де Сеншинкъ, хошя эшо не относилось къ вашему депаршаменту; завели гнусную испорію съ Жидомъ; вооружили пропивъ себя цѣлой городъ. Дѣло о Саксонскихъ билешахъ шакъ гласно въ Саксоніи, чшо мнѣ присылаюшъ самыя горькія жалобы. Чшо касается до меня, миръ и спокойствіе обитало въ домъ моемъ: вы пріѣхали, и я поперялъ эшихъ старыхъ пріятелей. — Знайте, чшо не шуда заѣхали, ешлы хошѣли спроишъ козни и проныршва. Я люблю крошкихъ и миролюбивыхъ; ненавижу героевъ съ спрасшями прагическими. Можете оспашься у меня, ешлы надѣпесь живъ по философски: въ пропивномъ случаѣ, совѣшую лучше не нарушашъ моего спокойшвія.

ФРИДЕРИКЪ.

П И С Ь М О LXII.

Отъ Короля.

Потсдамъ, 28 Февраля 1752.

Пріѣзжайше, ешлы угодно, ко мнѣ; шумъ о пшжбѣ вашей замолкъ: поздравляю съ успѣхомъ. Очень радъ, чшо эшо негодное дѣло прекрашилось. Надѣюсь, впередъ не спанете шалишь.

Всѣмъ своимъ умомъ не закроете пяпина, кошорое нанесъ бы вашей славъ шакой дурной поступокъ. Книгопродавецъ Госсъ, оперной музыкантъ, ювелиръ, Жидъ — по чесни, шакия имена не должны споянъ въ испоріи Вольпера, рядомъ съ вашимъ именемъ.

Я пишу, чшо называется, по *Нѣмецки*, ш. е. открываю свои мысли прямо, безъ иносказаній, безъ фигуръ, зашмѣвающихъ истину. Въ вашей волѣ упошребить ихъ въ свою пользу!

ФРИДЕРИКЪ.

П И С Ь М О LXIII.

Отъ Г-на Вольтера.

1753.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Вѣришь ли тому, чшо я видѣлъ въ газетахъ? Какъ! хопянъ оправивъ послѣднія минушы жизни моей злоупошребленіемъ имени Вашего? хопянъ высшавивъ меня врагомъ или соперникомъ славы Вашей по часни Липшерапуры? Ахъ, Государь! дозвошь говорить правду. Какъ бы со мною ни поступали, всегда буду любить Васъ. Уповаю повергнушь къ спонамъ Вашего Величества въ концѣ Октябрия

Вы можете однимъ словомъ примирить меня съ Мопершюемъ и Бомелемъ: ибо Вы созданы бысть судіею нашимъ, а не пропивникомъ: и для чего не употребишь Вамъ пера на то, чшобы приказанъ намъ помиришься? Мое сердце ручается, что повелѣніе было бы не напрасно. Эшо сердце еще принадлежишь Вамъ Государь! энтузіазмъ повергъ меня къ подножію Вашего престола: онъ же паки обратишь меня къ нему. Когда я заклиналъ Ваше Величество не привязываешь меня къ Особѣ своей пенсіономъ, Вы изволили замѣшишь, что я дорожилъ шолько счастьемъ бышь подлѣ Васъ. Но Вы насильно заставили меня принять даръ ошъ руки Вашей. . . Клянусь вшорично предъ Ея Королевскимъ Высочествомъ, Маркграфинею Байрейпскою — чрезъ которую осмѣливаюсь вручишь Вамъ письмо сіе — умру Вашимъ вѣрноподданнымъ. Припомните, что я все бросилъ для Васъ, когда Вы изволили увѣряшь меня въ вѣчной и ненарушимой дружбѣ. — — —

П И С Ь М О LXIV.

Отъ Г-на Вольтера.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Октября, 1757.

Предварительно прошу не испугаться длиннаго письма; ибо шолько эшо одно можешъ попревожись Васъ.

Удоспоившись безчисленныхъ милостей Вашего Королевскаго Величества, я желалъ бышь Вашимъ подданнымъ, и мое сердце на эшо соглашается. Сшаросшь оставила мнѣ всю живосшь духа единсшвенно для Васъ, хошя уменьшила ее чувсшвишельнымъ образомъ для другихъ. Не умѣю судить о дѣлахъ воинскихъ; однако не сомнѣваюсь, чшобы Вы, имѣя духъ Карла XII, не содѣлались славнѣе его по многимъ отношеніямъ. Побѣждая непріятелей, Вы не испощаете силъ Государства, не изнуряете подданныхъ, какъ дѣлалъ Карлъ XII; напротивъ, украшаете города, оживляете науки, учреждаете новыя области. Оставляю говорить о прочихъ шаланшахъ, кошорые могли бы дать Вамъ и ошъ себя право на безсмертіе. Сильнѣйшіе изъ непріятелей Вашихъне могутъ похитить у Васъ славы: она превыше всѣхъ нападений! Положимъ, что новая побѣда могла бы увеличить ее; но никакое несчастіе не въ соспоянїи уменьшить оной.

Теперь дѣло идетъ о Вашемъ счастіи. Я находилъ удовольствіе говорить Вашему Величеству объ уваженіи, которое оказываютъ Вамъ мои единосемцы; Французы любящъ Короля Прусскаго, любящъ и хвалящъ все, что онъ дѣлаешъ; но есть также люди, которые хощли бы мира. Не смѣю вмѣшиваться въ дѣла политическія: это не мое ремесло; но дозволюте сказать запросто, что Франція всегда готова не оставяющъ Васъ—разумѣеши, естли пошребующъ сего обспояшельства; что у Васъ и безъ новыхъ завоеваній довольно останешся областей для поддержанія блеска Двора Вашего; что Великій Курфирсшъ, пра-дѣдъ Вашъ, не уменьшилъ славы своей уступкою нѣкоторыхъ завоеваній. Дозволюте мнѣ по крайнѣй мѣрѣ шакъ думать, и съ покорностію предать мысли сіи на Ваше разсмотрѣніе. Вы удивляешесь рѣшимости Капона и Опона: но, Всемилосшивѣйшій Государь, бѣднымъ героямъ ничего не оставалось, какъ сражашся, или умереть! Опонъ не былъ увѣренъ въ жизни своей; слѣдшвенно онъ шолько предварилъ произвольною смерцію спыдъ насильствія. Не шакъовы впрочемъ дѣла Европы, шчтобы намъ обойшися безъ *Фридерика*! Сами чувшвуеште, школь драгоцѣнна, школь нужна жизнь Ваша для многочисленнѣйшаго семейства. Дѣла политическія часто перемѣняющъ видъ свой; долгъ благоразумія шребуешъ шображашся съ обспояшельствами. Смѣю сказать болѣе: излишняя опвага не умножила бы для Васъ шрім-

фовъ. Повѣрьте, самые сообщники Ваши могли бы осудить ее, а непріязненные Державы наши бы случай къ переговорамъ. Далѣе, не забудьте, что фанатики въ состояніи наказать много обиднаго на счетъ неукрошимаго Героя. — — — И для такихъ выгодъ хопише въ намѣреваемой войнѣ опважись на видимую смерть! . . Нѣшъ, нѣшъ! враги человѣчества не должны имѣть адскаго удовольствія порицать Августѣйшее имя. . .

Не оскорбись опкровенностію спарика, любящаго Вашу славу. Долговременной опышъ увѣрилъ меня, что можно извлекашь пользу изъ величайшихъ золъ. Къ счастью, Вы еще не въ крайности, Вашъ умъ, Вашъ духъ героизма на все готовъ; а это — то и беспокоишь меня. Для спарика моихъ лѣшъ великое было бы ушѣшеніе разсташься съ жизнью, оставивъ на землѣ Царя — Философа!

П И С Ь М О L X V .

Отъ Г-на Вольтера.

Октября, 1757.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Письмо Ваше изъ Эрфурша крайне шрогапельно. Всегда найдешъ изящное во всемъ, что ни сдѣлаешъ, и что ни напишете.

Вы рѣшились умереть — мое сердце сжимается отъ болѣзненнаго ужаса. . . Повѣрьте, что и великіе люди не всегда знаютъ мнѣніе народа, или духъ времени! Какъ Государю, Вамъ никто не говоритъ правды; какъ Философъ и великой человекъ, Вы смолчите шокмо на великихъ мужей древности; сшрасшно любя славу, хошите для нее умереть, но шакъ, какъ ни одинъ изъ Европейскихъ Монарховъ, со времени паденія Римской Имперіи, не хотѣлъ умирать. Увы, Всемилосивѣйшій Государь! можно ли, сшрасшно любя славу, рѣшиться на то, что должно помрачить ее? Я представлялъ Вамъ скорбь друзей Вашихъ, шоржесство недоброжелателей, нареканія извѣстныхъ людей, которые долгомъ считаютъ шолковать благороднѣйшіе поступки въ худую шпору. Теперь присовокуплю — ибо должно все говорить — никто не назоветъ Васъ *мученикомъ свободы*. Не надобно забываться. Вы знаете, что нѣкоторые дворы считаютъ Ваше вступленіе въ Саксонію нарушеніемъ правъ народныхъ: что же они скажутъ послѣ? „Не могли перенести досады, что не успѣлъ повластвоватьъ надъ другими, онъ наказалъ себя за несправедливый поступокъ!“ Подумайте, взведуть на Васъ, будшо Вы съ опчаяніи уморили себя; сошлюсь на Ваше письмо изъ Эрфурша, стануть кришиковать, бранить, — положимъ, безъ причины: но Ваше имя шѣмъ не менѣе посшраждаетъ.

Все, что ни представляю Вашему Величеству, есть сущая истина: мой Соломонъ Сверхъ-самъ это чувствуетъ!

Тотъ, котораго зовутъ просто Государемъ, можетъ считать себя несчастнымъ, ежели потеряетъ нѣсколько областей: но Философъ умѣетъ жить и малымъ. — Пусть я не Полицикъ; однако не думаю, чтобы при заключеніи мира уже ничего не осталось для поддержанія имени Вашего. Если бы Вы рѣшились даже сложить Королевское величіе, какъ сдѣлали Карлъ Пятый, Королева Христина, Король Казимиръ и другіе: поступокъ сей только умножилъ бы Вашу славу. Короче скажемъ, все къ Вамъ идетъ, кромѣ жалкаго и досаднаго намѣренія, на которое Вы хотите рѣшиться. Стоитъ ли послѣ сего труда добиваться имени Философа, когда не можете быть частнымъ человѣкомъ; или, бывъ Государемъ, не умѣете выдержать переворопа счастья?

Я говорю это изъ любви ко благу общему и Вашему. Шестидесятилѣтній шарикъ, большой и спраждающій, не имѣетъ личной корысти. Много перенесъ я горькаго, Вы это знаете; но увѣряю Васъ, спокойно лягу въ сырую землю, если Вы останетесь жить на свѣтѣ для исполненія всего того, о чемъ сами изволили писать! —

П И С Ъ М О L X V I .

Отъ Короля.

9 Октября, 1757.

Я человекъ: сего довольно. Спанемъ побѣждашь суровость рока шерпѣніемъ! Но и при шаковыхъ чувствованіяхъ, всё не смѣю осуждашь Кашона и Оттона. Лучшая минуша въ жизни послѣдняго была минуша смерти.

Естьли бы я былъ Вольшеръ: довольствуюсь малымъ, смѣялся бы надъ прихотями Царей; но чувствуя всю тяжесть вѣнца, понимая языкъ ласкащелей, ненавида скучныя почести, презираю пусшую славу, хопя и самъ Поэшь-Государь! Не боюсь смерти; одинъ мигъ блаженства споишь цѣлаго вѣка жизни въ Испоріи. Но, ахъ! я всё не Вольшеръ, не частной человекъ!

Hélas, menacé du naufrage
Je dois, en affrontant l'orage,
Penser, vivre et mourir en Roi (*).

ФРИДЕРИКЪ.

(*) Я долженъ мыслить, жить и умереть по Царски.

П И С Ь М О XLVIЕ.

Отъ Г-на Вольтера.

13 Ноября, 1757.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Ваше письмо къ Г-ну Аржансу привело душу мою въ шрепешъ; но шо, копорымъ удостоишь изволили, меня, совершенно успокоиваетъ. Казалось, Вы уже всемъ, какъ должно, опкланялись, и хошѣли ускорить конецъ жизни своей. Ахъ! не эта одна рѣшимость перзада сердце спарика, Вамъ преданнаго: несправедливость большей часпи людей, могущихъ оскорбить Вашу памяшь, болѣе разсправляла болѣзнь мою.

Успупаю благородству Вашихъ чувствованій. Мысль: *жить и умереть—по Царски*, достшойна души Вашей. Сей спихъ даешъ мнѣ поняшь, чшо Вы рѣшились до послѣдней крайности защищашься, не перяя врожденной Вамъ швердоспи духа. Доказательствомъ сего можешъ служишь, между прочимъ, способность писашь превосходные спихи при такихъ обстояшельствахъ, когда другой не могъ бы собранься съ мыслями. Судите сами, прилично ли шакому Герою прекращашь жизнь? Я съ своей спороны, не имѣя швердоспи духа писашь къ Вамъ спихами, осмѣливаюсь объяснисья прозою.

Во первыхъ, Вы шеперь на самой видной спешени къ славъ. Со всѣхъ споронъ пишушь рапники, что Фридерикъ командоваль войскомъ, какъ Принцъ Конде, а дѣйствоваль, какъ Тюреннь. Гроцій говариваль про себя: „могу сносишь обиды и нищешу порознь; но не въ соспоянїи живь вмѣспѣ съ обидою, нищешою и безславиємъ.“ — Вы не шеряете славы даже въ нещасїи: довольно у Васъ оспаешся великихъ обласпей! Между пѣмъ зима наспаешъ: обстояшельствва могушь перемѣнишься. Извѣспно Вашему Величешву, что еспь особы, достойныя уваженїя, кои считаая равновѣсие Государспвѣ необходимымъ, называюшь полишпику, прошивную сему, заблуждениємъ.

Осмѣлюсь присовокупить, что Карль XII не унизилъ себя заключениємъ мира съ Россїєю. Не скажу болѣе ни слова. — Обязываюсь напоминашь Вашему Величешву, сколь дорога жизнь Фридерика для его Фамилїи, для пѣхъ обласпей, которыя не отойдушъ отъ него, для философвъ, которые, повѣрыше — едва ли могушь оправдашъ произвольную смерть Вашу предъ людьми, имѣющими предразсудки.

Я больше принимаю участїя въ Васъ, находясь во глубинѣ моей пущыни, нежели прежде, въ Потсдамѣ и Сан-Суси. Слухъ носитья, что Наслѣдникъ Пруссїи очень боленъ: новая рана для сердца расперзаннаго, новая для Васъ причина беречь свою жизнь! Правда, не великое ушѣшенїе боронься съ бѣдспвіями для

шого полько, чшобы прожитъ лишнюю мину-
ту: но шѣмъ-шо и ошличаетсѣ Герой - Фило-
софъ, когда великодушно переноситъ злсклю-
ченія жизни.

П И С Ъ М О L XVIII.

Отъ Короля.

Бреславль, 16 Генваря 1756.

Счастливой случай поправилъ мои обстоя-
тельствва. Война окончилась, и я не въ проиг-
рышѣ. Желаю вамъ спокойствія и радости:
другихъ пошребностей для сего свѣша не вижу.
Молишесь Богу, чшобы прошла скорѣ горячка
Европейскихъ Героевъ, чшобы Триумвиры ош-
спавлены были въ чисшую, и чшобы Владыки
міра не могли болѣ налагать оковъ на подоб-
ныхъ себѣ чшловѣковъ.

ФРИДЕРИКЪ.

P. S. Я здоровъ душою и шѣломъ; сижу
поджавъ руки, и совершенно ничего не дѣлаю.
Не шшо ли причиною непріятныхъ слуховъ, раз-
сѣянныхъ обо мнѣ? . . Демосѣенъ сказалъ Аеиня-
намъ: „Ежели Филиппъ и умеръ; гражданае, вы
„наживете себѣ другаго Филиппа!“,

О Авспрійцы! неограниченное властшлюбіе
ваше скоро возбудишь прошивъ васъ другихъ

враговъ; и свобода Германцевъ, равно какъ и всѣхъ жителей Европы, не останется безъ защитниковъ! — —

П И С Ъ М О ԼХІХ.

Отъ Г-на Вольтера.

15 Апрѣля, 1758.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Ежели Вы уже такъ привязаны къ спихамъ и войнѣ: играйте на лирѣ и презирайте смерть; просвѣщайте и изпребляйте смертныхъ! Я люблю спихи, ненавижу войну; но не прошивлюсь Вашему героизму. У всякаго свой характеръ. Безъ сомнѣнія Вы имѣете свое удовольствіе — и бишь, и нравитесь!

Благоволите однако вспомнить слова одного великаго человѣка:

Et quoique admirateur d'Alexandre et d'Aicide,
J'eusse aimé mieux choisir les vertus d'Arisride (*).

Ариспидъ былъ доброй человѣкъ; онъ не заставилъ бы Архіепископа Маинцкаго плашиться за пропоры и убытки бѣднаго и разореннаго Греческаго городка. Нѣтъ сомнѣнія, что Ваше

(*) Удивляюсь Александру и Геркулесу; однако желалъ бы самъ лучше быть Ариспидомъ.

Мысль Фридерика.

Величество, не поспавипе на счетъ Римской церкви причиненныхъ Вами убытковъ. Ксшапи я вспомнилъ шенерь, что Вы часто изволили называть народъ * * * преглупымъ. И шакъ, Всемилостивѣйшій Государь, Вы уже слишкомъ добры, что желаете царствовать надъ нимъ!.. Уступите его, кому угодно: Великій человекъ долженъ царствовать надъ умными.

Мнѣ крайне досадно плашпшь при двадцатыхъ доли моего имущества, и разоряшсь для шого, чтообъ имѣшь честь объявипшь Вамъ войну. Можешъ бышь подумаете, будто я по скупости предлагаю миръ. Ничего не бывало; я шолько желаю, чтообы Вы не подвергали ежедневно жизнь свою звѣрству Кроаповъ, Гусаровъ и другихъ варваровъ, не имѣющихъ понятия о сшихахъ.

Принося моему Всемилостивѣйшему Государю должное почшеніе, молю Бога, да подасшь Вамъ миръ и долгоденствіе. Молю шакже, да прійдетъ царствіе Его. Непрерывная брань и кровопролишіе возвѣщаютъ шокмо одни ужасы; и Философы, копорые швердятъ: *все въ свѣтѣ хорошо!* сами не знаютъ, что говорятъ.

ПИСЬМО LXX,

Отъ Короля.

Ноября, 1755.

Легко можете представить, чего я лишился! — Есть несчастія, копорыя ничего не споишь превозмочь перпвнємъ и посп^оянствомъ; еспь другія, прошивъ копорыхъ ни одинъ Философъ успоаять не можешъ. — Марграфиня Байрейшская (*) скончалась. Не забывайте своей покровительницы. Соберите всѣ силы духа, чшобы воздвигнуть памятникъ въ честь усопшей. Неудалаясь ошъ правды, найдете въ жизни ея лучшую маперію для стиховъ.

Желаю вамъ спокойствія, копорого самъ не имѣю.

ФРИДЕРИКЪ.

Вѣрно родъ челоческой проклятъ Небесами; ибо непреспанно должно воевашъ! . . .

(*) Сестра Фридерика.

П И С Ъ М О LXXI.

Отъ Короля.

Бреславль, 21 Марта 1759.

Надобно признахся, что вы счисляете время не по древнему. Укого седмицы сушь въ-ки, а ваши мѣсяцы не болѣе, какъ дни.

Я получилъ Оду, копорая вамъ ничего не споила, но копорая однако прославишь ваше имя. Прикажише ее напечатать и разослашь во всѣ чепыре часши свѣша. Эшо первая минуша упѣшенія послѣ пяши мѣсяцевъ спраданія.

Обстояпельспва принудили меня опять сдѣлаться спранспвующимъ рыцаремъ; отъ сего случается получашь пакія письма изъ Берлина, копорымъ отъ роду мѣсяцевъ шестъ.

Касаюсь пункша, лично къ вамъ опносящася. Покорно прошу позабышь спарое и не запѣвать брани вновь. Дайте спокойно умереть доброму чеповѣку, шоль жесткоко вами гонимому (.). . . Онъ не проживеть, думаю, болѣе пяши дней на семъ свѣшѣ.

Сверхъ шого скажу вамъ, что всякой умной чеповѣкъ имѣеть право на мое уваженіе, хошя бы спихами писалъ, хошя прозою. —

(*) Эшо Мопертюй, Президентъ Берлинской Академіи.

Посылаю къ вамъ мое прошлогоднее письмо, гдѣ говоривши и о васъ. Для собственннй чеспи, выправьте въ немъ дурные стихи; спрудъ не будетъ поперянь. Не смотря на несвязносшь, они говорятъ правду. Чѣмъ ближе мы къ староспи, тѣмъ лучше познаемъ, что ея священное велечіе, г-жа. *Удана*, рѣдкому изъ мудрыхъ улыбаешся, и что оспальная доля двуногихъ, не оперенныхъ живошныхъ, къ классу коихъ и мы имѣемъ честь принадлежать, нуждается въ общемъ смыслѣ.

Живите мирно въ своей Швейцарской пустынь: ваша ученая брань не лучше нашей солдатской.

Не знаю, что будетъ со мною нынѣшнимъ годомъ. Если паче чаяннй постигнуть напасни, молишесь о здравнй и спасеннй раба Божнй

ФРИДЕРИКА.

P. S. Вы сколько хорошаго насказали мнѣ о Троншенѣ, что я прошу его чрезъ васъ, подашь помочь моему брашу Фердинанду. — Я пришлю вамъ описаніе хода болѣзни, а вы пошребуйте у врача совѣта.

П И С Ъ М О LXXII.

Отъ Г-на Вольтера.

Делись, 27 Марта 1759.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Я имѣлъ счастіе получить опъ 2 го Марта письмо, не Вашей руки, но Вами подписанное. При немъ нацелъ Вашу Оду къ *Генриху*, письмо къ *Маршалу* и Оду къ *Фердинанду*. Въ послѣдней еснъ мѣспечко, шолько Вамъ однимъ свойственное. Чшобы написашъ его, не довольно имѣшь обыкновенной Геній; надобно еще имѣшь въ гошовности полпорасца пысячь людей.

Ваше Величество обходитесь со мною, какъ и всѣ люди, ш. е. изволише забавляясь на мой счетъ, говоря, будшо Вашъ Президентъ опъ меня при смерши. Президентъ недавно имѣлъ шяжбу въ Базелъ съ одною дѣвицею, кошорая шребовала у него плашы за робенка, съ нимъ прижишаго: привелъ бы Богъ и мнѣ имѣшь шакую же шяжбу! Къ несчастію, я слишкомъ хворъ и дряхлъ! Однакожь, я очень богашъ, очень независимъ, очень покоенъ: недостаешъ шокмо Васъ для моего блаженства . . . Умру, ежели не сподоблюсь видѣшь Ваше Величество. Хорошо, чшо Вы объ эшомъ не заботитесь — Всемилоштивѣйшій Государь! хошѣлъ бы и я шоже сдѣлашь, но не могу, — Люблю Ваши силки Вашу прозу, Вашъ духъ, Вашу Филосо-

фію, швердую и смѣлую. Я не могъ ужишься съ Вами: но не могу и жить безъ Васъ Изволише замѣшншь, что я говорю не съ Государемъ и не съ Героемъ: это дѣло Царей; но бесѣдую съ моимъ побѣдителемъ, котораго люблю, и на котораго всегда сержусь!

П И С Ь М О LXXIII.

Отъ Г-на Вольтера.

30 Марша, 1759.

Пускай Европа горитъ огнемъ военнымъ! письма Вашего Величества ко мнѣ спокойно доходятъ. Письмо къ преподобной мащери Игумень Кведлинбургской объ ея священномъ велемочіи, г-жѣ *Удагѣ*, довольно основательно. Обрабошайше его получше, и оно будетъ первымъ изъ философическихъ Вашихъ сочиненій. Судя по числу, которое выставлено на письмѣ, подумаешь, что вы писали стихи за нѣсколько дней до прекраснаго нашего приключенія при Россбахѣ. По чести, Вы одни изъ всей Германіи писали въ ту пору стихи. *Удага* не холитъ насъ — Французовъ, и за дѣло! Кпо въ чешыре часа ушра уже въ бошфорсахъ, шопъ играешъ въ шашки бапаліи вѣрнѣе, нежели шопъ, кпо въ первомъ часу по полудни спавишь деликашную ножку въ карешу. Желая сердечно, чтобы

эша игра скорѣ кончилась. Да будущъ Ваши дни споль же шихи и ясны, сколь шеперь блиспашельны!

Вы изволили наградить улыбкою жершву хвалы и сокрушенія, кошорую воздалъ я памяши Ея Высочества, сестры Вашей; жаль, что я слишкомъ поропился!.. Мое сердце слишкомъ скоро дикновало похвалу; размышленіе поправитъ, хопя медленно, неясность выражений.

Мое воззваніе къ Героямъ:

Fuiriés, si vous Gosiés — (*)

По вашему, думаю, ни куда не годишься: но естльи бы Цесарь, зашедши ночью одинъ, инокнипо, на непріяшельскую бапарею, не имѣлъ другаго средствва спасши жизнь свою, какъ развѣ зарышься въ навозную кучу — повѣрьше, что на другой день почно нашли бы Каія Юлія Цесаря по уши въ навозной кучѣ. . .

Письмо сіе, можешъ бытъ, заспанешъ Ваше Величество на какой нибудь бапареѣ: счаспливъ, кто сидитъ, по моему, на своей навозной кучѣ! . .

Возрите благосклонно, Всемилоспивѣйшій Государь, на глубочайшее почшеніе и бредни спараго Швейцарца!

(*) Бвжалъ бы, если бѣ смѣлъ! . .

П И С Ь М О LXXIV.

Отъ Короля.

21 Апрѣля, 1759.

Прошу различать время, когда что дѣлается. — Овидіевы *Элегіи* и его *Наука любить* не въ одинъ годъ родились. Какъ не скорбѣшь мнѣ при поль гореспнномъ приключеніи, которое неизцѣлимую нанесло рану сердцу моему? Въ другое время ужасъ войны не возмушилъ бы моего спокойствія. Ежъ обороняеишя оиъ неприятели всѣми своими иглами: шакъ и я. Не могу похвалиться силою оружія: но, каковы ни естъ они, обращаю ихъ прошивъ моихъ недобрежелашелей.

Кажется, въ продолженіи нынѣшней войны совсѣмъ забыто челоѳчество! просвѣщеннѣйшіе народы дерушя, какъ звѣри люшые!.. Спыжусь за современниковъ моихъ, не понимающихъ духа Философіи. Большая доля людей состоишъ изъ черни дворянства, изъ проспаго народа, изъ грубаго вещества.

Сколь ни славенъ въ наше время Вольперъ, но Авспрійскіе гусары едва поняшіе объ немъ им юшъ. За шо Авспрійскіе гусары оиѣнные знапоки въ водкѣ.

У меня опячь загораешся война, до копорой вамъ дѣла нѣтъ. Проспи. Желая вамъ всякаго блага, въ чемъ самъ нуждаюсь.

ФРИДЕРИКЪ.

Р. S. Побранилъ бы себя за шалости, распущенныя на мой счетъ, въ Берлинъ и Лейпцигъ, словесно и писменно: но швой Геній за себя предшашельствуетъ, и я все забываю. Однако же это сказано не въ указъ моему больному Президенту, на копорого ты нападаешь. Не знаю, подлинно ли харкаетъ онъ кровью, или дѣлаешь ребящъ: но, по моему мнѣнію, великое дѣло разводишь человѣческой родъ въ то время, когда всѣ Державы Европейскія спашающа изшребить его!

П И С Ъ М О LXXV.

Отъ Короля.

Ландсгупъ, 22 Апрѣля 1759.

Я послалъ къ вамъ мои списхи, писанные къ сестрѣ Амаліи: не гнѣвайшесь, что не хороши! Чего шребовать ошъ Нѣмца, приученнаго говоришь на своемъ языкѣ съ лошадьми, а не Граціями, когда видимъ и у самихъ Французовъ ошибки прошивъ языка и правилъ Поэзіи? Ошторожная кришика легонько обнаруживаешь недоспанки, ушайваемые самолюбіемъ. Я пошчасъ вижу, гдѣ Авиноръ погрѣшилъ прошивъ

языка или вкуса: но когда самъ принимаюсь сочинять, слѣпоисповую и не вижу своихъ ошибокъ. Смощри пожалуй, какъ сдѣланы люди!

Вы прислали мнѣ Оду на кончину моей любезнѣйшей сестры: пробѣжимъ слегка, что въ ней дурнаго, — но прошу не счищать меня *Марсиелъ*, кошорой судишься съ Аполлономъ.

Quand la mort qu'ils ont bravée
Dans cette „foule abbreuvée,
Du sang qu'ils ont repandu.

Dans cette „foule abbreuvée, двусмыслица. Смерть, или толпа упишалась кровію? Я понимаю, что вы хошѣли сказать: но хорошій Стихоспворецъ, каковъ Вольшеръ, не долженъ заславлять претовашъ объясненій.

Къ чему прибрали вы въ 10 й спрофѣ *Мидасовъ*, *Гомеровъ*, *Зоировъ*? Рѣчь идетъ не объ нихъ, но о моей сестрѣ.

Естьли бы со мной случилась шакая бѣда, что непременно должно исправить погрѣшности: я пошѣлъ бы кровавымъ попомъ; но Вольшеръ не даромъ *Вольтеръ*! Для него все хорошее легко! Вашъ (*) *lieux obscurs plus affreux que la nuit* спощъ (*) *ténèbres visibles* Мильтона, надъ кошорымъ спощько смѣялся творецъ Генриады.

(*) *Темный свѣтъ* ужаснѣ ночи.

(*) *Видимая тѣла*.

Что за школяръ! скажете вы при чтеніи сихъ мѣснѣ. Испыпалъ бы напередъ самъ написать хорошіе стихи, а потомъ принялся бы судить другаго. Милоспивый Государь! я уже вамъ сказывалъ, что я слѣпъ для собспвенныхъ недоспашковъ. Чувствую всю слабоспъ стиховъ моего мастерспва, но не имѣю дара исправитъ ихъ. Сверхъ того прошу не споритъ съ Генераломъ, у котораго нѣсколько тысячъ въ командѣ. Нынѣ время военное. . . Дерешся съ первымъ, кто попадется на встрѣчу.

Объявляю себя поржеспвенно врагомъ моихъ недоброепашелей, и всѣхъ стиховъ, которые не нравятся мнѣ шѣмъ, что — не мои!!

Проспи, Швейцарской пустыпникъ! Не бранисъ съ Дон - Кишопами, которые въ жару воинскомъ бросающъ въ печь стихи Аріосшovy. — Живи подружелюбиѣ съ нами, Германцами!

ФРИДЕРИКТЪ,

П И С Ъ М О LXXVI.

Отъ Короля.

Ландсгутъ, 25 Апрѣля 1759.

Покорно благодарю, что познакомили меня съ Господиномъ *Кандидомъ*: это Ювъ, одѣтый по нынѣшнему! Но, мнѣ кажется, Господинъ Панглоссъ не умѣешь доказывать, что его *миръ лучшій изъ всѣхъ возможныхъ мировъ*. Впрочемъ Кандидъ гораздо лучше другихъ романовъ; по крайней мѣрѣ въ немъ не видишь доказательствъ на *barbara, celarent*, и проч.

Вмѣстѣ съ Кандидомъ получилъ вашу печальную Оду, исправленную и раздѣченную. Она прельщаетъ меня: но все это минувшее дѣло. Ахъ! Ода не можетъ замѣнить мнѣ потерю сестры, о которой вѣчно буду грустить и плакать!

Подно писать о войнѣ: желаю вамъ поспридаться для мира, и напередъ скажу, что самое посредственное сочиненіе въ пользу мира будетъ для меня драгоценнымъ и совершеннымъ! — По видимому, дѣло не обойдется безъ кровопролитія. Вы думаете, оплечающаго мужествомъ только для чести; не правда. Иной мужественъ по шемпераменту — что къ удовольствію видимъ въ обыкновенномъ солдатѣ; иной по обдуманности — что приличествуетъ хорошему Офицеру; иной изъ любви къ опе-

честву — что соснавлещъ главную пошреб-
ность всякаго добраго гражданина; иной изъ
неограниченнаго славолюбія — какъ — по *Алек-
сандрѣ*, *Цесарѣ*, *Карлѣ XII* и великій *Конде*. Вопшъ
сколько разныхъ побужденій влечешъ людей
къ опасности! Погибель сама по себѣ никому
не мила: но когда сердце занято славою, ни
чѣмъ въ свѣпшъ не хочешъ дорожить!

Я не знакомъ съ вашимъ Юліемъ Цеса-
ремъ; однако радъ божишься, что ни днемъ,
ни ночью не спрянался бы онъ опшъ непріатели
— въ навозную кучу!! Благородство духа не
дозволило бы ему оспавишь своихъ поварищей
однихъ въ жертву гибели. Были примѣры,
что полководецъ, видя сраженіе проигранное,
съ отчаянія убивалъ самъ себя, для шого, что-
бы не пережить безславія.

Вопшъ что могу на память разскашъ вамъ
изъ исторіи военныхъ людей, которыхъ вы не
жалуеш. Упомяну шеперь о характерѣ своей
націи.

Во время сраженія при Россбахѣ Француз-
ской Офицеръ, раненой и поверженой на землю,
шребовалъ промывашельнаго. Повѣрите ли?
человѣкъ сто бросились помочь ему! Прини-
машъ промывашельное — на полѣ сраженія —
въ глазахъ цѣлой арміи — по чести, очень за-
бавно! однакожъ это сущая правда. Въ Траги-
комедіи, которую заставляюшъ насъ играть
шеперь, и много случается забавнаго: къ сожа-

лѣнію, сіи забавы окупаются слишкомъ дорого!

Благодарю васъ за Троншена. Его діета можешъ бытъ и полезна больному, копорой шеперь у сесшры своей, въ Шведшѣ. Не возмешесь ли уговорить Гна Доктора, чшобы онъ прѣхалъ лично переговорить съ моимъ брашомъ? Я ничего не пожалѣю для его проѣзда; мнѣ бы шолько узнать, спшшш ли жизнь больнаго шѣхъ хлопшъ, копорья надобно употребить для продолженія оной? По моему, прекрасное дѣло раздѣлаться съ нею, какъ можно скорѣе. Докторъ Панглоссъ можешъ спорить объ эшомъ, сколько изволишъ; а я буду драшья. Между шѣмъ шы, праздный зришель кровавой сцены, спокойно будешъ всѣхъ насъ освисшывашъ; не завидую швоему счастью. Я увѣренъ, чшо истинное наслаждение жизни сосшшш въ гармоніи чувствъ. — — Брань Ученыхъ не веселѣ нашей солдашской. . .

ФРИДЕРИКЪ.

ПИСЬМО LXXVII.

Отъ Г-на Вольтера.

Маія, 1759.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ !

Не извольте спавишь смерши Г-на. Мопершюя на мой сченъ. Не я умориль его, но онъ меня лишаетъ жизни: ибо онъ разлучиль меня съ Вашимъ Королевскимъ Величествомъ. Можете щекопашъ Г-жъ***, сколько угодно; но пощадите полько мою немощь. Милѣ имѣшь дѣло съ любезнымъ человѣкомъ, нежели съ лукавымъ Государемъ, который непрестанно другихъ щиплешъ, а самъ кричишь, будшо его щиплюшь!

Окончите ли когда нибудь Ваши формальныя драки? Положимъ, что Вы Законодатель, Герой, Историкъ, Поэтъ, Музыкантъ и Философъ; но что унесете въ могилу послѣ Вашихъ героическихъ шріумфовъ? Одно имя — да и шо не будешъ Вамъ принадлежать! Послушайшесь Соломона, хошя онъ и не Сѣверной: *всягеская суета!* Въ Сансуси! скорѣ въ Сансуси! чѣмъ ближе къ берегу, шѣмъ лучше. Мнѣ почти спыдно; чшо я счастливѣ Васъ: мое общество состоишъ изъ Философовъ, а Ваше изъ нарядныхъ головорѣзовъ. . . Въ Сансуси! въ Сансуси! Но кой-чоршъ шамъ дѣлашь Вашему воображенію? Съ шѣмъ ли Вы созданы, чшобы

жишь въ уединеніи! А почему и не такъ? Вы для всего созданы. Великій человекъ вездѣ равно великъ.

Осмѣлюсь донести Вашему Величеству, что я согрѣшилъ передъ Вами. Призрите на смиренное мое покаяніе! Вы писали ко мнѣ письмо, часнію во вкусъ Марка-Аврелія, папрона Вашего, часнію во вкусъ Марціала и Ювенала, другаго папрона Вашего. Я показалъ это письмо сперва молодой придворной Дамѣ, копорая пріѣхала, какъ водится, въ Женеву льчишься у великаго Троншена. Я называю его *великимъ* пошому, что онъ росшомъ шесши фушовъ, пригожь и спашень! Ешъли бы Его Свѣшлось, Принць Фердинандъ былъ женщина, шо онъ не замедлилъ бы самъ, какъ водится, пріѣхашъ къ Троншеню. Французская Дама въ коропкой связи съ какимъ-шо Герцогомъ, Миниспромъ; оба спююшъ другъ друга, и по уму и по сердцу. Французская Дама въ жару поцѣловала Ваше письмо; а ешъли бы Вы сами на шу пору случились близъ нее, шо подобралась бы и къ Вашей особѣ, а можешъ бышь . . . Но вѣдь я еще не пророкъ. Послушай, Вольперъ! сказала она: опошли скорѣе письмо къ Герцогу; онъ спаринной швой другъ и обожашель Фридерика. Изъ всѣхъ рыцарей можешъ бышь онъ одишъ умѣешъ соединашъ храбрость съ благоразуміемъ. Дама шакъ расхвалила Герцога, что я переписалъ Ваше письмо, исключивъ однако все *Марціаловское* и *Ювенальское*, и осшавивъ все

Марк-Авреліевское, по естѣ, всю Вашу прозу, въ кошорой однако Маркъ-Аврелій изрядно забавляешся на счешъ нашей сѣпси. Ахъ, Всемилоспивѣйшій Государь! шакіе и мы люди, чшобы намъ сѣсвивѣшься? Какъ бы по ни было, предсшавляю Вамъ сдѣланной на Ваше письмо опѣвѣшъ. Въ моей было волѣ измѣнишь какому нибудь Герцогу и Перу, когда уже я измѣнилъ Королю: но Бога ради, не берите Вы съ меня примѣра. Не поскучайте Ваше Величество разобрать писанное по складамъ. Можно имѣшь шпонкой умъ, доброе сердце, и писань по гусиному. Послушайте моей басенки:

„Жиль-былъ нѣгдѣ Левъ съ Крысою. Крыса влюбилась во Льва, и спшала ходишь къ нему въ гостши, спшала задирашь его. Однажды Левъ даль ей щелчка своею львиною лапкою. Вмигъ убралась любовница въ свою норку; однако не перешавала любишь его. Спусти нѣсколькo времени, увидѣвъ, чшо охошники разспавили для Льва сѣшь, въ намѣреніи пойманъ его и убишь, вѣрная любовница шощасъ перегрызла пещлю. „Всемилоспивѣйшій Государь! Швейцарская Крыса со смиреніемъ ласнишся къ Вашимъ прекраснымъ когшямъ. Не дайте умереть ей между двумя Капуцинами, подобно дворовой собакѣ, кошорая околѣла въ Базелѣ у ногъ какого-шо монаха. Эша Крыса больше дворовой собаки привержена къ своему господину. Дозвольте умереть ей у ногъ вашихъ!

П И С Ь М О LXXVIII.

Отъ Короля.

Рейх-Геннерсдорфъ, 10 Іюня 1759.

Знайше, что никакая волшебная сила не сдвинетъ моего брата съ мѣста. Благодаря Бога, у него спанетъ денегъ столько, чтобы вызвать къ себѣ и наградишь какого нибудь Швейцарскаго Лѣкаря! Вамъ не пересказываешь, что *Фридеики* всегда берутъ преимущество передъ *Лудовиками* у Лѣкарей и Позновъ, а иногда у самихъ Философовъ, когорые, занявшись пустыми умозрѣніями, не обращаютъ должнаго вниманія на моральную часть своей науки. Племянница ваша, изъ усердія къ своей націи, изволила сжечь меня, шакъ какъ я сжогъ васъ въ Берлинѣ, и какъ васъ же недавно сожгли во Франціи. Жаль право, что племянница ваша не сочелась бракомъ съ Г. Пріоромъ: отъ нихъ бы пошло славное племя *Полишиковъ*!!

О себѣ скажу вамъ: укушу всякаго, кто разсердитъ меня! . . Скоро сдѣлимся драхъся по формѣ, и ежели форшуна подержитъ мою руку, надѣюсь оплошчиваешь и Императорское Величество, и сприженнаго челоуѣка въ полукафтанѣ. Какое, послѣ этого, для нихъ угѣшеніе посмѣяться на мой счетъ!! А ты, когорой ни съ кѣмъ не спанетъ драхъся, не смѣйся надъ нами; будь спокоенъ и счастливъ шѣмъ, что

не имѣешь гонимелей. Умѣй насладиться тишиною, за кошорою гонялся цѣлыя шесшьдесять лѣтъ.

ФРИДЕРИКЪ.

Р. С. Ты спалъ дурачишься на семидесятомъ году. Въ пивои лѣта спыдно не умѣшь обходишься съ Государемъ. — Знай, что есть вольности просишельныя; есть грубости, не извинишельныя для ученаго челоуѣка. Совѣшную обрашись къ Философѣи, то есть, благоразумію. Проси у Бога, чтобы Онъ даровалъ тебѣ сполько же разсудка, сколько далъ оспрошы — и тогда будешь первымъ челоуѣкомъ въ наше время.

П И С Ь М О LXXIX.

Отъ Короля.

Рейх - Геннерсдорфъ, 1759.

Ешьли бы я принадлежалъ къ древнему ордену Рыцарей, то сказалъ бы тебѣ безъ всѣхъ околичностей: враль несносный! къ чему распускаешь слухи, будто я просилъ тебя поддерживать мою Испорію о Бранденбургъ противъ Аббаша, кончащагося на *икѵ* или *акѵ*? Я не споль приспращенъ къ своимъ сочиненіямъ, какъ извѣстные Авшоры, кошорые доужашь всякимъ оспырымъ словомъ, вылетѣв-

шимъ изъ успѣ ихъ. Повѣрь, не спану драшься ни за прозу, ни за стихи. Пусть судяшъ о нихъ, какъ хошишь: чужой шолкъ не наведешъ на меня безсонницы.

Прошу не горячиться изъ пустаго, и не ссоришь меня съ Учеными. По моему мнѣнію, было бы нѣчто великое, когда бы въ *Исторіи осьмагонадесятъ вѣка* написали, что славный Вольшеръ, неумолкно вошявшій прошивъ книгопродавцевъ, фананиковъ и дурнаго вкуса, вздумалъ спыдишь Государей войною, копорую они вели другъ прошивъ друга, и успѣлъ бы наконецъ ихъ обратишь къ миру, на условіяхъ, начерпанныхъ его рукою.

Возмишесь, любезной другъ, помиришь Государей, и попомки воздвигнушъ вамъ памятникъ, копорого самое время безсильно сокрушишь. — *Виргилій* сопупспвовалъ *Меценату* въ *Бриндъ*, гдѣ *Августъ* заключилъ миръ съ *Аншоніемъ*; а *Вольшеръ* (шакъ скажущъ), не прогаясь съ мѣста, давалъ законы Европѣ и Владыкамъ ея! О ешъли бы можно было приложитъ сію черпу къ *Исторіи* жизни вашей!

Милоспивый Государь! не думаете ли, что очень весело рѣзаться съ незнакомыми, ежедневно шеряшь друзей и знакомыхъ, подвергаютъ славу свою прихощямъ форшуну или случаю, и цѣлые годы проводяшь въ спрахъ и безпокойствѣ? — —

Чувствую всю цѣну мира, прелести дружелюбія, удовольствія жизни; желаю бытъ счастливымъ и спокойнымъ: однако, ввѣкъ не соглашусь купить сіи блага униженіемъ себя. Самый разумокъ говоритъ, что для пользы общественной пошребно жертвовашь не только спокойствіемъ, но и жизнію.

NB. Прошу не спавить на счетъ войны шѣхъ бѣдствій, копорыя не имѣютъ къ ней ни малѣйшаго отношенія. — Умышленіе на жизнь Короля Португальскаго есть шакого рода дѣло, копорое можетъ случиться и въ мирное и въ военное время, какъ слѣдствіе буйной ярости и ослѣпленія черни.

Человѣкъ, не смотря на училище Философіи всегда будетъ люпѣйшимъ изъ живопныхъ. Суевѣріе, корысть, мстишельность, измѣна, неблагодарность, всегда будутъ производить кровавыя сцены. Я положилъ правиломъ: въ счастіи держаться системы Эпикура, въ несчастіи прибѣгаць къ Зенону.

ФРИДЕРИКЪ.

П И С Ь М О LXXX.

Отъ Г-на Вольтера.

Юль, 1759.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Вы сполько же добрый Братъ, какъ и добрый Генераль: но моему Троншеню нѣтъ способа ѣхать къ Свѣплѣйшему больному въ Шведшъ. Семь или восемь персонъ, ошъ копорыхъ опказались Парижскіе врачи, расположились на время пожить въ Женевѣ. Бѣдненькія по шѣхъ поръ и живы, пока Троншень съ ними. Ваше Величество можете предспавить, что въ числѣ прѣзжихъ больныхъ я не полагаю моей племянницы, спраждушей болѣе полугода. Сверхъ сего, Троншень обязанъ посылашь два раза въ недѣлю свои совѣщанія и предписанія для здравія *дѣтей Франціи*. Никакъ не лзя оплучиться. По замѣчаніямъ Доктора, Его Свѣплосши, Принцъ Фердинандъ имѣеть болѣзнь хроническую. Присовѣтуйте лучше ему предпринять путешествованіе; переходъ изъ холоднаго климата въ умѣренной долженъ быть здоровъ. Ежели это не понравится Его Свѣплосши, да благоволишь, по крайней мѣрѣ, извѣщать о себѣ Троншеня письменно каждую недѣлю.

Какъ могли вы вздумать, будио я давалъ списывать копія съ Вашего письма къ Принцу

Брауншвейгскому? Въ немъ чрезвычайно много хорошаго; но моимъ ли согражданамъ знашь объ этомъ? Французы не распрыгались бы отъ радости, прочитавъ письмо; а еще менѣе Король Французскій. . . Мое почтеніе и преданность къ Вамъ обоимъ не дозволяютъ быть орудіемъ непримиримой вражды. . . Я дышу только для мира: будьте увѣрены въ этомъ. Бѣдная племянница моя, пренеца отъ Вашего письма, поспѣхъ предала его плѣнію: слѣды остались только въ памяти!

Вы какъ громомъ поразили меня, написавъ, будто я говорю на счетъ Вашъ грубости. Цѣлыя двадцать лѣтъ Вольперъ богошворилъ Фридерика: *это знаетъ земля, небо, самъ Гццманъ*. Къ сожалѣнію, ремесло Героя и санъ Государя не дѣлаютъ сердца чувствительнѣйшимъ! Фридерикъ былъ бы любезнѣйшимъ изъ смертныхъ, когда бы не имѣлъ спраски героизма и самовласія.

Довольно сказано, ежели имѣете дѣло съ непріятелемъ; но слишкомъ мало, ежели еще не разсорились съ Философіею, кошорая лучше всѣхъ профеевъ міра! . .

Сочините, что я, по глупости моей, сполько же привязанъ къ Фридеріку, сколько изъ любви къ справедливости удивляюсь ему. Вѣрьте чистосердечію и глубочайшему почтенію —

Старого Швейцара.

П И С Ь М О LXXXI.

Отъ Короля.

Рингсвормекъ, 18 Июля 1759.

Вольперъ подлинно странное живошное!.. Когда мнѣ хочешся побранишь его; онъ промолвишь слова два, и — укоризна исчезаетъ.

Пусть ваша любезная племянница жжетъ или жаритъ меня: не беспокоюсь объ этомъ. Не думайте, чшобы я сколько нибудь занимался вашими Епископами, кончающимися на *икѵ* или *акѵ*, кошорые изволятъ шѣщиться на мой счетъ. Акперовъ такава участь! съ одной стороны рукоплещутъ имъ, съ другой свисняютъ. Надобно пригошовитъ себя къ саширамъ, клеветъ, ложнымъ слухамъ, ежели хочешь сохранить спокойствіе духа. Я иду *своею* дорогою, слушаюсь токмо внушрѣняго гласа совѣспи, и мало забочусь о томъ, какимъ образомъ начерпываются мои дѣянія въ мозгу двуногихъ живошныхъ, неимѣющихъ ни перьевъ, ни разума.

Какъ шы самъ назвался Прусакомъ (во благой часъ Архангельской!), за нужное считаю ув: домишь тебя о нашихъ произшествіяхъ:

Человѣкъ въ скуфѣ, со шпагою, загулялъ къ границамъ Саксоніи и Богеміи. Я топчась вышелъ его впрѣшитъ, какъ водитъ. Дона не сказала, подобно Навину: *стой солнце!* но: *стой медвѣдъ!* и медвѣдъ ошановился. — —

Обратимся къ концу своего письма. Это правда, что я богошворилъ Вольтера, пока не узналъ его насмѣшекъ и перемешчивости. . . . онъ сколько мнѣ сдѣлалъ зла. . . Но оставимъ. Я уже простилъ вамъ все, по любви Христіанской; къ тому же видѣлъ опъ васъ больше хорошаго, нежели дурнаго. Удовольствіе, которое почерпаю въ *вашихъ* сочиненіяхъ, заспавленъ забытъ *твои* шалости. Если бы ты не былъ подверженъ слабостямъ, свѣтъ имѣлъ бы причину завидовать вашимъ достоинствомъ. Вообще всякой изъ насъ говоритъ: *Вольтеръ цѣлѣ меня*; за многіе имѣютъ право сказать: *а я добре, миролюбиве Вольтера*, и сія мысль утѣшаетъ насъ, людей неученыхъ, въ томъ, что не можемъ равняться съ вами. Прошу не прогнѣваться, я говорю правду, какъ духовникъ!

Сказываютъ, что вы пишете трагедію *Сократа*; не понимаю, какимъ образомъ введете въ піесу — женщину? любовь будетъ въ ней самымъ скучнымъ эпизодомъ. Но —

Я опомнился. Прочь, предрасудки! любовь можешь имѣть мѣсто и въ трагедіи, какъ-то въ *Дюкѣ де Фоа*, въ *Заирѣ* и въ *Алзирѣ*. Что бы ни говорили насмѣшники, не могу безъ слезъ читать *Беренисы*. Никто не утѣритъ меня, чтобы эта піеса была дурна, которая движетъ и восхищаетъ душу.

Ф Р И Д Е Р И КЪ,

П И С Ь М О LXXXII.

Отъ Короля.

Изъ спана, близъ Вильсдруфа, 17 Ноября.

Покорно благодарю васъ за шрагедію *Сократа*. Это бичъ для Французскихъ фаѳашиковъ, кошорые, не могли покоришь буйному чесполюбію дѣла Полишики, ожеспочающеса прошивъ книгъ и друзей здраваго разсудка. Новые *Мелиты* (спыдъ и понощеніе чедовѣковъ!) въ соспоянніи изжаринъ Вольпера живаго; но яроснъ ихъ можешъ унадашь шолько на сочиненіи его. При шakovыхъ обспоятельстввахъ лучше пожершвовашъ книгою, нежели собою. Вы должны опдашь мнѣ справедливосшь, что я не принадлежу къ классу фаѳашиковъ; слѣдшвенно, ежели и случалось мнѣ зацѣпншь васъ, то дѣлалось ненарочно, безъ всякаго умысла. Предшавъше, что я окруженъ непріятелями. Со всѣхъ споронъ шѣсняпъ меня: шамъ циплюпъ, здѣсь грязью марающъ, въ другомъ мѣспѣ браняпъ вслухъ. Сколько ни крѣпись, выйдешъ изъ терпѣннѣя. Чувствшшельносшь берешъ верхъ у разума; раздраженное сердце воспаляешся гнѣвомъ; подъ часъ походишь на кабана, кошорой клыками и ногами защищаешся онъ бѣшенсшва напущенныхъ собакъ. Въ жару не различающъ предметовъ: ягненокъ покажешся церберомъ. — Не мѣшайше же мнѣ яришься, пока продолжашся война; а шамъ, послѣ буръ и непогодъ, надѣйшесь ви-

дѣшь ясное небо! Козаки и Ташары, смершельные мои непріятели, пожгли и разорили нѣкопорыя округи. Не шакого рода зрѣлице, чшобы смопрѣшь на него равнодушно. Форшуна шенерь на ихъ споронѣ: но вѣрь, любезной Вольперъ, Форшуна — женщина! придетъ время, и ко мнѣ улыбнешся. Рускіе на морѣ и на сушѣ во вѣсѣмъ находящъ свою спихію. Такъ и бышь! видно усшунить имъ! За шо мипроноснаго Фабія нынѣшняго Рима прогоню во свояси — и когда Друсакъ, взявъ свое, сброситъ шлемъ и мечъ, обагренный кровію челоувѣческою, шогда водворитъ спокойшвіе въ Европѣ, и заключитъ въ *Сан-Суси*. Эшо убѣжище споитъ вашего *Делисб*. Тогда спанемъ думашъ, будшо живемъ внѣ міра, и подѣ часъ вообразимъ себя пусшынниками!

Наслаждайся и пы своимъ уединеніемъ. Не превожь праха съ миромъ почившихъ въ могилѣ. Пусъ по крайней мѣрѣ смерть пресѣчетъ несправедливую злосъ гонитшеля. Подумай, чшо и Государи, во долговременной бицѣвѣ, заключающъ миръ: пы ли одитъ не умѣешь за эшо приняшься? Пожалуй, пы въ состояніи сойти во адъ, подобно Орфею, не за шѣмъ, чшобы, умилосшививъ Плупона, возвращитъ себѣ прекрасную Эмилию, но чшобы не дашь покоя и въ семь жилицѣ горесши сопернику, котораго не прешавалъ гнашь на семь свѣтъ (*). Пожертвуй мнѣ своимъ мщеніемъ.

(*) Мопершюя, недавно умершаго въ Базелѣ.

а лучше сказать, пожертвуй собственной славою. Да будешь величайший Гений франціи великодушнѣйшимъ изъ согражданъ своихъ! Добродѣтель и свой долгъ говоряшь моими устами: не будь хладнокровенъ; наблюдай самъ шѣ правила, копорыя предписываешь для другихъ съ шакою силою краснорѣчія и убѣдительности!

Война скоро прекратится. Черезъ недѣлю получишь пріятнѣйшія извѣстія изъ Дрездена.

Проси. Да вдохнешъ въ себя Богъ философіи чувства нѣжнѣйшія, и да блюдешь себя вѣчно, яко орудіе разума и истины!

ФРИДЕРИКЪ.

П И С Ь М О 1783.

Отъ Короля.

Вилсдруфъ, 19 Ноября.

Теперь только получилъ письмо отъ извѣстной Крысы, или асида, передъ самымъ окончаніемъ войны. Австріяцы убралась въ Богемію, гдѣ я, въ опмщеніе обидчикамъ, зжогъ два большіе магазина. По Газетамъ изъ Гаги узнаешь мою связь съ Королемъ Англійскимъ. Я хочу открышь глаза Европѣ, и собственнымъ примѣромъ показашъ различіе между головорѣзомъ и другомъ человѣчества. Фран-

ція можеть пеперь войши въ мирныя переговоры. Французы по природѣ краснорѣчивы: ихъ дѣло говоришь, а наше — слушаешь, удивляешься, ошвѣчаешь, какъ умѣешь, и я увѣренъ, что самыя штемпераментны насъ помиряють. Англія препоручила дѣла свои Министру умному и разсудительному: такъ надлежало бы и прочимъ державамъ, откинувъ зашѣдливыя намѣренія, покоришься законамъ разума. Что касается до меня, буду соображаться съ примѣромъ Спасителя, который, вошедъ некогда во храмъ Іудейскій, безмолвно внималъ книжникамъ и фарисеямъ. Не думайте, чтобы Англія вѣрила мнѣ свои шайны. Ничего шоропишься ей заключать миръ. Въ торговлѣ подрыву не видно; внутреннія дѣла идуць благополучно: кредитъ не потерянъ. Я сражаюсь упорѣе Англичанъ потому, что окруженъ сильными непріятелями; думаю, что не уроню себя. Главное дѣло — помирись съ Рускими! на слѣдующій годъ останешся какая нибудь Королева Венгерская, шумы Св. обласни и разбойники Лапландскіе. Желалъ бы я опъ чистаго сердца видѣть прекращеніе шолкихъ убійствъ, пожаровъ, звѣрства и безчеловѣчія живошныхъ, называемыхъ людьми, которые, опъ привычки омывашь себя кровію брашій своихъ, ежедневно шпановягся люшѣйшими! Ежели настоящая война продолжиться еще; то Европа погрузится паки во мракъ невѣжества, и несчастные потомки назовушь насъ варварами. Надобно прекратить ужасъ кровопролитія. Всѣ сій опущенія суть слѣдшвіе честолюбія Францу-

зовъ и Авспрйцевъ. Да положашъ предѣлы
благоразумія своимъ обширнымъ замысламъ,
приводящимъ въ ишощаніе силы Государства,
и да посрамяшся пѣмъ, чшо Небо, поддержи-
вая слабыхъ прошивъ нападенія сильныхъ, да-
рвало первымъ чувствво умѣренности, кошо-
рая, не допусшивъ ихъ во зло употребить сча-
сливые случаи, расположило сердца къ приня-
нію мира. Вопъ все, чшо можешъ сказашь
вамъ Левъ, упомленный, окровавленный, иску-
санный и хромоногій. У меня еще много дру-
гихъ дѣлъ; не могу шеперь писашь объ нихъ;
голова слишкомъ дурна. Подождише, пока прїѣду
въ Дрезденъ.

Предложеніе о мирѣ должно бышь шакого
рода, чшобы образумишь людей упрямыхъ и
своевольныхъ. Успй въ эшомъ: я поздравлю
тебя съ усиѣхомъ, а себя — еще болѣе. Про-
сти Крыса; наслаждайся въ своей норѣ пѣмъ,
чшо имѣешь, и въ чемъ мы, Государи, нуж-
даемся.

ФРИДЕРИКЪ.

P. S. Ты не узнаешь меня шеперь: сполько
я перемѣнился! — Спарь, съдъ, съ морщинами,
безъ зубовъ и безъ веселосши! Ежели война не
прекращишся скоро, шакъ ошъ особы Фриде-
рика ошпаненшя шолько спрасшь къ спихамъ
и ненарушимая привязанносшь къ должносши,
любовь и почшеніе къ добрымъ. Труденъ пушь

Царской! онъ устанъ спицами и шернѣемъ. Счастливъ, кто живеть въ пустынномъ уединеніи!

Я радъ принять васъ опять, къ себѣ, и желаю вамъ всѣхъ благъ міра — но гдѣ, когда и какимъ образомъ принять? эту проблему не рѣшатъ ни д'Аламбершъ, ни самъ Невилонъ.

П И С Ь М О LXXXIV.

Отъ Г-на Вольтера.

Изъ замка Турнейскаго, черезъ Женеву 21 Апрѣля.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Какой-то монахъ Жюсшъ сказалъ Карлу V: „Ваше Величество! или не довольно было для Васъ трудовъ, поколебашъ цѣлой Свѣшъ? Надобно ли еще раззорять бѣднаго монаха въ смиренной кельѣ?“ Эшошъ монахъ — я. Хоши Вы еще не сложили съ себя величества и бѣдности человѣческой, по примѣру Карла Пятаго! . . . Какая несправедливость обвинять меня въ клеветѣ на покойнаго Монершюа, пошому шолько, что я писалъ къ Вамъ о молетъ народной, будшо въ пошайномъ ящикѣ умершаго найдены всѣ сочиненія Сансусійскаго Философа. Положимъ, что слухи сіи вѣрны; но это доказываетъ шокмо, что покойникъ берегъ бумаги Ваши съ крайнею ошпорожношю, и не

опдавалъ ихъ въ чужія руки, дабы шѣмъ не воспользовались книгопродавцы. Сверхъ сего, я обязанъ не выправляться, возвратилъ ли ихъ Вамъ Мопершюй? и какая мнѣ польза опзывашься о немъ худо? Чшо мнѣ нужды до его особы и покойной памяти? Чѣмъ я виновашь передъ нимъ, когда писалъ къ Королю Прусскому, что любимецъ Его Величества до смерти своей хранилъ въ неизвѣсности залогъ, ему ввѣренной? Я самъ собираюсь умирать, Всемилоспивѣйшій Государь; смерть не за горами. Не возмущайте послѣднихъ минушь жизни моей несправедливыми упреками. Обида шѣмъ чувспвиншельнѣе, что она происходитъ опъ Васъ. —

Естьли разсудить безпристрастно: не Вы ли больше обижали Вольшера, Вамъ преданнаго? Не Вы ли поссорили меня на вѣкъ съ Королемъ Французскимъ, лишили должности и пенсіона, предали посмѣянію, во Франкфуртѣ, вмѣспѣ со мною одну невинную, почтенную женщину, которая, бывъ влачима по грязи, наконецъ посажена въ шюрьму? Послѣ сего, удоспоеивъ меня своими письмами, опправляете послѣдную опраду горькими упреками!.. Вы ли это поступаете со мною споль жестоко — за то, что я, въ продолженіи прехъ лѣпшъ, старался, хотя безъ всякой пользы, служить Вамъ, единспвенно изъ любви моей къ услужливости? — —

Всего несноснѣе слышать, что враги философіи, воспользовавшись нашею несогласностію, кричатъ: „Вопшъ плоды новой философіи: два челоѵка не могутъ ужиться вмѣстѣ! одинъ вздумалъ выписать къ себѣ другаго, и явно обижаютъ его. Такъ Богъ наказываетъ прошивниковъ своихъ ими же самими!“

Подивитесь, Государь! глупцы живутъ иногда въ согласіи; а философы не имѣютъ ни убѣжища, ни мира. Между шѣмъ, какъ при Дворѣ Версальскомъ и въ другихъ думаютъ, будто я наспроивалъ Васъ писать прошивъ другихъ. Вы сами обременяете меня укоризнами. Пропави весь свѣшъ съ его правосудіемъ! Сокроюсь во глубинѣ пусыннаго уединенія, и благословлю минушу, когда смерть прекратитъ мои спраданія, копорыя шерплю опъ людей, наипаче же опъ Васъ.

Желаю Вамъ счастья, сообразнаго духу философіи Вашей. Въ Васъ есть шю, что называютъ умомъ, но сей умъ подавляется иногда спраспями неразлучными съ пылкимъ воображеніемъ, обстоятельствами, располагающими къ угрюмости, особенно, жалкимъ удовольствіемъ унижать другихъ словесно и нисьменно.

Не погнѣвайтесь на дряхлаго спарика, копорый смѣетъ говорить Вамъ шоль грубыя истины. Онъ самъ признаетъ въ себѣ слабе-

сти — бесконечно грубѣйшія Вашихъ, но по неизвѣстности лица менѣ пагубныя; и пошому Вы не можете подозрѣвать, чпобы я, назвавшись непричастнымъ пороку, вошелъ въ права кришиковать Государя! Болѣзную о Вашихъ проступкахъ столько же, какъ о своихъ, и съ горестію помышляю: для чего судьба не дозволяетъ мнѣ помочь Вамъ исправить обманутое воображеніе, и открьшь поле къ истинной славъ и блаженству!

П И С Ь М О LXXXV.

Отъ Короля.

Мейссенъ. Изъ лагеря, 1 Мая 1760.

Господинъ Графъ Турнскій.

Вы знаете, что въ раю первые подданные прародителей нашихъ состояли изъ скоповъ; знаете симпатическую привязанность многихъ изъ людей къ симъ живошнымъ: собакамъ, обезьянамъ, кошкамъ, или попугаямъ; и пошому надѣюсь, согласишесь со мною, чшо ежели бы всѣ нынѣ власни отказались отъ своихъ всеподданнѣйшихъ рабовъ: шо не къмъ было бы и войну вести: а кому прикажете пахать землю, кому работашь, и пр. и пр.? И такъ символъ рая земнаго не означаетъ ли геометриче-

скую пропорцію, что на двѣ умныя головы полагаешься тысяча глупыхъ! —

Враги непрестанно сердятся на меня. Увидятъ, по себѣ ли зацѣпили прошивника?

Что касается до вашего маленькаго дюка, то царствію его скоро будетъ конецъ. Довольно повластвовать двѣ весны: для Француза было бы ушомишельно, видѣть Министра болѣе двухъ лѣтъ при одной должности.

Напрасно вы принимали на себя трудъ въ подробности разсматривать мои недоспашки. Увѣряю васъ, что не прощаю себѣ ничего, когда бесѣдую съ моимъ сердцемъ. Не шаково состояніе Государей, чтобы равнодушно взирать на свои поступки.

Забудемъ старое. Я больше имѣю права жаловаться на себя. По своему характеру ты не уживешься ни съ какимъ философомъ. Но я все простилъ тебѣ, и хочу даже все позабыть; впрочемъ, если бы ты попалъ не на шакого дурака, то натерпѣлся бы съ своимъ умомъ горя! Прошу воздержать свою племянницу отъ причудливыхъ замашекъ. У нее нѣтъ сколько ума, сколько у любезнаго дядюшки, чтобы скрывать, подобно ему, свои недоспашки. Служанка Мольерова умѣла заставить пошомство говорить о себѣ: племянница Вольерова вѣрно не успеетъ въ этомъ.

Въ Июнь опкроется война. Не унущу пошѣшишься надъ моими непріятелями: вѣдь не въ Басшилю же меня за это посадятъ; а до насмѣшекъ дѣла нѣтъ. Это мщеніе слабое, ребяческое.

И чѣмъ похвалятся Французы, на примѣръ, предъ нами? *Декартали*, *Малебраншалли*? за шо у нихъ нѣтъ *Лейбницева*, *Локкова*, *Невтонова*. Правду сказать, одинъ Вольперъ замѣняешь собою Липшерашоровъ цѣлаго свѣта: но довольно ли имѣть только хорошій вкусъ, чшобы обнять кругъ Наукъ и Художествъ?

Я читалъ всѣ ново-вышедшія книги, и сожалѣлъ послѣ о потерѣ времени, для нихъ употребленнаго. Кромѣ д'Аламбершовой Энциклопедіи всѣхъ бы предалъ огню искусителю!

Прости. Живи мирно въ своей пустынѣ, и не говори мнѣ о смерти. Когда швоя душа исполнена огня и живости, шо шестьдесятъ два года ничего не значать. Ты переживешь меня и многихъ, подобныхъ мнѣ. Пожалуй, вырѣжешь еще на гробѣ моемъ насмѣшливую эпитафію: напередъ разрѣшаю швои согрѣшенія. Не худо, любезной другъ, подумать о приготовленіи матеріаловъ. Можешь бышь, пушусь въ царство шѣней прежде, нежели воображаю. Увидѣвъ шамъ *Виргилія*, *Софокла* и *Эврипида*, скажу, что такой-шо Французъ превзошелъ ихъ всѣхъ въ искусствѣ спихошворенія; съ *Фукидидомъ* буду говорить о вашей Исторіи, съ

Квиншомъ Курціемъ о Карлѣ XII. Раздраженныя шѣщи, вѣроятно, побили бы меня изъ зависти каменьями; но въ ушѣшеніе Зоиловъ прикажу Мопершюю прочесть въ слухъ — вашего *Акакія*. . . .

Препоручаю Господина Графа Турнейскаго всѣмъ Святымъ.

ФРИДЕРИКЪ.

П И С Ь М О LXXXVI.

Отъ Короля.

13 Октября 1760.

Отдохнемъ на минушу: переспанемъ писать о войнѣ. Можно съ пользою употребить свободной часъ на лучший предметъ; на примѣръ, поговоримъ о васъ. Уважаю Вольшера, какъ Теня единственнаго; удивляюсь стихамъ его, люблю прозу его, особенно смѣсь Липшерашуры. Ни одинъ Авшоръ оцъ сотворенія міра не имѣлъ такого тонкаго чувства, такого вѣрнаго вкуса, каковъ вашъ. Вы любезны въ обращеніи: въ одно и тоже время забавляете и учите. Споишъ вамъ захошѣшь и — весь свѣшъ соберешся подъ ваши знамена. Вы имѣете такой шаланшъ ума и пріяшности, что своихъ знакомыхъ можете бранить, и въ шу же минушу вынудить у нихъ прощеніе. Словомъ, Вольшеръ былъ бы превосходнѣйшее швореніе, ешлы бы не былъ — человекъ.

Довольствуйтесь сокращеніемъ панегирика. Сего дни недосугъ хвалить васъ много. — —

Еще одно слово. Сердце ваше кипитъ рвеніемъ противъ Езуишовъ и суевѣровъ. Очень хорошо дѣлаете, сокрушая чудовище заблужденія; но произведетъ ли сіе рвеніе какуюнибудь перемѣну въ свѣтъ? Тщесно стараюсь найти въ чловѣкѣ образъ Божій, копорой приписываютъ ему Θεологи: въ каждомъ вижу нѣчто звѣрское и лютое. Не обуздайте чловѣка законами: увидише, охотно ли повинуются онъ разуму?

Можетъ быть, вы почтете меня мизантропомъ; но я только что боленъ. Сердце мое расщерзано. Хитрые и сильные враги, съ которыми дѣло имѣю, вывели бы изъ терпѣнія Сократа и Антонина. Счастливъ, кто можетъ ограничить свои упражненія, по примѣру Кандида, обрабошываніемъ сада. Не всѣмъ дана такая доля. Быкъ пашетъ землю, соловей поетъ, шюлень плаваетъ, а я — деруся.

Прости. Посылаю опеческое благословеніе бѣднымъ Философамъ, находящимся въ вашемъ числищѣ.

ФРИДЕРИКЪ.

П И С Ь М О LXIX.

Отъ Короля.

Берлинъ, 1 го Генваря (*).

Я боленъ; но лечусь только діеюю и першнїемъ. Тщешно ополчается медицинскоя Факультетъ прошивъ законовъ шлвнїа! Не перяя должнаго уваженїа къ Г. Троншеню, скажу, что всь сушенїа правы и минералы полченые не могушь поправитъ машины поврежденной и ежеминутно ослабляемой временемъ.

Искуснїйше врачи пишушь рецепты больнымъ, для шого только, чтобы успокоитъ воображенїе: но изцвляеть единственнo діеша. Я съ своей стороны не ввря, чтобы эликсиры и микстуры могли успокоитъ меня во время болвзи, первоначально принялся за спрогую діешу, и до сихъ поръ не имью причинъ раскаяваться въ своемъ упрямшвѣ.

Можете пошвнїиць Европу швмъ, что Фридерикъ не въ опчаянїи. Правда, не смью назваться здоровымъ, однако перевожу духъ свободно. Впрочемъ, насшоящая жизнь не споишь, по моему мнвнїю, штруда старашься о продолженїи ея, хотя бы это и можно было сдвлать. . . .

Да блюдетъ васъ Богъ подъ своимъ свящымъ покровомъ!

ФРИДЕРИКЪ.

(*) Ошь 1761 до 1764 года ничего не найдено.

П И С Ь М О LXXXVIII.

Отъ Короля.

Сан - Суси , Октября 1765.

Ежели я не имѣю искуства дѣлать васъ моложе, по крайней мѣрѣ желаю вамъ долговременной жизни для украшенія вѣка нашего. Чшо спанешся безъ васъ съ изящными Науками? Кшо заступитъ мѣсто Вольшера?

Вижу, чшо вамъ неперпѣливо хочешся присупить къ заведенію извѣснаго маленькаго селенія (*). Не придумаю, какъ отвѣчать на эшо. Мейланской домъ, о кошоромъ вы писали, ближайшій къ Клеву, разорень Французами. Помнишся, онъ уже опданъ во владѣніе другому. Правда, опкупщика можно перемѣнить; но доколѣ не вышель срокъ, контрактъ имѣетъ свою силу.

Впрочемъ эшо не помѣшаетъ заведенію вашей колоніи. Пусть кшо нибудь изъ вашихъ Философовъ выправитси о удобности мѣста, и въ случаѣ нужды опнесетси ко мнѣ. Все, чшо могу, сдѣлаю въ вашу пользу.

(*) Вольшеръ просилъ Короля завести въ Клевѣ маленькую колонію Французскихъ Философовъ, кошорые могли бы тамъ говорить истину свободно, не боясь Министровъ, и Парламента.

Поздравляю васъ съ выгоднымъ мнѣніемъ о людяхъ: я держусь стараго правила. Не многіе умѣють изкоренять предразсудки худаго воспитанія. Одинъ изъ страха дѣлается при смерти суевѣрнымъ, и умираетъ Капуциномъ; у другаго образъ мыслей зависить отъ способа варенія пищи въ желудкѣ!!

Вы думаете; что ежели Квакеры и Соціаніане могли опнять у Религіи нѣкоторыя излишки: то вы, поспешенно доводя ее до возможной просвѣщенности, можете учредить новой родъ вѣры — но ошибенесь въ успѣхѣ. Сколько ни заводи сектъ, порокъ вездѣ вкрадется.

Больше ни слова.

ФРИДЕРИКЪ.

П И С Ь М О LXXXIX.

Отъ Короля.

Берлинъ, 8 Генваря 1766.

Нѣтъ! въ цѣломъ свѣтѣ не сыщешь спарика веселѣ васъ. Вы сохранили весь огонь молодости. Обиліе шой влаги, которая обращается въ нервахъ и оживляетъ мозгъ, доказываетъ, что вы не скоро умрете.

Есильди бы вы, десятиль лѣтъ назадъ, сказали мнѣ то, чѣмъ кончите послѣднее письмо: то я не разстался бы съ вами такъ скоро.

Одни таланты опличаютъ великаго человека опъ просполюдима. Можно воздержашь себя опъ злодѣаній; но не въ нашей волѣ исправить шемпераментъ, располагающій къ нѣкопорымъ слабоспямъ.

Правду говорите, что такъ называемые люди со вкусомъ вездѣ начинаютъ мыслишь. Суевѣрная Богемія и Австрия, престоль фанатизма, начинаютъ уже гушашься своимъ невѣжесвомъ. Въ нашихъ Протестантскихъ земляхъ успѣхъ идетъ быспрѣ. Оспашь одна Польша, Португаллія, Испанія и Баварія, гдѣ разумъ спитъ подъ шяжкимъ покровомъ невѣжесва и суевѣрія.

Что касашься до жипелей Женевы, со времени вашего прибытія къ нимъ, всѣ спали оспрословы. Цѣлыя вечера проводятъ въ эпиграмахъ и аншпезахъ. Это чудо приписываютъ вамъ. Во Франціи шущашь на счешь Швейцаровъ; въ Германіи — хоща мы и не считаемся на ряду съ умными — забавляющься на счешь Гелветической націи. Вы успѣли все перемѣнить, всему дашь жизнь и чувствво: скоро будущъ звашь васъ Женевскимъ Промешемъ. Ахъ! еспшли бы вы долѣ жили у насъ! можешъ

быть и Нѣмцы значили бы что нибудь въ свѣ-
стѣ! Но судьба не хотѣла дать намъ такого
преимущества.

Не успѣли вы оставишь Францію, какъ
Лишпература упала. Боюсь, чтобы Геометрія
не подавила послѣдняго сѣмянн, могущаго жи-
внть Науки. Римляне погребли хорошій вкусъ
въ гробахъ Виргилія, Овидія и Горація. Жаль,
если Французы подвергнуся безъ васъ по-
добной участи! По крайней мѣрѣ я былъ вашимъ
современникомъ: что мнѣ нужды до будущнхъ
племенъ? —

Проси. Обрабатывай свой садъ: это са-
мое умное дѣло.

ФРИДЕРИКЪ.

ПИСЬМО ХС.

Отъ Короля.

Попсдамъ, 7 Августа 1766.

Племянникъ мой пишетъ, что мимоѣздомъ
навѣщаль больнаго Фернейскаго философа.
Имя Фридерика много разъ входило въ разго-
воры: удивительно, какимъ образомъ вы, имѣя
такое обиліе въ мысляхъ и матеріяхъ, за нуж-
ное считали прибѣгать къ философу Сансусій-
скому, чтобы оживишь имъ разговоръ!

Избранное вами общество философовъ можешь поселиться въ Клевѣ подѣ моимъ покровительствомъ; но беру съ васъ условіе, чѣобы они не дерзали касаться шѣхъ, коихъ имена должны бытъ неприкосновенны; и при изданіи своихъ сочиненій наблюдали бы возможную благоприсойность. Неблагоразумное дѣло, идщи открышо противъ предразсудковъ; когда хочешь наслаждаться свободою мыслишь, надобно ли оскорбляшь вѣру? Кто не запрогаешъ напередъ самъ, того не гонящъ. Вспомнише любимую пословицу Фоншенеля: „Еспьли бы всѣ истины были у меня въ горсти, я не вдругъ бы разогнулъ ладонь.“

Ко мнѣ дошли извѣстія изъ Франціи, что какой-то Аббевиль подвергся участи Каласа. Я разсмащриваль дѣло съ надлежащимъ вниманіемъ, и не нашель никакого сравненія между Аббевилемъ и Каласомъ. Согласишесь, что каждый гражданинъ обязанъ сообразовашься съ законами Государственными: слѣдственно, кто нарушаешъ принятое богослуженіе, попъ, яко возмушишель, подвергается наказанію. Уваженіе, должное законамъ — не говоря уже о благоприсойности — обязываешъ удалять соблазнъ и вольномысліе. Я опмѣнилъ бы полько излишнюю жестокость закона, по предмету оскорбленія вѣры, сообразивъ наказаніе съ преступленіемъ; но доколь законъ сей существуетъ, судьи должны исполнять его въ строгой точности.

Зная, къ какимъ злодѣяніямъ располагаетъ фанатизмъ, воздержимся вводить его и въ философію: крошечность и умѣренность — вошь ея характеръ. Плачьше о прагматической смерти молодого, безразсудного челоука, дерзнувшаго возстать противъ вѣры предковъ своихъ; скорбише о жестокости наказанія: но не ваше дѣло поощрять другихъ къ подобнымъ дѣйствіямъ, или порицать судей, не могшихъ смягчить приговора, въ прошивности закона, сіе возбраняющаго.

Сократъ не вѣровалъ *богамъ старымъ и младшимъ*, копорымъ поклонялся народъ: однако, наряду съ прочими, приносилъ имъ жертвы.

Вѣроштерпимость можетъ дозволить избрать любимой родъ богослуженія; но не должна уполномочивать безразсудной вольности молодыхъ людей, дерзающихъ всему смѣяться, безъ зазору совѣсти. Вошь какъ я думаю о святости Религии, яко единственномъ средствѣ къ утвержденію щастія и безопасности опечесства, для копорой и издаются законоположенія.

Ручаюсь, что вы, прочитавъ сіе письмо, скажете: прямо по Нѣмецки! шакъ и нахнешъ флегмою народа, у копорого спросишь только что начинаютъ развиваться!

Пожалуй называйте насъ, какъ вамъ угодно. Овидій полюбилъ нравы народовъ Темскихъ,

и привыкъ къ нимъ; я имѣю щещеславіе вѣришь, чшо провинція Клевская гораздо лучше шого мѣста, гдѣ Дунай семью устьями ввергаешся въ черное море.

ФРИДЕРИКЪ.

П И С Ь М О Х С I.

Отъ Короля.

Сан - Суси, 15 Сентября 1766.

Къ чему такъ много хвалятъ своихъ философовъ? Я уже обѣщаль имъ мое покровительство, шолько были бы шихи и миролюбивы. Не могу давань шого, чего не имѣю. Я не чудотворецъ, и слѣдшвенно не умѣю воскресить звѣринца Клевскаго, кошорой выжгли Французы: однако въ убѣжищѣ не отказываю.

Ваши Миссіонеры способны открыть глаза молодымъ, шалунамъ; но сколько еще дураковъ останенія на земли! сколько богачей наслаждающя удовольствіями и не занимающъ душу размышленіемъ! сколько чѣстолубивыхъ ищущъ одной погибели соперника, и сколь немногіе любящъ просвѣщеніе! Гусшой шуманъ, омрачавшій челоувѣчештво въ X и XIII вѣкахъ, нечувствительнo разсѣлся; но сколько осшалось близорукихъ и спражду-

щихъ рѣзомъ въ глазахъ! Во Франціи есиль Конвулсіонеры, въ Германіи — Піэписшы, въ Голландіи — Гноспики. Суевѣріе вездѣ мѣшается.

Есильи бы гдѣ нибудь Философы основали собственное *свое* правленіе: не думаете ли, что суевѣріе не могло бы въ немъ зародиться? Неправда. Народъ, привязанный къ чувствительности, заведетъ *своихъ* идиоловъ; либо спанетъ богошворишь прахъ основателя, либо поклонится солнцу, или другимъ безразсуднѣйшимъ служеніемъ замѣнитъ истинную православную вѣру.

Довольно о суевѣріи; обратимся къ Философіи. Не я одинъ замѣчаю, что Геній и таланты являющся въ наше время — рѣже, нежели въ концѣ минувшаго столѣтія. У Французовъ только при Поэта: Лагарпъ, Мармоншель, С. Ламбертъ, и — эпо еще вѣсораго разбора.

Кажется мнѣ, молодой Поэтъ, Авторъ Триумвираша, долженъ бытъ не старѣе семидесяти прехъ лѣтъ. Я шакъ сужу по одной піесѣ, ясно показывающей, что эпотъ юноша не умѣетъ еще хорошо изображать сердечныхъ движеній. Въ цѣлыхъ двухъ дѣйствіяхъ, мною прочитанныхъ, не нашелъ я ни декламации, ни риторическихъ украшеній. Предположивъ Автора дѣйствительно молодымъ человекомъ, надѣюсь, что онъ придетъ въ совершенной возрастѣ, исправитъ недоспашки.

Вы столько надарили мнѣ своихъ сочиненій, что не смѣю указать предѣла вашему щедролобію. — Вольперъ равняется въ семь смыслѣ съ Государями, у которыхъ стоишь заслужить первую милость, чтобы имѣть право на послѣднія.

Не сердись, что я оплучилъ васъ опять себя. По совѣсти скажешь, это сдѣлано изъ любви къ миру и тишинѣ моего дома.

Вы ничего не поперяли, выѣхавъ изъ Берлина. Теперь вы въ Фернеѣ, подлѣ милой племянницы — занимаешься любимыми упражненіями, и наслаждаешься при жизни всею своею славою. Пусть за сто миль отъ Парижа счищаютъ васъ какъ бы мертвымъ; но нѣтъ не менѣе опдающъ вамъ справедливость.

Скажете пожалуйста, на что потребуе отъ меня стиховъ? Препоручалъ ли когданибудь Плутусъ Вулкану искашь для него золоша? Впрочемъ, какъ одинъ бѣднякъ, воспользуясь ссорой Императоровъ и Королей, напечаталъ уже украденную у меня рукопись, — посылаю къ вамъ экземпляръ оной. Ешлы ваша милая племянница убираетъ волосы *а ла грекѣ*, или *а леклитѣ*, можешь употребить его на завивку. Я пишу стихи самые средспвенные; а въ Поэзіи, что худые, что средспвенные, всё равно. Надобно писать по вашему, или молчать.

Одинъ Англичанинъ, проѣзжая черезъ Берлинъ, сказалъ мнѣ, что вы спали горбаты.

Какая нужда? Прометей знаешь средство оживлять себя. Огнь жизни вашей не вдруг погаснетъ. Времени же исполнившуся, Вольшеръ, пресыщенный славою, покрытый сѣдиною, вознесется на свѣтоносномъ облакѣ къ жилищу Геніевъ Лукреція, Софокла, Виргилія, Локка, Невтона и Эпикура!

ФРИДЕРИКЪ.

ПИСЬМО ХСІІ.

Отъ Г-на Вольтера.

5 Генваря, 1767.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Я всегда думалъ, что Ваша Муза рано или поздно пробудится. Для другихъ покажется странно: какимъ образомъ послѣ долговременной, упорной войны, посвятивъ себя пользѣ Государства, входя во всѣ подробности, и управляя лично всемъ, безъ помощи Министровъ, Вы успѣваете писать Французскіе стихи; для меня это не новое: я очень знаю Васъ. Но удивляюсь тому, что стихи ваши хороши. Можно ли было ожидать сего послѣ столь долговременнаго молчанія? Мысли сильныя и разительныя, живое начертаніе слабостей человѣчества, идеи глубокія и истинныя всегда были Вашимъ удѣломъ: но плавность и гармонія, совершенное знаніе чужаго языка, есть такой феноменъ,

надъ кошорымъ Академія Парижская вѣроятно сдѣлаешь наблюденія. —

Знаете ли, Ваше Величество, что Васъ спавяшъ въ числѣ Авторовъ классическихъ? Мой толстой Аббашъ д'Оливе крикикуешъ Васъ въ своей Просодіи Французскаго языка, и сердится, яко бы Вы гдѣ-то безжалосно опиняли у слова сгѣре конечное *e*. Думаю, это ошибка не Фридерика, а наборщика. Но какъ бы шо ни было, Вы уже включены въ число Авторовъ классическихъ: д'Оливе разсматриваешъ Васъ, какъ Расина, выводипъ на судилище Словесности, и безъ всякой апелляціи осуждаешъ Васъ дѣлашъ изъ сгѣре два слога.

Я ухватился за ремесло толстаго Аббата, и обличаю Васъ въ погрѣшности, совсѣмъ прошивной. Вы раздѣлили на два слога *hait* въ прекрасномъ своемъ разсужденіи Спюика:

Voire gout offensé hait l'absynthe amère.

Это не проспшишельно. Глаголь *hair* въ изъявительномъ наклоненіи не имѣешъ двухъ слоговъ. Пожалуй, бѣйше насъ сколько угодно:

*Nous pourrions bien hair les infidelités
De ceux, qui par humeur ont fait des fols traités;
Nous pourrions bien hair la fausse politique*

И проч. и проч.

Но не допустимъ, чшобы haig было двусло-
жное. Исправьшесь.

Ахъ! гдѣ по время, Всемилоспивѣйшій Го-
сударь, когда я имѣлъ счастье, находясь въ
Пошсдамъ и Сансуси, спавишь надъ Вашими і
почки? Увѣряю Васъ, что эти два года были
неоцѣненные въ моей жизни! — Сапана под-
жегъ меня выпроишь себѣ замокъ на границѣ
Французской, и я начинаю раскаяваться за по-
слушаніе. Папагоны, воспареніе души, и щель,
копорая ведешь къ средоточію земли, опкло-
нили меня далече опъ испиннаго средоточія.
Дорого споишь мнѣ сія щель!.. Я могъ бы
жишь счастливѣе подлѣ Васъ.

Правду изволише говоришь, что суевѣріе
вездѣ найдетъ свою пищу. Хвала Королю
Прусскому, копорый *не отрицаетъ хлѣба у гадъ,*
да подвержетъ его псамъ! Я не боюсь смерти; но
не хотѣлъ бы еще умирать, желая помочь
Вамъ въ польѣ благородномъ предпріятіи.

Алкидъ Германскій, будь вмѣстѣ и Неспоромъ Германіи! —

П И С Ъ М О Х С Н .

Отъ Короля.

Потсдамъ, 10 февраля 1767.

Благодарю за поправку моихъ стиховъ. Поэзія для меня служить ошдыхомъ. Знаю, что мой палантъ изъ посредственныхъ; но я уже пріучилъ себя находить удовольствіе въ стихотвореніи. Посылаю вамъ еще двѣ повѣсти въ другомъ тонѣ.

Сказашъ ли новость? Езуитовъ едва ли не выгоняшъ изъ Испаніи. Честные ошцы вмѣшались не въ свое дѣло. Дворъ полагаетъ, что они возбуждаютъ народъ къ мяшежамъ.

Императрица Всероссійская объявила Себя кровивельницею Доссидентовъ: Польскіе Епископы бѣсятся съ досады. Какой несчастный вѣкъ для Двора Римскаго! Въ Польшѣ явно противъ него вооружаются; изъ Франціи и Португалліи выгоняютъ его гвардію. Вѣроятно, не лучше поступяшъ съ ними и въ Испаніи. —

Желаю счастья Доссидентамъ; но не хочу видѣть ихъ Энцюзіастами. Надобно, чтобы Республика не теряла чрезъ то спокойствія. Свяшый Опець послалъ въ Польшу къ избранымъ чадамъ своимъ увѣщаніе, въ которомъ упоминается между прочимъ о славіи мученичества, объ огнѣ, оковахъ, рвеніи, и пр. и пр.

Обратимся къ вашимъ бѣднымъ Женевцамъ. По газетамъ видно, что министерство Версальское становится для нихъ милосерднѣе. Желаю сего для пользы человѣчества. На что перемѣняшь законы народа, которой свято хочешь блюсти ихъ? Не много чести для Франціи, принѣснишь бѣдную сосѣдственную Республику. Пусть гордая, храбрая Франція сразится съ Англією: побѣда принесетъ несравненно большую славу; потому что Англичане сами горды, и умѣютъ защищать себя. Не знаю, удастся ли Французамъ завести Англійской Банкъ? Мысль очень хороша; но я, которой, живучи шакъ далеко, могу ошибаться въ сихъ вещахъ, не думаю, чтобы они взяли за это во-время. Для Банка попребно имѣть кредитъ; а сего-то и недостаешь Франціи, еслиди въришь молвъ народной.

Въ Берлинѣ живешь Графиня *Грагинская*, родомъ изъ Польши, феноменъ своего пола, любительница Липерашуры. Она знаетъ языки: Латинской, Греческой, — читала всѣхъ классическихъ Авторовъ на природномъ ихъ языкѣ, и понимаетъ очень хорошо. Въ шѣль ея обитаетъ душа Бенедиктинца; однако эта душа не ссорится съ разумомъ. Послѣ шакой похвалы можете судить, хорошо ли ее приняли здѣсь? Графиня въ разговорахъ быстра, основательна, и ни мало не въпрена. Что всего удивительнѣе, училась безъ учителей!

Я привожу ее въ примѣръ, достойный по-
дражанія, всѣмъ нашимъ Дамамъ. Нѣмки, по
природной способности, могли бы надѣяться
большихъ успѣховъ въ просвѣщеніи; къ неща-
стію, не хотѣятъ понимать блаженства люби-
пелей просвѣщенія, и за нѣмъ, что сіе блажен-
ство не изливается въ воспоргахъ чувствен-
наго удовольствія, не хотѣятъ назвать его и
блаженствомъ. — —

ФРИДЕРИКЪ.

П И С Ь М О ХСІV.

Отъ Короля.

Потсдамъ, 28 Февраля 1767.

Поздравляю Европу съ произведеніями, ко-
шорыми обогащаль ее Вольшеръ цѣлыя пять-
десять лѣтъ: да продлишь Небо дни его, со-раз-
мѣрно лѣтамъ Несшора! Вмѣстѣ съ нимъ окон-
чился вѣкъ Лудовика XIV, и опъ сей эпохи ве-
ликихъ мужей — онъ самъ остаешся пос-
лѣдній.

Въ толпѣ Ученыхъ Французскихъ я не ви-
жу творческаго духа, эшаго истиннаго Генія,
кошорый открываешся въ красотѣ, въ правиль-
ности, иногда въ самыхъ опспупленіяхъ. Фран-
цузы привязались къ анализамъ (*раздробленіямъ*),
и думаютъ чрезъ нихъ прослышь глубокомыс-
ленными: но въ лучшемъ изъ ихъ сочиненіи

видишь зашѣи холоднаго умспвовашеля, незнакомаго Граціямъ.

Вы окружены шакими Философами, копорые убѣждающѣ силою пулей и шшыковѣ. Думаю, не очень весело шакое сосѣдство для Женевца!

Эшо наминаешѣ мнѣ сказочку объ одномъ Швейцарѣ, которой въ послѣней день ѣлъ яишницу съ вешчиною. Вдругъ ударилъ громъ. Боже! воскликнулъ оскоромившійся; сколько шревоги за яишницу! . . .

Женевцы могли бы въ подобномъ шонѣ опшесшисъ къ Лудовику XV. Воинская шревага вѣрояшно не въ ихъ пользу кончшсся. Хорошо, есншли бы они догадались смиршть свою гордосшь предѣ обшояшельспвами. На случай, ежели духъ брани будешѣ расшляшть сердца ихъ, совѣшную лучше убрашсья ко мнѣ, въ назначенное вами мѣсно.

Въ продолженіе войны свирѣпшвовала въ Бреславлѣ моровая язва; каждой день умирало болѣе сна человекѣ. Одна Графиня сказала: *слава Богу, лучшее дворянство пощажено; умираетъ только гернь!* Вопш какъ по большой часши думающѣ о народѣ, когда вршшвснющѣ его! . . . Но чему шущѣ дившсья? Тоже случалосъ почти во всѣхъ вѣкахъ. Пшпомцы форшуны, взледѣнчнныя въ довольспвѣ и нѣгѣ, думающѣ, будшо народъ всегда увеличиваешѣ для нихъ свои бѣд-

спвія, будто несправедливости ихъ не больше, какъ ошибка, и — рѣзвась опнимающъ жизнь у собраній своихъ!

Желаю вамъ освободиться отъ непріязненныхъ сосѣдей, и спокойно опдыхашъ въ нѣдрахъ уединенія, подъ лавровою сѣнію Аполлона!

ФРИДЕРИКЪ.

П И С Ъ М О Х С V .

Отъ Г-на Вольтера.

3 Марша, 1767.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Очень понимаю приключеніе двухъ собакъ; пошому что онѣ и меня зацѣпили. Коммерція прекратилась; война не кровію шокмо обогрѣяетъ землю, но разоряетъ ее. Ваши собаки суть почное изображеніе нашихъ Французскихъ и Бернскихъ героевъ. Еспьли бы живошныя имѣли способность разсуждашъ, вѣрояшно рѣже нашего могли бы ошибашься. Онѣ слѣдуютъ нашуръ, а мы испоршили ее.

Ваше Величество знаетъ, что я не политикъ, а говорюше со мною загадками. Осмѣливаюсь просить объясненія: почно ли Король Польскій, не имѣя силъ бороться съ Епископами, тайно прибѣгалъ къ Вамъ, къ Россіи, къ

Англии и Дании, но получилъ подкрѣпленіе польскою опѣ Россіи? Уже ли Императрица Всероссийская одна держишь на раменахъ своихъ бремя, кошорое намѣревала раздѣлить на три Державы?

Есть маленькое прошиворѣчіе, что Высочая Союзница поддерживаетъ вѣрошпершимость — рукою вооруженною; но нетерпимость сшолько опрошивѣла, что жаль не изкоренишь ее! Долго суевѣріе было причиною браней и раздоровъ: для чего же не объявишь войны и суевѣрію? Я радъ, что въ наше время ошкрываются новые Беллерофоншы и Геркулесы!

Какъ бы то ни было, обѣ Ваши новѣсти презабавныя. Геній Фридерика вездѣ равенъ себѣ.

Всеподданнѣйше прошу Ваше Королевское Величество, не лишайъ меня благоволенія, пока еще пресмыкаюсь на эшой кучкѣ грязи, называемой землею.

П И С Ь М О Х С V I .

Отъ Г-на Вольтера.

5 Апрѣля, 1767.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Не придумаю, когда будетъ можно для энихъ собакъ, кошорья, не смопря на побои, грызушея за пусшую косшь, попребовашь ко-нуры въ Вашихъ областяхъ! По моимъ расче-шамъ, двѣ фамиліи уже выѣхали изъ Женевы; о другихъ не знаю. Всякое сообщеніе, даже сло-весное сношеніе пресѣчено. Куда ни обернуса, вижу кордонъ. Съ Фернейскаго помѣщика бе-рушъ поборы, по двенадцати пиншъ молока и по чешыре пары голубей. Ештли эшо продол-жипся еще, шо кампанія должна бышь пре-славная и предоспонамашная!

Но не война заставляепть меня въздыхашъ о шомъ блаженномъ времени, кошорое провелъ я поддъ Вашего Величештва; прискорбно шо, чшо кончу жизнь мою далече ошъ Фридерика. Я могъ бы назвашься, по своему сосшоянію, до-вольню счасшливимъ; но какое эшо счасшіе — бышь удалену ошъ Васъ? Положимъ, чшо и многіе изъ Государей мысляшъ и чувствуюшъ по Ва-шему: но гдѣ найду Философа, кошорый могъ бы написашъ *предисловію къ церковной Исторіи* Аббата Флѣри?

Естьли бы я не такъ былъ спаръ и изнуренъ болезнями, охотно бросилъ бы свой замокъ и дерева, копорыя самъ разводилъ; пригласилъ бы двухъ или шрехъ Философовъ, уѣхалъ бы съ ними въ Клевъ, посвятивъ ошпашпокъ жизни, подъ Вашимъ покровительствомъ, на издание нѣкошорыхъ полезныхъ сочиненій. Къ слову; не можеше ли, Всемилоспивѣйшій Государь, подъ рукою насстроить какого нибудь Берлинскаго книгопродавца, чтобы онъ напечаталъ ихъ вновь, и пуспилъ въ продажу во всѣ Европейскіе города, по сходной цѣнѣ? Да прославишь шѣмъ имя Фридерика по всей земли!

У меня госпишь молодой человекъ, Лагарпъ, любилшелъ Липшерапуры. Его письмо ошъ имени монаха къ основателю Лапрацской обшпелли, по моему мнѣнію, превосходное! Надѣюсь имѣшь честь доспавить его къ Вашему Величеству при первомъ случаѣ.

Обязанноспію считаю донести объ одномъ молодомъ Офицерѣ, копорой всшупивъ въ службу на двенадцаномъ году, не хочешъ болѣе служишь никому, кромѣ Васъ. Уѣхавъ тайно изъ Парижа, онъ являешся ко мнѣ, и шребуешъ Вашего Королевскаго дозволенія положить свою голову подъ знаменами Пруссіи. Молодецъ самой древней дворянскай фамиліи, — наспоющій Маркизь — не изъ шѣхъ Французскихъ повѣсть, копорые берутъ себѣ любой шишуль въ шракширѣ, и вмѣсто плащы

заспавляютьъ почталоновъ величашъ себи Монсиньерами (милостивыми государями). Оцъ называется Маркизь д'Аншуанъ, племянникъ одного Генераль-Лейшенанца , любимѣйшаго изъ нашихъ Академиковъ, который, имѣя опъ роду спо дѣшъ, могъ еще писашъ хорошіе списхи.

Больной старикъ повергаешся къ спопамъ Вашего Величества съ нѣжностію, удивленіемъ, почщеніемъ и — одышкою.

П И С Ъ М О ХСVII.

Отъ Короля.

Потсдамъ, 5 Маія 1767.

Я думалъ, что земля Фернейская и городъ Женева должны бытъ, во время военное, ковчегомъ спасенія опъ ужасовъ опустошенія. Теперь вижу, что нѣшъ мѣсца, куда бы судьба и безпокойные смершные не ввели сего бича. Жалѣю о гражданахъ Калвинскаго Рима, видя ихъ принужденными или оснавишь опечесство, или опказашся опъ свободы. Французы обошлись съ ними очень сурово. *Лентцль* во время своихъ пушешествій намѣревался заѣхашъ въ Ферней; но удержанъ опъ сего — кордономъ. Смошрише, какъ дѣйствуюшь законы взаимности надъ всею Природою !

Капитолія, куда собирався Сенатъ, повелитель вселенной, заняша теперь Кукуллами, а Ферней, тихое, любезное убъжище философа, служитъ главною квартирою войскамъ французскимъ. Надъюсь, что Вольтеръ умягчитъ сердца любителей браноносцевъ, какъ Орфей, предшественникъ его, укрощалъ некогда шигровъ и львовъ.

Жаль однако, что вы, на ряду съ прочими существами, подвергаетесь немощамъ спароспи: надлежало бы такія привилегированныя души исключать изъ общаго класса смертныхъ. Науки вѣчно будутъ оплакивать вашу потерю. —

Можете употребить къ своимъ услугамъ моихъ типографщиковъ. Пользуясь совершенною свободою, они имѣютъ связь съ Голландіею, съ Франціею и Германіею. Безъ сомнѣнія, всюду могутъ разсылать свои шовары.

Я досталъ себя Мармоншелева Велизарія. Сорбонскіе законоучители неумолчно вопіютъ проптивъ бѣднаго Автора за то, что обѣщаетъ спасеніе Марку-Аврелію. Лучше хотѣлъ бы я думать: не нашло ли Правительство сходства въ его Юстиніанѣ съ Людовикомъ XV; и для того, чтобы уязвить Автора, выпустило на него Сорбонну, какъ собаку, которая лаеетъ на всякаго, ежели ее раздражить. —

Не унывай, любезной другъ, въ своей инабквартирѣ Фернейской. Употреби въ пользу примѣръ Архимеда, которой, углубившись въ одну проблемму для спасенія согражданъ своихъ,

быль нечувствительнъ къ осадѣ города, — и
вѣрь, что Царь Геронъ не думалъ сколько о
сохраненіи своего Геометра, сколько я беру
участія въ великомъ человѣкѣ, попавшемся въ
кордонъ французскихъ войскъ.

ФРИДЕРИКЪ.

П И С Ь М О ХСVIII.

Отъ Короля.

Попсдамъ, 31 Июля 1767.

Изъ Парижа писали, что вы переехали
въ Лионъ; и сей-шо перемѣнъ жилища при-
писывалъ я ваше долговременное молчаніе. Жа-
лѣю, что вы молчали по другой, печальнѣйшей
причинѣ.

Тиріо доставилъ мнѣ вашу Оду на Женев-
цевъ. Огонь воображенія вашего не боится ни
морозовъ Швейцарскихъ, ни холодной сноро-
сннн. Поэма одушевлена веселостію; изъ сего
заключаю, что въ васъ еще много жизни. Какъ
бы то ни было, опасностъ миновалась, и вы
должны что нибудь сочинить для насъ о Спик-
сѣ, Харонѣ, Церберѣ, и другихъ предметяхъ, къ
копорымъ такъ близки были. Описаніе пуше-
шества сего, безъ сомнѣнія, будетъ интерес-
нѣе басней провзжихъ удалцовъ, копорые бре-

дять на бумагѣ о томъ, чего никогда не вида-
ли. Но возвратимся въ сей окаинной міръ.

Ахъ! какъ скоро въ немъ спарѣются, лю-
безной Вольперъ! Все перемѣнилось съ того
времени, которое можете припомнить. Желу-
докъ мой переспалъ почти варить, и я дол-
женъ отказатьсь опъ ужиновъ. По вечерамъ
занимаюсь чтеніемъ, или бесѣдою. Волосы мои
посѣдѣли; зубы крошанся; ноги спраждупъ
подагрою. Я дышу еще, но съ горестію усма-
триваю, что время положило великое различіе
между сороковымъ и пятьдесять-шестымъ го-
домъ. Не забудьте, сколько дѣлъ, сколько пя-
жести лежало на плечахъ моихъ! Въ головѣ ни-
чего не оспалось, кромѣ часпицы общаго смы-
сла и всегда возраждающейся любви къ Нау-
камъ и Липерашуръ, единственной моей оп-
радъ.

Вашъ духъ гораздо моложе моего; вѣрно вы
много пили живой воды, или нашли другой се-
крешъ, неизвѣстной великимъ мужамъ, пред-
шешвенникамъ вашимъ.

Вы хошите снова приняться за *Вѣкъ Лудо-
вика XIV*: не опасно ли писать о произшеспи-
віяхъ нашего времени? Къ слову; вообще гово-
ряшъ, *вѣкъ Августа*, *вѣкъ Лудовика XIV*; но до
какой точки времени просшираешся эпошъ
вѣкъ? Сколько до рожденія того, кто даешъ
ему свое имя, и сколько по смерти? Вашъ опи-
вѣшъ рѣшишъ маленькой ученой споръ, кото-
рой у насъ зашелъ по сему предмету.

Я принялся разводиться свою фамилию, по
есть, играю свадьбы: шенерь у меня племян-
ницъ и племянниковъ больше вашего. Всѣ жи-
вущъ нишо, мирно, по философски!

Живите и вы для украшенія Наукъ. Ежели
не могу васъ лично видѣть и слышать, желаю
долго, долго чипать и удивляться Патриарху
фернейскому!

ФРИДЕРИКЪ.

ПИСЬМО ХСІХ.

Отъ Г-на Вольтера.

Ноября, 1769.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Одинъ умной Богемець, любитель Фило-
софіи, по имени Гриммъ, писалъ ко мнѣ, что
Вы посвятили Императора Римскаго въ наши
шайнства, и что оспаетесь не очень довольны
двухлѣшнимъ моимъ молчаніемъ.

Чувствительнѣйше благодарю за маленькіе
Ваши упреки. Признаюсь, Всемилостивѣйшій
Государь, и досадно, и стыдно самому было
смотреть на худой успѣхъ переселенія моихъ
Женевцевъ!.. Не смѣю болѣе предлагать Ва-
шему Величеству вздорныхъ своихъ плановъ.

Подумаешь, Иезуиты находятъ учениковъ, копорые согласны идти, куда ни пошлютъ ихъ; а я не сыскалъ и прехъ философовъ! Къ чему годится разумъ? — Въ заключеніе скажу: какъ ни представляйте меня молодымъ, чувствую весь холодъ спароспи, и не смотря на мои вѣжливыя письма къ Императрицѣ Всеросійской, до сихъ поръ лежу при смерши.

Но я оживляюсь, воспріемлю всѣ свои чувства и всю свою философію, когда собираюсь писашъ къ Вамъ о небольшой Англійской дерзоспи. Въ Англии много великихъ мужей; много и энпузіасховъ. Одинъ изъ сихъ вѣрошно съ добрымъ намѣреніемъ, напечаталъ въ придворной газетѣ, называемой the whitehall evening-post, опъ 7 Оксября, мнимое письмо Вольпера къ Королю Прусскому, въ кошоромъ я увѣщаваю Ваше Величество не развращашъ болѣе своей націи. Вотъ точныя слова, по вѣрнѣйшему переводу: „Какая жалость, еспли великія „Ваши познанія, Ваши таланты и совершенства „душевныя послужашъ шокмо къ упрашъ сего „дара небесъ, на погибель и несчастіе рода чедовѣческаго! Всемилоспивѣйшій Государь! Вамъ „ничего болѣе не оспашся желашъ въ семь „мірѣ, кромѣ имени Героя - Христіанина.“ —

Не мудрено, ежели безымянной враль напечаташъ письмо опъ меня къ Его Султанскому Высочеству, Мустафѣ, съ прозьбою о приобрѣтеніи себѣ Героя-Восшока! Но какъ Мустафа не имѣешъ шолько мозгу, чшобы приняшся

за ремесло Героя, и какъ испинная моя Героиня Имперашица Всероссійская взяла нужныя мѣры къ оивращенію сей бѣды опъ Мустафы: по и сомнѣваюсь, чшобы я принялъ когда ии-будь учаспіе въ Туркахъ. Люблю имѣшь дѣло съ Государями и Государынями Сѣверными, копорые умнѣ и просвѣщеннѣ всего Конспанцинопольскаго Дивана.

Я опвѣчалъ Авшору прекраснаго письма слѣдующими словами: „Въ придворной газетѣ „No. 3668, я видѣлъ подложное письмо опъ меня „къ Его Величеству, Королю Прусскому. Пись- „мо довольно глупо; однако не я писалъ его.“

Вольтерѣ.

ферней, 29 Октября 1769.

Вездѣ найдете, Всемилоспивѣйшій Госу- дарь, сія злыя и грубыя души, копорыя по- добно *Филаминтѣ* Мольеровой говоряшь :

Nul ne doit plaire à Dieu que nous et nos amis! (*)

Прекрасно опвѣчалъ Учитель брата Лудо- вика XIV, одному изъ шаковыхъ чудаковъ : *Друзѣ мой! изѣ любви къ Религи, не хочу быть одной съ тобою Религи.*

Богоспочтеніе не состоиптъ въ коверканъ Квакеровъ, Анабапшистовъ, Піэшистовъ. Ис-

---

(*) Никшо не смѣй угождашь Богу, кромѣ насъ и друзей нашихъ.

Ком. Ученья женщины.

пинная Религія, испинная мудрость и благочестіе, вѣришь и покланяешься духомъ и испиною Опцу всѣхъ сущесвъ, Царю единому, непошжимому.

Нешерпѣливо желаю скорѣе очисшитъ опечество Ксенофонша, Сокраша, Плашона, Софокла и Эврипида опъ варваровъ Турокъ. Желаніе мое не излишнее, ибо подвигъ сей предосшавила Себѣ ЕКАТЕРИНА Великая.

Въ заключеніе скажу: я не вспаю съ пошпели ровно годъ; но желалъ бы перенесши свою пошпелю въ Клевъ.

Носяшся слухи, будто Ваше Величество, которое не сошворено лежашъ въ пошпелѣ, чрезвычайно поправились въ здоровьѣ, и что цвѣшь лица у Васъ самой свѣжій. Да блюдешь Васъ шаковымъ вѣчное Существо!

Возрише со благоволеніемъ на глубочайшее почшеніе Вашего спараго подданнаго, который — чшобы ни говорили о немъ — никогда не перемѣнялъ своихъ мыслей въ разсужденіи Васъ!

П И С Ь М О С .

Отъ Короля.

Потсдамъ, 25 Ноября 1789,

Вы слишкомъ скромны, ежели думали, что двугодичное молчаніе ваше можно сносить шерпѣливо. Нѣтъ! испинный другъ просвѣще-

нія долженъ находить величайшее удовольствіе въ вашихъ словахъ, и радоваться, когда пишете о своемъ здоровьи. Оставьте въ покоѣ робкихъ Женевцевъ, которыми я не занимаюсь, и увѣдомляйте меня чаще о Прометѣ нашего времени, который небеснымъ свѣтомъ озаряетъ слѣпошствующихъ насъ.

Очень радъ, что Англійскія глупости оживили васъ. Люблю дураковъ, которые могутъ дѣлать такіе диковинки, однако это не пріятнѣе мнѣ сказать, что Авторъ подложнаго письма грубой дуракъ.

Не вооружаюсь противъ бусурмана Мустафы, за тѣмъ, что ЕКАТЕРИНА II приняла на Себя трудъ выгнать бородача въ Азію. Главное мое дѣло, расположить Гг. Конфедератовъ къ единству и миру, показавъ имъ, какое различіе между тѣмъ, когда гонятъ вѣру ихъ, и тѣмъ, когда пребууютъ, чтобы они не гнали прочихъ! Сердечно желаю спокойствія всей Европѣ, и мира всему міру. — Ахши, не наследовалъ ли я сихъ высокихъ чувствованій отъ Аббата Сен-Пьера?

На старости читаю сочиненія племянника Аббата Вазеня. Пожелайте ему, моимъ именемъ, долговременной жизни, здравія, удовольствія, и — какъ бы ни говорили обо мнѣ — увѣрьте его въ моей любви.

Конецъ второй части.

нія долженъ находить
въ вашихъ словахъ, и
ше о своемъ здоровьѣ
кихъ Женевцевъ, кои
увѣдомляйте меня ча
времени, кошорый
решъ слѣпошсвуоу

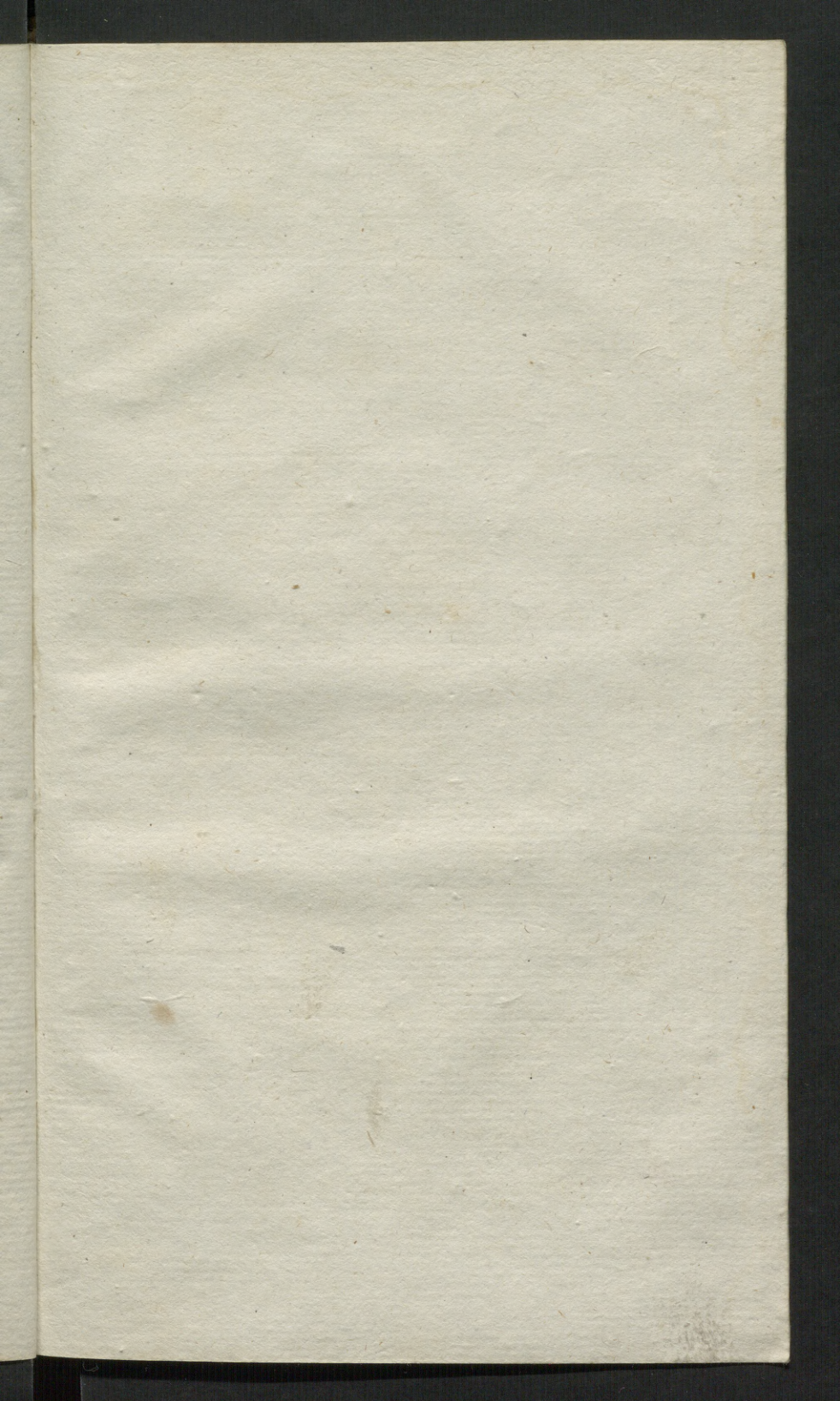
Очень радъ, что
вили васъ. Люблю ду
дѣлать такіе диков
пяшсвуешъ мнѣ ск
ложнаго нисьма грубо

Не вооружаюсь
шафы, за шѣмъ, что
Себя шрудъ выгнашь
мое дѣло, расположи
единсшву и миру, по
между шѣмъ, когда
когда перебуошъ, что
Сердечно желаю спо
мира всему міру. —
я сихъ высокихъ ч
Сен-Пьера?

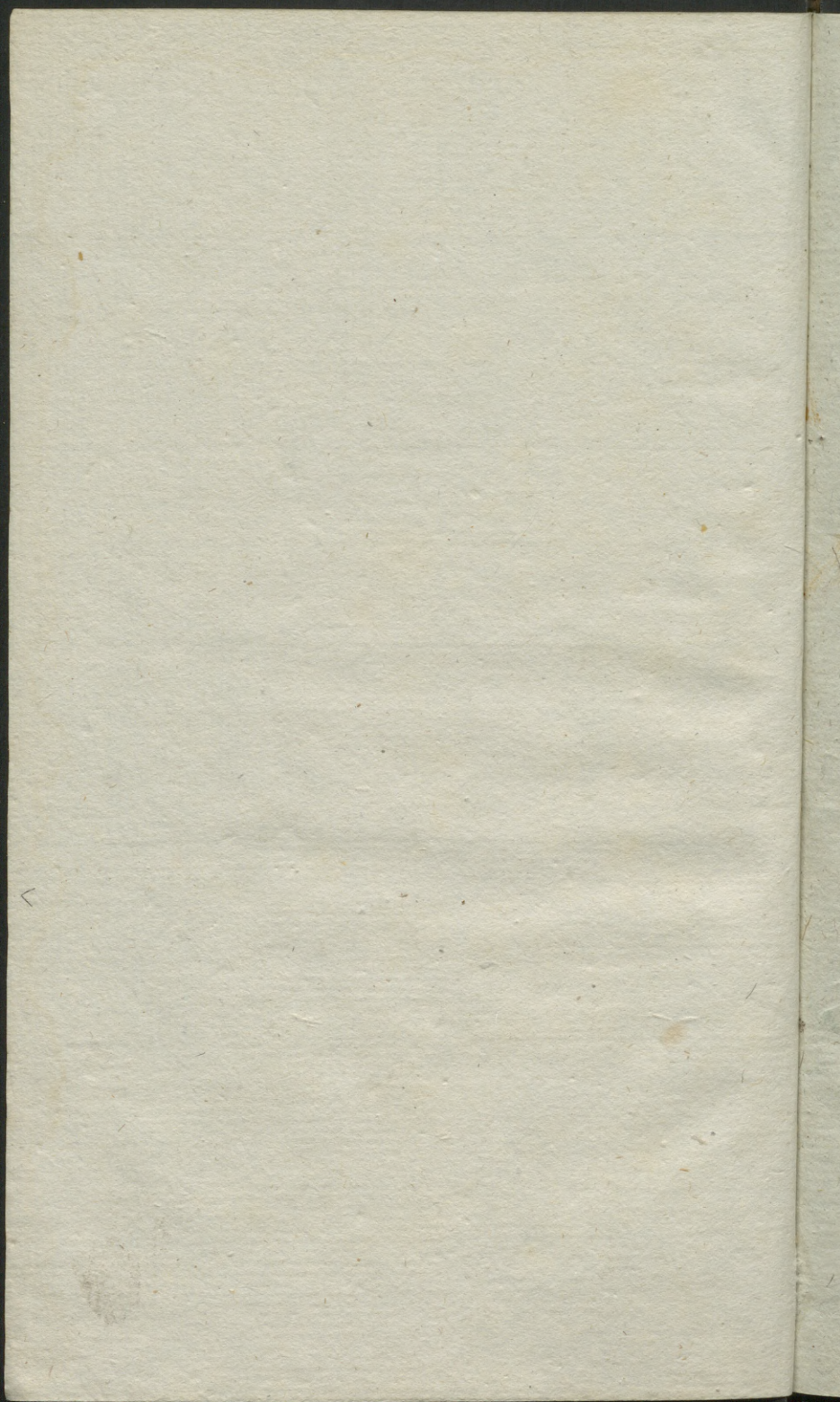
На старости чи
Аббаша Базеня. По
немъ, долговременно
сшвія, и — какъ бы
увѣрьте его въ мое

Конецъ

5p.

